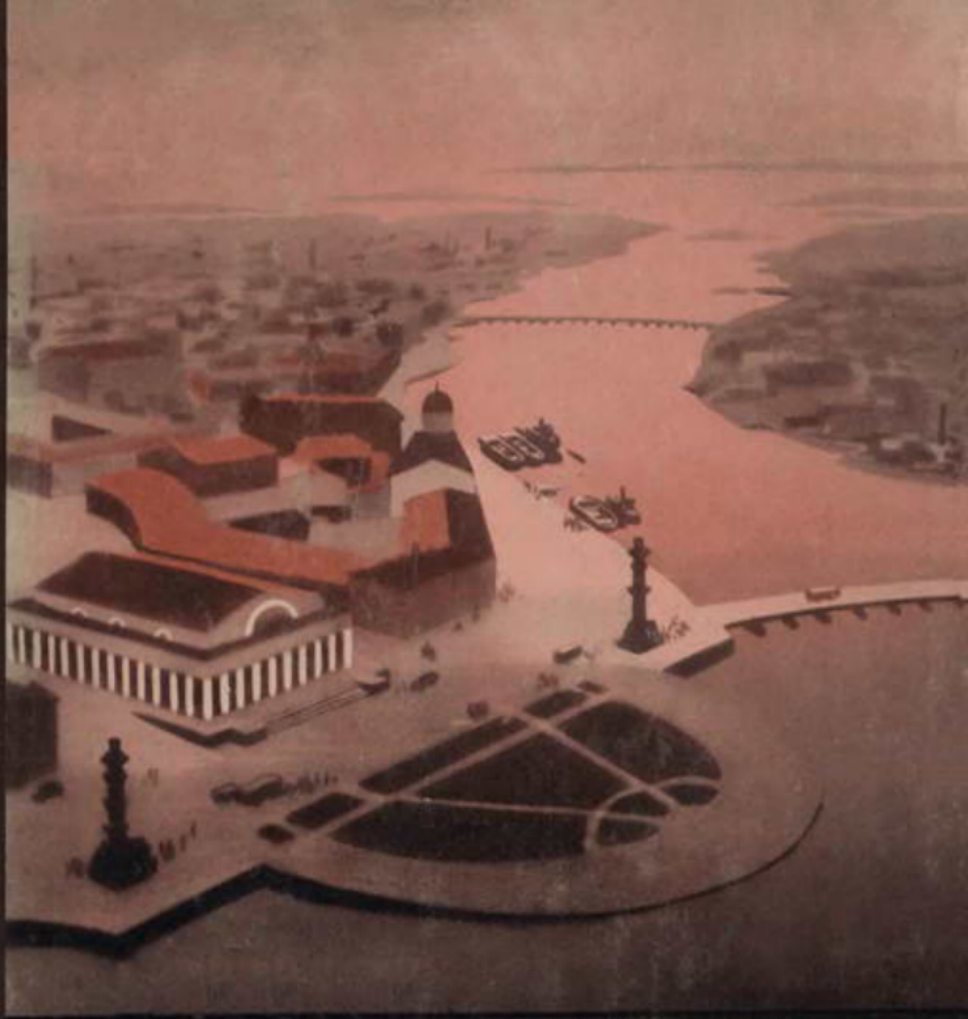


Л. УСПЕНСКИЙ и К. ШНЕЙДЕР

НА 101 ОСТРОВЕ

Детиздат — 1957

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книгу входят 11 занимательных рассказов о Ленинграде, о тех вещах и явлениях, которые порою неприметны, но составляют наряду с прославленными сооружениями неповторимо прекрасный облик города-героя. Известно ли вам, на чем стоит Ленинград, сколько в нем мостов, какие фонари, как живут его статуи?.. О многих тайнах и загадках города вы узнаете, когда прочтете эту книгу.

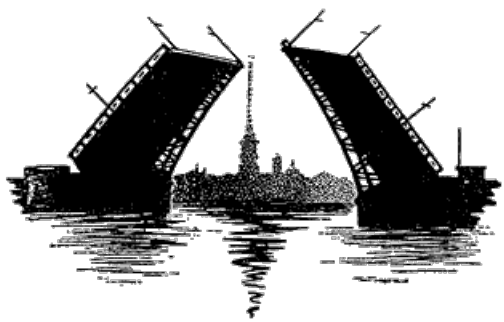
- Лев Васильевич Успенский
  -
  - Читателям
  - Невская виктория
  - На чем стоит Ленинград
  - Камни нашего города
  - Живая вода
  - О чем говорят имена наших улиц
  - Фонарики-сударики
  - Лошадиная сила
  - В бронзе и мраморе
  - На охоту за львами
  - Мосты повисли над водами
  - Дерзновению подобно
  - Иллюстрации
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Лев Васильевич Успенский
Ксения Николаевна Шнейдер

На 101 острове

Л. УСПЕНСКИЙ и К. ШНЕЙДЕР

НА 101 ОСТРОВЕ



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАД • 1957

Читателям

Дорогие друзья!

Вот еще одна книга о Ленинграде. Мы написали ее для тех быстроглазых, жадных до знания читателей, у которых прочесть означает заинтересоваться, а заинтересовавшись, постараться своими глазами увидеть все, о чем они узнали, — начать действовать. Что за радость обращаться к тому, кто развесив уши, равнодушно выслушает все и промямлит, холодный, как лягушка: «Ах вот как? Ну и что же?»

Зато рассказывать слушателю, который хочет поверить и сомневается, который готов сейчас же бежать, чтобы выяснить, а так ли оно на самом деле, — вот такому слушателю сообщать новое — одно удовольствие.

О городе, подобном Ленинграду, можно говорить на тысячу ладов.

Можно — улицу за улицей, район за районом — подробно описывать все его достопримечательности: великолепные здания, прославленные площади и парки, знаменитые учебные заведения, богатейшие музеи, гигантские заводы. Получится преполезная книга-путеводитель; такие всегда нужны, особенно туристам.

Можно также написать для ребят правдивую биографию нашего города, повесть о его долгой жизни, от рождения и до сегодняшнего дня. Эти была бы увлекательная книга: ведь недаром великий писатель и большой знаток Петербурга — Федор Михайлович Достоевский — назвал Петербург самым фантастическим городом, а его историю самой фантастической из всех городов земного шара.

А ведь Достоевский сказал это почти сто лет тому назад. Сколько с того времени на берегах Невы произошли еще необыкновенных и величественных событий!

О Ленинграде написаны и пишутся романы и поэмы, суховатые справочники и углубленные научные работы — целая библиотека интереснейших трудов. Наша книга не справочник, не путеводитель и не роман.

Что же она такое?

За последние годы нам часто приходилось рассказывать о Ленинграде по радио — и взрослым и особенно ребятам-школьникам, потому что интерес к нашему городу очень велик и все растет и растет. О чем же мы рассказывали? Не о самых прославленных чудесах Ленинграда, о них и без того много говорили, а наоборот, о наименее известных его тайнах и загадках. О странной речке Лиговке, которая половину своего

пути течет над головами людей, а половину — глубоко под их ногами; о бродячих статуях, которые переселяются с места на место, точно люди, выбирающие себе квартиру по вкусу; о многом еще.

Но радио — слово — вещь летучая: прозвучало, и не всегда еще раз услышишь его; недослышал, а переспросить нельзя. Мы решили обо всем этом написать небольшую книжку. Она перед вами.

Надо заметить: писать о Ленинграде нелегко по разным причинам, и, между прочим, вот почему.

Бывают на свете люди таких разносторонних талантов, что, когда говоришь о таком человеке, не сразу определишь — а чем же, собственно, всего примечательнее его жизнь и его дела? В какой области он больше всего прославился? Возьмите, к примеру, Михаила Васильевича Ломоносова. Литераторы называют его одним из крупнейших поэтов России. Ученые видят в нем гениального физика, химика; живописцы — большого художника, первого русского мозаичиста. Языковед именует его «славным грамматиком»; географ — землеведом. Даже строители вертолетов и те считают его своим родоначальником. Вот и попробуйте напишите биографию такого человека!

То же бывает и с городами. Точно сказочный бог древности Протей, Ленинград имеет не один, а много обликов. Заговорите о нашем городе с человеком во флотской форме:

— Ленинград — город-моряк! — убежденно скажет он. — Это город-порт, город-верфь. Он дышит морем, пахнет морем. Он родился моряком, им и остается. Уже двести лет назад народ пел песню о том, как:

«Во городе, во Санкт-Питере,
На Васильевском славном острове
Молодой матрос корабли снастил…»

Работник науки скажет:

— Наш Ленинград — город-ученый. Это гигантский вуз: с полдюжины академий, университет, множество институтов, лабораторий, музеев… Его слава — в науке, с этим нельзя спорить.

Но ведь архитектор по праву назовет Ленинград городом-музеем каменного художества, городом великих зодчих; писатель начнет говорить о выдающихся поэтах и прозаиках, талант которых вырос здесь. Композитор признает Петербург родиной самых замечательных наших музыкантов. Не отстанет от них и живописец.

И уж конечно, каждый рабочий — токарь с Кировского завода, обмотчик с «Электросилы», разметчик с «Металлургического», прядильщица с «Красной нити» — скажет вам:

— Ленинград — город-рабочий.

— Да, — согласится с ними историк, — Ленинград — город могучего, неустанного труда.

Сядьте на речной трамвай, на Васильевском острове у Академии художеств, поднимитесь по широкой, стремительной Неве семь, десять, двенадцать километров, — на всем пути мимо вас будут проходить бесчисленные заводские корпуса, дымящие трубы, могучие краны, похожие на древних ящеров, эстакады, тянущиеся вдоль невских вод, колоссальные опоры высоковольтных передач, несущих ток Волхова и Свири стальному сердцу Севера. Невский судоремонтный завод, Фарфоровый завод, комбинат «Красная нить», Текстильный комбинат имени Тельмана… Кажется, ты плывешь не по реке, а по потоку времени, овеянного славой.

Город великого труда стал городом революции, городом Ленина. Здесь десятки лет учил Ленин, здесь все пронизано его гением, памятью о нем, любовью к нему.

Мы знаем также, что Ленинград — город-воин, город-герой. Никогда — за всю его двухсотпятидесятилетнюю историю — вражеская нога не ступала на мостовые нашего города. Ни разу чужой флаг не затрепетал над верками Петропавловской крепости.

С невиданной твердостью обороняла страна этот город во дни опасностей, которые ему грозили. Мы помним все: женщин, копающих рвы на самых ближних подступах к Ленинграду, и героев-летчиков, взлетавших с расположенных внутри блокадного кольца аэродромов: от конца стартовой дорожки до линии фронта было в те дни не больше двух или трех десятков километров. Мы многое помним; но можно ли передать все в маленькой книжке, в десятке коротких, быстрых глав! Конечно нельзя.

Вот почему мы и начали разговор с вами с такого предисловия. Надо, чтобы вы знали: в этой книге не следует искать целой картины Ленинграда. Просто мы, авторы, как бы ходим с вами по нашим улицам и рассказываем вам то, что знаем. Зачем рассказываем?

Нам хочется показать вам, что смотреть — это одно, а видеть — совсем другое. Можно долго смотреть и очень мало увидеть, а можно к знакомой вещи подойти в сотый раз и вдруг разглядеть в ней то, чего не замечал ни разу. Надо учиться видеть.

И еще: нам кажется, что познать большое можно только

тогда, когда научишься быть внимательным к малому. Мы хотим, чтобы вы — живете ли в нашем городе или нет, — узнавая его, полюбили еще больше.

Невская виктория

2 мая 1703 года жители деревушки Калинкиной, что в устье Невы-реки, у впадения в нее Безымянного Ерика, переполошились: с моря громыхнуло два пушечных выстрела. Мало погодя — еще два. Потом опять… Мужики по болотным кустам пробрались к морю, глянули: мать родная — шведы! На море, туда, к Ретусаари, Крысьему острову, по-русски Котлину, виднелось несколько кораблей, поднимались клубы порохового дыма — палили. Сообразить, в чем дело, было легко: накануне царь Петр с налета взял верстах в десяти выше по Неве шведскую крепостцу Ниеншанц (опять же по-русски — Канцы). Кончив дело, войско двинулось оттуда к устью: пехота — финским правым берегом, конница — по сей стороне. Сам царь вышел на лодках обыскивать низовые островишки: Койвусаари — Березовый, Енисаари — Заячий, Хирвисаари — Лосиный, Васильевский тож. Что ему там надо, — неведомо, но дело царское, видно, надо. Господа же шведы, сих последних дел не зная, идут Канцам на помощь, пальбой вызывают лоцманов… Как бы не так! Подождете.

Подумав хорошенько, отрядили двух наибыстрейших отроков сообщить его царскому величеству про шведов: самым малым делом — не обругает, а то и похвалит за большую прыть. Отроки отбыли челном; мужики же затопили бани, стали мыться, собирать пожитки: лес — он вернее; в лесу ни злой, ни добрый не сыщет, ежели что…

Адмирал Нумерс рвал и метал: что с Ниеншанцем? Где Московские полки? Где шведские? Как смеют не отзываться лоцмана? Дикая северная река, не чета веселым шведским эльфам,[1] текла хмуро, глядела неприветливо — в туманах, в дыму каких-то далеких, неведомо чьих костров.

Адмирал не рискнул вводить в таковую узкость всю эскадру. Постояв пять суток, отрядил на разведку 24 пушки — шняву «Астрильда» и ботик «Гедан».

Суда пошли, но против устья Безымянного Ерика, на ночь глядя, оробели: темно, глухо, все небо в смутном зареве… Бросили якоря дожидаться утра. Ан, не дождались.

По полуночи, после проливного дождя с грозой, в густом тумане нивесть откуда налетели с двух сторон русские на лодках.

Первым на палубу «Астрильды» вскочил рослый гренадер с бешеными глазами, — неужто сам царь? Резались в темноте жестоко. Из семидесяти семи шведов сдались живыми только девятнадцать человек.

Нумерс утром за волосы схватился, — а что поделаешь? Пришлось отойти мористее, дабы блокировать невское устье с запада регулярно. Сколько ни думал, иного способа измыслить не успел.

Петр, сам еще не веря такому счастью, отпраздновав особо ему дорогую викторию, на радостях велел выбить в Москве медаль с изумленной надписью: «Небываемое бывает».

Теперь можно было браться за главное: остановиться у моря твердой ногой. Так и было учинено: 16 мая, как раз в самый Троицын день, когда по всей далекой Руси в каждой избе нежно и грустно пахли вянущие березки, а из окон мотались на вешнем ветру домотканные чистые полотенца, в этот день на малом островке Енисаари царь заступом собственноручно вырезал две длинных дерновины, положил оные крест-накрест и сказал: «Здесь быть городу». И так ему в тот миг хорош, так желанен показался малый этот остров, плоский, пустой, весь уже истоптанный солдатскими сапогами, что повелено было в «юрнале» боевых дел писать его «Люст-эландом» — Островом веселья.

Так начался над невской дельтой Петербург. Но, спрашивается, что же тут было до этого времени? А вот что.

Место это не было такой безлюдной пустыней, как нам иной раз кажется. Избы среди леса, «неведомого лучам в тумане спрятанного солнца», были не только «чухонскими», то есть финскими. Уже за сотни лет до Петра тут были русские селенья.

Там, где теперь шумят липы Летнего сада, при Безымянном Ерике — Фонтанке — ютилась деревенька Первушино. В том месте, где сейчас стоит Дворец пионеров, вдоль того же Безымянного Ерика тянулась деревня Усадица. Где площадь и Дворец Труда, — деревня Говгуево. На месте Буддийского храма в Старой деревне — сельцо Ушканово.

Самая крохотная деревенька — в четыре двора — расположилась около нынешней Александро-Невской Лавры. Имя у нее больше ее самой — Вихрово-Федорково.

Но особо богатые и крепкие поселки были разбросаны по реке Охте. Тут, в шведском городке Ниеншанце — Канцах, шла оживленная торговля между русскими и шведскими купцами. И русских жило тут, пожалуй, побольше, чем шведов.

Богатый новгородский посадник Тимофей Евстафьевич Грузов владел на Охте тридцатью дворами. Но судьба переменчива; в писцовых книгах 1500 года указано: «Те охтенские вотчины Тимошки Грузова, новугородца царь велел отдать воеводе Московскому Андрею Челяднину, а Фомин конец — князю Ивану Темке». А дальше значится: «И с того Фомина конца

тот Темка князь имал на год 11 гривен деньгами, да шесть коробей хлеба, да шесть копен сена, да две с половиной бочки пива, да два с половиной барана, да четыре куры, да пять саженей дров». Не густо. Он с удовольствием «имал» бы больше, да у самих мужиков ничего не оставалось: ведь, кроме боярина, и казна тянула с них свою часть. Не дивно, что, когда сто лет спустя московский дьяк, приехав, произвел в тех местах «обыск», выяснилось, что на Охте-речке, «один двор запустел от „свейских немец“» (то есть от нападения шведов), один — от мора (заразной болезни), а два дома — «от безмерных податей и подвод».

Это на Охте. А верстах в десяти оттуда, на другом конце будущего великого города, там, где сейчас зеленеет Парк культуры и отдыха, на «стрелке» заросшего дубняком и черной ольхой низменного островка стоял охотничий домик шведских вельмож Делагарди. Сюда приезжали иной раз из далекой Сконии, из Упланда суровые вояки — позабавиться травлей лося или сходить на медведя. По вечерам над заливом горели костры, тускло светились окна; шведы чванились своими подвигами, потягивая из турьих рогов то свой родной горький эль, то сладкий русский мед и душистое можжевеловое плесковское пиво.

Так вот и шли дела, пока на Березовом, Заячьем и Лосьем островах не зазвенели весной 1703 года топоры и не покатилось над невскими просторами унылое, но и могучее: «Эй, ух-нем!» И спустя короткое время, говоря чудесными словами Алексея Николаевича Толстого, стал вокруг «город как город, еще невелик, но уже во всей обыкновенности».

На чем стоит Ленинград

Что говорят геологи?

В те дни, когда в Ленинграде еще только задумывали строить метро, многие не верили, что это возможно. Как? Метро в Ленинграде? Город стоит на болоте. Он, как сказал Пушкин, возник «из тьмы лесов, из топи блат»… Как же можно на этой топи, в жидком грунте приневских трясин прорыть многокилометровые туннели, возвести дворцы подземных станций, пустить поезда? В Москве — другое дело, там грунт твердый.

А метро построили. Но ведь Ленинград действительно стоит на болоте. Как же случилось, что туннели прорыты, подземные дворцы построены и по рельсам мчатся залитые электрическим светом поезда? Спросим об этом геологов: они лучше всех знают землю, на которой стоит наш город.

Не так уж давно, каких-нибудь полмиллиарда лет назад, — скажут геологи, — на том месте, где мы сейчас живем, простиралось неглубокое море, море кембрийской эры. Как все моря земли, оно жило своей морской жизнью: вздымало приливные волны, бурлило под ветром, билось прибоем в берега. Разумеется, в него впадали реки. Они несли с собой мельчайшие частицы голубоватого ила. Изо дня в день легкой дымкой опускался этот ил на каменистое дно моря. С годами, веками, тысячелетиями, миллионами лет его слой становился все толще, все плотнее и наконец превратился в трехсотметровую толщу синей кембрийской глины.

Неподалеку от Ленинграда, у станции Саблино, в береговых откосах реки Тосны там и здесь бросается в глаза среди желтоватых, серых, розовых слоев песчаника и известняка узкая голубая ленточка: то выступает из глубины земли кембрийская глина. Очень внимательный человек может разыскать полоску этой глины и внутри города, у самого уреза невских вод в Центральном парке культуры и отдыха, на Елагином острове; правда, тут она чуть видна.

Если ты ленинградец, — садись на велосипед и отправляйся к Пулковским холмам, к месту героических боев Великой Отечественной войны. И тут, в ямах по их склонам, увидишь кое-где слои кембрийской глины.

Когда пробивают скважину, чтобы заложить артезианский

колодец, полая трубка бура поднимает на поверхность земли колонку глубинных слоев. Разглядывая ее, нетрудно узнать, что находится у нас под ногами далеко внизу, на глубине десятков и сотен метров. Можно узнать и точную последовательность пластов.

В Ленинграде много раз пробивали в земле глубокие, в несколько сот метров, подземные скважины. Выяснилось, что метров на пятьдесят вниз или около того у нас, и правда, лежит слой влажной, насыщенной водой, земли — липкой глины, песка, округлых камней-валунов. Это земля сравнительно молодая; ее сюда принесла река, притащил могучий ледник, который когда-то, спускаясь с норвежских и шведских гор, покрыл собой всю Европу. Часть этой земли отложилась на дне глубоких морей и озер; они плескались тут, когда великий ледник начал таять. Этой земле не больше полутора — двух миллионов лет; она ровесница мамонта.

Но это только на протяжении первой полусотни метров. Ниже, глубже инструмент всюду и везде приносит наверх один и тот же материал — плотную синюю кембрийскую глину. Огромный, мощный однородный пласт ее залегает под всем нашим городом: и возле Загородного проспекта, и при пересечении Московского проспекта и Обводного канала, и возле Мойки — везде натыкаются на синюю глину. Толщина пласта достигает двух, если не больше, сотен метров.

Вот это и оказалось очень удобным для строительства метро, потому что рыть туннели в толще сухой, почти превратившейся в камень, глины хотя и не очень легко, но зато спокойно и безопасно: сквозь нее никакая вода не проберется.

Когда же бур пронзает и эту толщу, бурение приходится прекращать: дальше идет такой же ровный и однообразный слой первобытного камня — гнейса. Мы дошли до самого дна древнего кембрийского моря. Дальше буквально «ехать некуда». И какова толщина этого старого черепа земли, еще никто не сказал в точности.

Ленинград, как сказочный богатырь, возлежит на каменном ложе с толстым матрасом кембрийской глины, поверх которого постлана тоненькая, но мягкая перина песка и торфа.

Сто и один остров

В дни войны летчики, оберегавшие Ленинград с воздуха,

удивлялись, совершая над ним свои первые полеты: воды в этом городе гораздо больше, чем суши. С километровой высоты видны сразу и Финский залив на западе и неоглядная Ладога на востоке. На сто одном острове невской дельты Ленинград лежит, как на гигантской влажной ладони, и короткая река вливает в море столько же воды, сколько древний Нил, пробегающий шесть тысяч километров. Недаром основал город царь-моряк, царь-штаубенахт флота, для которого море в юности было всем.

Тот, кто видел старые планы города, хорошо знает, что еще двести — триста лет назад этих островов было гораздо меньше, чем сейчас, да и каждый из них сильно увеличился в размерах. Известно, например, что со времени основания Петербурга Васильевский остров вырос за первые сто пятьдесят лет примерно на четверть, а Гутуевский — почти на половину своей первоначальной величины. Площадь всех островов, на которых лежит наш город, увеличилась к нашему времени больше, чем на одну пятую. Если предположить, что этот рост и раньше шел примерно с такой же скоростью, легко сообразить, что тысячу лет назад островов этих не было совсем.

На первый взгляд все это кажется странным, почти неправдоподобным, но ведь можно и сейчас видеть зарождение новых и увеличение старых островов.

Если вам придется ехать к стадиону имени С. М. Кирова через Петровский остров, обратите внимание на мост между ним и следующим островом — Крестовским. Под мостом лежит небольшой островок: немного земли, несколько деревьев. Сейчас это островок, а лет сорок назад ничего тут еще не было: виднелась у одного из мостовых устоев только узкая мель, поросшая осокой и камышом.

На глазах одного поколения родились и укрепились мелкие островки за Стрелкой Елагина острова. Когда вы будете кататься на ялике возле Стрелки, посмотрите на эти плоские, осокой и тростником поросшие островки, запомните их. Пока это малыши среди большого семейства дельты, но они вырастут на ваших глазах.

Тысячу лет назад у Невы вовсе не было дельты. Она впадала прямо в Финский залив примерно в тех местах, где из нее теперь вытекает направо Большая Невка, налево — Фонтанка.

Странное дело: тогда впадала без дельты, теперь с дельтой! Что же случилось с Невой? Почему она вдруг начала эту хлопотливую работу, принялась строить острова? Тысячелетиями людям известен Нил, и, по-видимому, всегда его дельта так же росла, как растет в наше время. Дельты Волги, Миссисипи, Лены стары, как сами эти реки. А у Невы почему-то молодая дельта,

которой нет и десяти столетий. Как это может быть?

Этому есть несколько важных причин.

Молодая река

Первая причина в том, что Нева самая молодая река. Это одна из немногих крупных рек мира, которые родились на свет не миллионы лет назад, а почти что «на наших глазах» и, уж во всяком случае, на глазах наших предков, первых поселенцев ее прибрежий. А можно это доказать? Можно.

Ученые уже давно обратили внимание на то, что само имя реки — Нева (по-шведски Ню) означает «Новая». Люди не зря дают имена тем горам, рекам, озерам, с которыми они встречаются.

Школьники знают, что когда-то через Финский залив и Ладожское озеро пролегал так называемый «великий водный путь из варяг в греки» — торговая дорога древних. В старых русских летописях она описана подробно, указаны все озера, реки и речки, через которые шел этот путь. Есть тут и Днепр, и Ловать, и Ильмень-озеро, и Волхов, и Ладога (или озеро Нево, как его тогда называли). А вот Невы-реки нет в этом перечне. Там, в летописи, стоит странная фраза: «А из Нева-озера внидет [то есть входит] устье в море Варяжское». Устье — то есть пролив, проток. Проток, а не река.

Очень трудно было бы объяснить это, если бы данные геологии не подтвердили старых записей; геологи теперь установили твердо и точно одну значительную вещь.

Наше побережье Финского залива, как это ни странно слышать, за последние столетия неуклонно поднимается вверх, выступая все больше и больше из волн морских. Вы живете, учитесь, играете и все время поднимаетесь вместе со всем Ленинградом выше и выше. Это не страшно, — ведь поднимаемся мы со скоростью, которую даже улитка назвала бы черепашьей, — на один метр в столетие. Немного, да; но что из этого следует? Десять веков назад то место, где сейчас высятся прекрасные здания нашего города, лежало на десять метров ниже, чем сейчас. В Ленинграде почти нет улиц, расположенных над водой даже на пятиметровой высоте. Значит, тысячелетия назад бóльшую часть его территории покрывала вода, и вполне естественно, что Ладожское озеро в те дни соединялось с морем действительно не быстрой и сравнительно узкой рекой, а широким спокойным

протоком — устьем. Понятно, что никакой дельты такой проток образовать не мог. Что же произошло затем?

А затем произошла вещь совершенно удивительная.

Мы живем в Ленинграде на реке Тосне

Проследите по карте за течением Невы. В сорока трех километрах от моря возле селения Ивановское течение это вдруг резко меняет свое направление. До этого места река течет на юг, а тут внезапно круто поворачивает и дальше течет на северо-запад. Угол приходится точно в том месте, где сливаются воды могучей Невы и ее небольшого притока — речки Тосны. И странная вещь: Тосна как текла на северо-запад, так и продолжает течь, а громадная Нева покорно присоединяется к ее течению.

Это вещь необычная. Всегда и всюду слабый приток подчиняется направлению главного потока, а тут все наоборот. Особенно резко это бросится вам в глаза, если вы летом сядете на теплоходик, идущий в Островки от площади Декабристов, выйдете в Ивановском и с ближайшего холма увидите все это не на карте, а в натуре.

Геологи считают, что в жизни реки Невы был такой момент, когда эта очень молодая река впервые прорвалась своим руслом сквозь каменную гряду чуть повыше Ивановского, возле пристани «Пороги». Следы этого прорыва видны и сейчас: Нева здесь бурлит и пенится; из нее там и тут торчат камни, кое-где разбросаны небольшие островки.

Молодая река рвалась к морю. А там, за грядой, в него уже много тысячелетий впадала река-старуха — Тосна. И вот, когда Нева прорвалась, она вместо того, чтобы искать новый путь к заливу, воспользовалась готовым ложем Тосны, повернула круто вправо и потекла по нему.

Но, если это так, тогда, говоря по справедливости, не Тосна является притоком Невы, а Нева — притоком Тосны. Она не только во много раз старше, но и почти вдвое длиннее гордой нашей Невы; сто восемнадцать километров — и семьдесят четыре. А поскольку нижнее течение реки от места слияния всегда именуется не по притоку, а по главной реке, то и выходит, что наш город стоит в долине Тосны и на берегу Тосны.

Таков этот замечательный географо-геологический курьез. А нашу Неву мы все-таки будем называть Невой.

Камни нашего города

Коллекция минералов

Ленинград построен из камня, одет камнем, — это известно. Но из какого камня, — вернее, из каких камней, потому что различных пород его великое множество.

Да, да, камни, огромные и малые, простые, едва обработанные и отшлифованные до зеркального блеска, они попадаются нам всюду; но что мы знаем о них?

Человеческим трудом собраны они сюда со всех концов нашей земли, даже со всех концов мира. На берегах Невы образовалась гигантская коллекция замечательных минералов, которой может позавидовать любой геологический музей.

Могучий утес, возвышающийся на берегу моря, — это, конечно, камень. Крошечная песчинка, которую легкий ветерок коварно занес вам под веко — тоже камень. Их состав может быть совершенно одинаковым, разница только в размере. Но, когда вы слышите слово «камень», вы представляете себе не скалу и не песчинку, а обыкновенный булыжник или валун, — не правда ли? Вот с них мы и начнем.

Прежде всего, что такое валун? Это округлый осколок каменной глыбы, множество лет назад оторвавшийся от горного склона и какой-нибудь стихийной силой заброшенный далеко на одну из обширных равнин земного шара.

Большие камни, которые вот уже десятки тысячелетий лежат и на земле и в земле окрестностей нашего города, принес сюда древний скандинавский ледник. Ледяная река, спускаясь с гор, неуклонно и медленно текла на юго-запад, неся на своем хребте обломки береговых скал — будущие гранитные валуны.

Если вы захотите увидеть огромное скопище этих камней-путешественников, величиной больше трамвайного вагона, выше деревенской избы каждый, отправляйтесь на Карельский перешеек, к Приморску, к Выборгу. Там в сосновых лесах на берегах чистых, как слеза, озер лежат эти каменные громады.

Или еще ближе, в Дудергофе, в двух километрах к востоку от вокзала и от поднимающейся над ним Вороньей горы высится холм Кирхгоф. На его вершине еще несколько лет назад была издали видна развалина двухбашенного белого здания-кирки. Вскарабкайтесь на Кирхгоф. В сотне метров от кирпичной руины, южнее ее, возле нескольких одиноких деревьев, вы наткнетесь на

целую семью могучих валунов розового гранита. Каждый из этих обломков выше вас на голову. Все они вместе весят многие сотни тонн. И вот что интересно: когда-то все они были, по-видимому, одним колоссальным валуном. Вода и мороз разорвали его на отдельные глыбы. Подумайте, как чудовищна сила, притащившая этот груз за сотни километров и закинувшая его на макушку стометрового холма.

Конечно, в самом городе такие валуны найти трудно. Но все же даже в городской черте можно кое-где видеть их.

Самый знаменитый валун нашего города — скала «Медного Всадника», грандиозная глыба, служащая пьедесталом конной статуи Петра Первого, которую с великими трудностями привезли из-под Лахты.

Более скромный родич этого валуна — громадный красновато-бурый, оглаженный и окатанный льдом гранитный обломок — лежит у северной оконечности первого из трех шуваловских озер, среди песчаного карьера.

Не люди притащили его сюда, — он прибыл сам на это место в ледниковый период. Человеческие руки позднее только разгребли песок и открыли древнего бродягу лучам солнца.

Если захотите взглянуть на него, садитесь на 20-й или 21-й номер трамвая, сойдите на остановке «Поклонная гора», спуститесь в карьер — и найдете этот камень.

Если затем вы вернетесь обратно на шоссе, пройдете по его левому тротуару в сторону города, у поворота к велотреку, вы увидите перед собой странный двухэтажный домик. Его фундамент по углам обложен крупными, в рост ребенка, камнями. Мало того, даже на крыше, на печных трубах красуются поставленные дыбом небольшие валуны. Зачем это?

В горах Швейцарии и Норвегии таким способом укрепляют крыши и трубы, спасаясь от свирепых ветров. Здесь же валуны служат своеобразным украшением.

Камни наших мостовых

Не каждому приходило в голову, что песок — тоже камни. Посмотрите в лупу на щепотку речного песка, промытого водой; вы увидите тысячи крошечных, иногда очень красивых галечек или булыжничков.

И песок, и гравий, и галька, но главным образом булыга идут в городах на устройство проезжих и прохожих дорог, шоссе,

мостовых.

Из булыжников сложены мостовые многих ленинградских улиц.

Столетия назад, когда по городу двигались только конные упряжки, такие мостовые казались верхом совершенства. Булыжный камень свозили в Санкт-Петербург и «гужом», посуху и на баржах, водным путем со всех сторон; в нашей области колоссальные его залежи. Недаром вскоре после основания города Петр Первый отдал строгий приказ: каждая подвода, проходившая через городские заставы, должна уплатить «булыжный налог» — несколько штук обыкновенных камней. И до поры, до времени булыжная мостовая честно служила человеку.

Пробежали десятилетия. Прошел век, два. Коня и телегу прошлых дней сменил автомобиль, машина. Внукам понадобилось перевозить по городским улицам такие грузы, какие и не снились их дедам. Булыжник перестал нравиться ездокам. Катиться по нему не более приятно, чем возлежать на подстилке из гороха или орехов. На смену булыжнику пришла брусчатка — расколотый на правильные кубики камень другой породы — диабаз.

Диабазом замощены многие наши улицы: Проспект Газа и площадь Труда, проспект Села Смоленского и проспект Карла Маркса.

Диабазовые кубики не находят в готовом виде, как булыжник. Нет. На берегах холодного Онежского озера из-под тонкого слоя почвы кое-где проступают могучие, как бы литые, диабазовые скалы. Здесь этот твердый камень в свое время застыл, родившись из раскаленной лавы давно погасших вулканов.

Особые машины разбивают диабаз на правильные бруски разных форм и размеров. Затем на баржах по каналам и рекам, по Ладожскому озеру везут его в Ленинград.

Когда укладывали на городской мостовой «булыгу», требовалось не слишком большое искусство от мостильщиков. Нужно было только правильно подобрать каменные кругляши по размеру. Заметьте: по середине каждой улицы лежат всегда наиболее крупные камни, ближе к краям — все более и более мелкие.

Совсем другое дело с диабазовыми плитками. Их нередко выкладывают красивыми и затейливыми узорами: елочкой, веерообразными дугами, спиралями или кругами… Не поленитесь съездить к Летнему саду и взглянуть, какая сложная мозаика выписана диабазовой брусчаткой по набережной Мойки от Марсова поля до моста через Фонтанку. Сразу видно, что здесь работали большие мастера и искусники каменного дела.

Диабаз — прекрасный, прочный покров для наших улиц. В последние десятилетия наши ученые открыли еще одно замечательное свойство: этот камень сравнительно легко плавится на огне, а из растопленной диабазовой массы можно, как из металла, отливать, что вам заблагорассудится, в том числе плитки и бруски идеальной формы для мостовых. Теперь на таком диабазовом сырье работают у нас целые «камнелитейные» заводы.

Но с точки зрения мостовиков есть у этого камня и менее приятное свойство. Под колесами транспорта он быстро «засаливается», становится гладким и скользким, теряет нужную шероховатость. Машины начинает на нем заносить.

Поэтому сейчас делают интересные опыты. Пробуют мостить улицы не диабазовыми, а гранитными кубиками. Их значительно труднее вырабатывать, но зато они удобны для транспорта. Идя по Садовой улице мимо Гостиного двора, приглядывайтесь к ее брусчатому диабазовому покрову. Вы скоро увидите среди больших площадей диабаза небольшие «пробные» участочки, замощенные камнем совсем другого вида — колотым гранитом.

Проходя по беловато-желтым, с прозеленью и розоватыми пятнышками плитам наших известняковых панелей, повнимательнее смотрите себе под ноги. На иных каменных квадратах вы можете заметить странные рисунки. Как будто кто-то вдавил в плиту суставчатый ствол бамбука и потом разрезал его вдоль. Порой это напоминает чертеж подводной лодки с отсеками или постепенно суживающейся к концу лестницы. Мелких и неясных отпечатков очень много; крупные и четкие попадаются куда реже.

Если вам посчастливится наткнуться на такой ясный отпечаток, остановитесь перед ним с глубоким почтением. Перед вами остаток живого существа, которое плавало и ползало в теплой воде больше чем четверть миллиарда лет назад. Вы видите окаменевшую раковину огромного моллюска — ортоцераса, дораставшего порой до двух метров в длину.

Ортоцерас — дальний родственник нашего осьминога, но он носил на теле длинную прямую раковину в виде пастушьего рога. «Ортос» по-гречески значит «прямой», «церас» — «рог».

Принимая во внимание, что в то время не существовало еще на свете ни рыб, ни пресмыкающихся, ни млекопитающих, можно сказать, что этот странный ортоцерас приходится и нам с вами предком.

Серовато-белый камень, из плит которого сложена большая часть наших тротуаров, — это силурийский известняк. Весь он состоит из миллиардов и квадрилионов крошечных раковинок,

скелетиков мельчайших живых существ, живших в силурийском море, которое плескалось на месте нынешнего Ленинграда, в эпоху, следующую за кембрийской.

Окаменевшие раковины моллюсков — «ортоцератиты» — часто совсем выпадают из толщи камня и выглядят тогда, как маленькие палочки или каменные пальцы.

Вы можете собрать их для своего школьного музея, если проедете на реку Тосну возле Саблино к известным ломкам силурийского известняка.

Среди белых плит обычной питерской известняковой панели выделялись кое-где еще не так давно участки, крытые очень красивым красным камнем. Твердая его поверхность с плоско-выпуклыми извилистыми узорами напоминала ту легкую рябь, которую волны прибоя оставляют на песчаных отмелях. Был такой тротуар на нынешней улице Чайковского. Такими же мясо-красными плитами были выложены участки панелей на Васильевском острове — на 9-й линии у Большого, и на само́м Большом проспекте между 3-й и 4-й линиями. Были, а возможно сохранились и до сих пор, образцы такой панели и в других местах города. Поищите их сами.

Камень этот заслуживает внимания. Имя ему — шокшинский кварцит; его добывают у селения Шокшинский погост на речке Шокша, впадающей в Онежское озеро в 60 километрах от Петрозаводска.

В XIX веке под именем «шокшинского порфира» он был в большой моде; из него сделаны многие внутренние украшения Исаакиевского собора, пьедестал памятника Николаю Первому на Исаакиевской площади. Даже в Парижском Пантеоне прах Наполеона покоится в великолепном саркофаге из шокшинского кварцита.

Слава эта не прошла и поныне: при строительстве ленинградского метро и многих других замечательных зданий зодчие охотно применяют его; никто теперь не тратит прекрасный материал на панельные плиты.

Но шокшинский кварцит интересен и с другой точки зрения. Мы сказали, что узоры на поверхности его плит похожи на рябь, оставляемую волнами на песчаных отмелях. Но они не только похожи; они и на самом деле — окаменевшая за миллионы и сотни миллионов лет рябь. Шокшинский кварцит — песчаник; он образовался из морского или озерного песка, но так давно, что зерна кварцевого песка успели уже слиться в сплошную кристаллическую массу. Когда камень отполирован, — вы ничего не замечаете. Когда же, как на тротуарных плитах, видна поверхность его слоев, старая рябь выступает наружу.

Подводя к концу рассказ о мостовых и панелях Ленинграда, можно было бы вспомнить еще о громадных тротуарных плитах, вытесанных из гранита, которыми гордятся набережные Невы.

Есть кое-где и совсем уже редкие тротуары из пестрой итальянской «брекчии» — камня, похожего в разрезе на колбасу-зельц. Но ведь обо всем не упомянешь.

Сталактиты в Ленинграде

Вы все знаете, что такое «сталактит»: каменная сосулька, известняковый натек на потолке пещеры.

И вот оказывается, что самые настоящие, хотя и маленькие, сталактитики можно видеть у нас в городе, и для этого не нужно опускаться в глубь подземелий; нужно сесть в лодку и плыть по Неве до каменной дамбы, которая соединяет оконечность Кировского моста с Петроградской стороной. Введите ялик в один из пролетов этой дамбы и взглянете вверх. Могучий свод моста покрыт легкой бахромой тоненьких известняковых сосулек в десять, двадцать, тридцать сантиметров каждая. Откуда они взялись?

Точно так же, как в настоящих пещерах, их образовала вода, которая, фильтруясь, проходит сквозь толстый, сложенный из камня и щебня, скрепленный известкой мостовой настил.

Здесь, на ветру, вода испаряется, а известь остается и, постепенно накапливаясь, образует сталактит.

Они очень недолговечны, эти каменные сосульки, в отличие от своих «диких» братьев, сталактитов настоящих пещер. Родятся они только в теплую половину года; зимой скованная холодом вода не протекает сквозь настил моста.

В течение лета они бойко растут. На мостовой свод все время сотрясается: по нему грохоча бегут трамваи, грузовики, автобусы, — хрупкие сталактиты не выдерживают тряски и, чуть став подлиннее, обламываются и падают в воду. А жаль; не будь этих толчков, они, возможно, выросли бы очень большими.

Гранит

Когда говорят «каменный дом», имеют в виду чаще всего

постройку, сложенную из кирпича. Кирпич очень похож на камень. Это кусок глины, отвердевший под действием сильного огня и жара. Так и в природе создавались многие каменные породы.

И все же кирпич, как и бетон, и стекло, — это «камни, да не камни», это искусственные горные породы, созданные рукой человека. Оставим их в стороне и займемся только теми каменными материалами, которые человек берет из окружающего мира в готовом виде.

Из настоящего «дикого» камня люди возводят здания редко. Обычно им лишь сверху облицовывают, украшая и делая более прочной кирпичную основу. Однако в нашем городе и его окрестностях можно и сейчас увидеть служебные постройки, сложенные из грубо обтесанных валунов, скрепленных между собой цементом или известкой. В прежнее время таким способом часто сооружали складские помещения, железнодорожные пакгаузы, амбары… Это в полном смысле слова «каменные» дома: сами стены их возведены из почти необработанного камня.

Многие дома нашего города облечены в прочную красивую каменную одежду — броню. Из различных видов камня изваяны украшения — пилястры, колонны, причудливые изображения людей и животных. Поговорим же о некоторых из этих камней.

Иногда, говоря о стойком, твердом человеке, вспоминают камень гранит.

«От скал тех каменных у нас, варягов, кости», — поет заморский гость в опере «Садко», хвалясь силой и крепостью скандинавов. А ведь те серые утесы, которые «выносят волн напор, над морем стоя» на берегах Швеции и Норвегии, — это гранит.

Очевидно, камень этот отличается особенной, чрезвычайной прочностью: недаром зодчие нашего города так любили и любят теперь пользоваться гранитом для своих сооружений.

Гранитом одеты набережные Невы и других рек Ленинграда, и камень вот уже сто с лишним лет выдерживает напор воды. Из гранита сложены быки — устои под нашими большими мостами; и ни вода, ни удары льдин в весеннюю пору не могут повредить им. Да что льдины! Хотите воочию убедиться в твердости нашего гранита, — пройдите к Исаакиевскому собору, подойдите к его западному многоколонному порталу, поднимите глаза. Примерно на середине одной из шестнадцатиметровых колонн, поддерживающих портик, видна неглубокая щербина; сюда во время войны ударил снаряд фашистской пушки. Повстречай он на своем пути кирпичную кладку, — она разлетелась бы вдребезги. Гранитная колонна выдержала страшный удар.

Гранит тверд, очень тверд. Но какой гранит?

Если ты — житель Ленинграда — слышишь слово «гранит», тебе прежде всего вспоминается тускло-розовый, то посветлее, то потемнее, зернистый камень, из которого сложена гранитная одежда Невы.

Такой же красноватый оттенок у многих других гранитных сооружений города. Прямоугольные цоколи конных статуй на Аничковом мосту, стройные опорные столбы знаменитой решетки Летнего сада, шероховатая пирамида фонтана, установленного Воронихиным в сквере против Казанского собора на улице Плеханова, и громадные постаменты, на которых возлежат гигантские сфинксы перед Академией художеств, — все это сделано из гранита розоватого или красноватого цвета.

Но не всегда гранит имеет именно эту окраску. Многоэтажный дом на углу Невского проспекта и улицы Гоголя, знаменитый тем, что представляет собой копию прославленного дворца дожей в Венеции, облицован благородным камнем светло-серого оттенка. Это тоже гранит, серый финляндский или карельский гранит, ломки которого находятся на Карельском перешейке у города Антрэа (теперь — Каменногорск). Странно, что один и тот же камень может быть таким разным по виду. Отчего зависит это?

Это зависит от различного состава обеих пород камня. Розовый гранит — соединение трех минералов: белого, почти прозрачного кварца, темной слюды и розового полевого шпата. Кварц очень тверд; им можно если не резать, как алмазом, то царапать стекло. Слюда, напротив того, минерал очень мягкий; тут наоборот — осколком стекла легко поцарапать слюду. А розовый полевой шпат — иначе ортоклаз — обладает средней твердостью; поэтому и цвет и крепость розового гранита зависят от того, в какой пропорции соединены в нем эти три элемента.

В состав серого гранита входят и кварц и слюда. А вот розовый шпат-ортоклаз заменен в нем другим минералом, серым плагиоклазом. Он тверже, прочнее ортоклаза; прочнее своего красного брата и серый карельский гранит.

Обе эти разновидности постоянно встречаются в Ленинграде. Серым гранитом, в частности, одеты два отличной постройки дома на улице Герцена; в одном — недалеко от арки Главного штаба — помещается Междугородняя телефонная станция. Поискав, вы найдете на главных улицах города немало подобных домов. Все это красивые и сравнительно новые здания.

Серый гранит, придающий нашему городу своеобразный облик, очень любили зодчие начала XX века. Немало наших жилых домов облицовано им, но не они издавна составляют славу

Ленинграда. Всемирной известностью пользуются его колоссальные красно-гранитные сооружения, вроде грандиозных каменных набережных, и особенно монументы, выполненные из громадных цельных, как говорят, «монолитных» гранитных глыб.

По всему, что мы узнали, выходит, что гранит — прекрасный и очень твердый строительный материал. Странно, почему же тогда наши соседи финны, обитатели страны поистине «гранитной», много веков живущие среди гранитных скал и разрабатывающие в них каменоломни, почему они именуют его «раппакиви»? Ведь это значит «гнилой камень».

Гуляя по Ленинграду, приглядывайтесь к его гранитным сооружениям. Сначала вы начнете различать разные оттенки этого камня: вы теперь уже будете знать, от чего это зависит. Заметите, что гранит бывает крупнозернистый и мелкозернистый. И, наконец, обнаружите совсем особый вид того же камня. Если его поверхность отполирована, он покрыт по красному фону узором из продолговатых темных глазков разной величины — от крупной горошины до голубиного яйца или небольшой сливы. Из такого глазастого гранита высечены как раз самые крупные монолиты: колонны Исаакия и знаменитый «Александрийский столп» на Дворцовой площади перед Зимним дворцом. Он столь высок, что возносится над крышами окружающих зданий. Вот этот гранит и есть обработанный человеком «раппакиви». Он красив и тверд. А почему же его назвали «гнилым камнем»?

В городе трудно разгадать эту тайну. Но на полях нашей области и особенно в лесах Карельского перешейка попадаются странные валуны. Наполовину это обычные камни, наполовину — груда крупного гравия, или, как говорят техники-строители, «дресвы». Сразу видно, что перед нами камень, доживающий свой век: под действием каких-то причин он распадается на все более и более мелкие частицы.

Вот это и есть «гнилой камень» — раппакиви. Как и всякий гранит, он состоит из нескольких минералов разной твердости. В крошечные трещины между довольно крупными кристаллами кварца, слюды и шпата осенью проникает вода. Зимой мороз превращает ее в лед, и она, расширяясь, разрывает камень. Он распадается на кусочки — «гниет».

Так — в природе. Но то же самое происходит и с сооружениями из этого красивого, неоднородного по своему составу камня. Он покрывается сначала поверхностными, потом все более глубокими трещинами. И, чтобы не превратились в груду «дресвы» прекрасные сооружения, за ними внимательно следят, стараясь захватить опасность в начале. Каждую трещину «флюатируют», заполняют особыми веществами, которые могут, с

одной стороны, отвердевать в нерастворимую водой массу, а с другой стороны, — химически прочно соединяться с самим гранитом.

Такова беда гранита. Он красив, но нуждается в постоянном наблюдении и уходе.

Другие камни

Благородный камень — мрамор — родной брат того известняка, которым замощены наши ленинградские тротуары. Он брат и самого обычного мела, с которым вы постоянно имеете дело в школе.

Мрамор — тоже известняк, только природа обработала его в глубине земли большим давлением и сильным жаром. Он стал неузнаваем после этого.

Рыхлая масса мела вся состоит из миллиардов микроскопических раковинок. В куске мрамора все это превратилось в кристаллическую однородную массу. Она хорошо подчиняется резцу скульптора и в разрезе дает красивую одноцветную или пестроокрашенную поверхность.

Мрамор бывает самых разнообразных цветов. Скульпторы обычно пользуются белым или желтым мрамором. Убедиться в этом можно, пройдя по дорожкам Летнего сада, на перекрестках которых белеют мраморные статуи.

Самые богатые, самые роскошные здания Ленинграда украшены и облицованы цветным мрамором.

Красноватый гранит колонн Исаакия красиво выделяется на фоне его серых мраморных стен.

Если же вы хотите увидеть сразу целую коллекцию мраморных плит разных цветов и оттенков, идите туда, где улица Халтурина вливается в простор Марсова поля. Здесь стоит здание, которое так и зовется — Мраморный дворец. И снаружи и внутри его великолепное убранство выполнено из многих сортов и разновидностей этого любимого строителями камня.

Но ценные камни требуют бережного ухода.

Много десятилетий Казанский собор — великое творение Воронихина — стоял запыленный до такой степени, что представлялось совершенно невозможным определить на глаз, каким камнем облицованы его стены, из чего сложены колонны.

Но вот однажды собор оброс строительными лесами и скрылся из наших глаз. А когда леса сняли, мы, ленинградцы, с

удивлением увидели: он светлый, наш собор! Он беловато-желтый, как воск!

Что же это за камень?

Справочники говорят: Казанский собор построен из пудожского камня. Пудож — город на нашем Севере, недалеко от Онежского озера. Но вот странность: сколько бы вы ни наводили справок, вы нигде не встретите указаний на какие бы то ни было каменные ломки в его окрестностях. В чем же дело?

А вот в чем: название «пудожский» ошибочно. Красивый камень этот добыт не в Пудоже, а возле Пудости, дачного местечка под Гатчиной, в трех десятках километров от Ленинграда. Его нужно называть не пудожским, а пудостьским. Только и всего. Из этого же камня построен сейчас наружный павильон станции метро «Площадь Восстания».

Недавно отремонтирован и фасад старого корпуса Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. И здесь произошло что-то вроде небольшого чуда. Хмурое, грязно-серое здание вдруг превратилось в очень красивый дом, облицованный светлым камнем, похожим на те подмосковные известняки, за которые Москва получила имя «белокаменной».

Каким же образом удалось отчистить эти строения? Сделали это песком.

Да и в этом нет ничего удивительного. Чистить вещи песком люди привыкли давно. Мокрым песком искони начищали самовары. Ребята на речке нередко предпочитают песок мылу. На флоте тем же песочком матросы всегда «драили» знаменитую морскую «медяшку». Недаром у нас иной раз говорят, что человека «пробрали с песочком».

Но мало кто задумывался над этой удивительной способностью песка очищать все. А ведь дело в том, что среди песчинок множество крошечных острых кусочков кварца. Под давлением они способны сцарапать, соскрести любую грязь, даже ту, которая крепко въелась в очень твердую поверхность. Каменную стену, колонну, гранит набережной десятки лет жгло солнце, овевал ветер, на них годами ложилась едкая фабричная копоть и прилипчивая пыль большого города. Их не отмоешь мылом и мочалкой. Камень не окрасишь, как оштукатуренный кирпичный дом.

И вот вообразите себе пожарный брандспойт, из которого бьет струя не воды, а кварцевого песка. С большой силой несущиеся вперед песчинки образуют гибкую и жесткую скребницу, могучую каменную кисть, способную содрать всю грязь вместе с верхним слоем камня. Работа идет быстро: к перилам набережной подвешена малярная люлька, жужжат

электромоторы, клубами дымится и оседает тут же белый кварцевый песок. Каменная скребница действует. И там, где она прошла, в воде канала отражаются сотни метров гранитной набережной, такой чистой и новой, как будто ее омолодили.

Живая вода

Ключи и источники

Хороши высокие горы, могучие реки, обрывы бездонных пропастей, шумный, пенный водопад… Но живой родник, бьющий из-под земли, веселый, серебряно-чистый ключик всегда кажется человеку одним из самых пленительных явлений природы, вызывает умиление и интерес.

В глубокой древности римляне и греки изображали подземные источники в виде милых, веселых нимф — прекрасных девушек — и поклонялись им.

Во все времена поэты писали о ключах и источниках. С каким благоговением говорит о роднике Лермонтов:

«Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он,
Тогда смиряется души моей тревога.
Тогда расходятся морщины на челе…»

Поражают воображение горячие гейзеры Камчатки. Загадочна жизнь перемежающихся источников, текущих и иссякающих точно по часам. Читтагонский ключ в Восточной Индии бьет с огромных глубин посреди Бенгальского залива и образует на его соленой поверхности большое пресное озеро, из которого во времена парусного флота пополняли свои запасы воды корабли. Все это замечательно.

Но больше всего интересуют человека целебные ключи. Во всех странах издавна известны источники, в воде которых растворены особые соли и газы, полезные человеку при разных болезнях. Даже в древности люди отправлялись за сотни и тысячи верст, чтобы воспользоваться их чудесной силой.

Когда мы слышим слова «целебный ключ», то представляется скалистый южный берег и выбивающаяся из него кипучая струя. Это не удивительно: известнейшие наши минеральные воды находятся на Кавказе.

В «Герое нашего времени» Лермонтов, рисуя жизнь на модном курорте, с удовольствием описывает «чистенький

новенький городок» у подножия Машука и Бештау, где «шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа».

Пушкин, торопясь на войну в Эрзерум, во второй раз заехал в Пятигорск, чтобы посмотреть на уже знакомые ему минеральные воды. «В мое время, — вспоминает он, — источники, большей частью в первобытном своем виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям, оставляя белые и красноватые следы. Мы черпали кипучую воду ковшиком из коры или дном разбитой бутылки».

Тот, кто не бывал на минеральных водах, уж наверное пил привезенные с Кавказа в бутылках нарзан, боржом, есентуки…

Великолепные минеральные источники есть и на севере. Но далеко не все знают, что у нас в Ленинграде в самом городе бьет из-под земли превосходный целебный родник.

Как вам это нравится? Родник, имеющий свой городской адрес: Введенская улица, дом 1. Звонкоголосая нимфа, которой при желании можно позвонить по телефону через Выборгскую АТС на букву «Г».

Речь идет о вещи на самом деле существующей, о Полюстровском источнике железисто-карбонатной минеральной воды. Знать о нем и даже гордиться им нам, ленинградцам, очень бы следовало. Не так уж много на свете огромных городов, в черте которых бьют целебные минеральные источники. Побеседуем о нем.

Как ее открыли?

В 1717 году Петр Первый вернулся из путешествия по Европе. Между другими делами он с успехом лечился там на знаменитых водах в Спа, в Бельгии возле Льежа. Едва прибыв домой, неугомонный преобразователь велел своим медикам немедленно «сыскивать в России» такие же «ключевые воды и, сыскав, лечить ими людей».

Приказы Петра выполнением не задерживались. Год спустя был обнаружен ключ под самым Петербургом, у «слободы Казачьей, что на правом берегу Невы супротив Смольного буяна, от воды в шестистах саженях».

Тогдашнее Полюстрово не было похоже на теперешний городской район. До города верст пять или семь, да каких! И вот тут-то, в гиблой болотистой почве, и пробился на свет ржавый ключик. Оставляя за собой охряно-рыжие лужи, он бежал между

пнями и кочками к Неве-реке.

Существует спор: кто из двух царских «лейб-медиков» открыл родник — шотландец Роберт Эрскин или русский немец Лаврентий Блюментрост. Спор нелепый: в 1717 году обоих ученых мужей Петр погнал в Олонец как раз исследовать тамошние целебные воды. Эрскину не повезло, — он в Олонце умер. В Петербург вернулся один Блюментрост. Известно, что он вскоре начал лечить Полюстровской водой даже самого Петра. Но дело в том, что, разумеется, задолго до врачей про этот источник знали и финны и русские поселенцы, жившие по соседству. Открытие было несомненно вторичным.

Предприимчивых людей в России XVIII века было немало: во дни «веселой царицы Елисавет» деревушка Полюстрово стала модным курортом. Туда по вновь проложенной дороге тянулись и праздничные кавалькады аристократов и омнибусы, набитые «подлым» народом, как тогда выражались.

В лесах запестрели дачки. Открыли двери «царский кабак» и трактир. В Полюстрове не столько лечились, сколько гуляли и развлекались.

Пронырливые дельцы брали источники в аренду или покупали местность вокруг них с единственной целью — извлечь побольше дохода.

В 1870 году на курорте произошел пожар. Курорт перестал существовать. К 1917 году «имение Полюстрово с минеральными ключами» оказалось в руках одной княжеской семьи. И если говорить всерьез, то именно теперь, после революции произошло настоящее «открытие» Полюстровских вод.

Чем она богата?

Каждые сутки Полюстровский источник выбрасывает на поверхность и отдает людям около шестисот тысяч литров своей целебной воды. Много это или мало? Для природных водоемов не так уж много — прудик в 20 × 15 метров и в 2 метра глубиной. Но для минерального ключа это совсем не мало; за сутки своей работы источник может налить почти полтора миллиона бутылок целебной влаги.

Наш родник железо-карбонатный. Самая главная составная часть его воды — железо в виде закиси. В каждом литре Полюстровской воды растворено от 20 до 30 миллиграммов железа. Это очень хорошо, что «от и до»: воды, содержащие

меньше железа, неинтересны людям, — они слишком слабы; воды, в которых его свыше 40 миллиграммов, вредны — в такой воде появляется железный купорос. Прекрасно также, что железо является здесь в виде закиси: вода, содержащая в себе не закись, а окись железа, не имеет лекарственных свойств, она бесполезна.

Тут возникает одна хитрость: как только вода источника появляется на солнечный свет из таинственного царства подземелий и соприкасается с воздухом, закись, растворенная в ней, окисляется и становится окисью, теряя свои полезные качества. С этим можно бороться, заготовляя воду для питья: её легко упрятать в герметически закупоренные бутылки. Но как нам быть с ваннами? Ведь нельзя же купаться в наглухо закрытой, изолированной от воздуха ванне.

Долго в этом вопросе было много путаницы. Медики, отмечая все же полезное действие полюстровских ванн, удивлялись: ведь они не могли быть полезными, так как насыщены окисью! Потом было решено, что это ошибка, что ванны из здешней воды пользы не приносят.

И только в самое последнее время выяснили: для внутренних приемов нужна вода «закисного», а для воздействия на кожу именно «окисного» типа. Выходит, что наш источник, как по заказу, дает лечебный материал и того и другого рода.

Какая от нее польза?

Очень большая. Полюстровский источник вовсе не является каким-нибудь второсортным минеральным ключом, интересным только тем, что находится в самом Ленинграде. Научные исследования показали, что среди двух тысяч железистых ключей всего мира наш ключ является чемпионом, рекордсменом. Он не только равен по силе своего воздействия ключам таких всемирно известных курортов, как Спа или английский Тембрик Уэльс, но во многом превосходит их. Недаром в среде «бальнеологов», изучающих целебные воды, он получил высокое звание не просто «железистого», а «типично-стального» источника.

Какое же действие оказывает его вода?

Как говорят врачи, изучившие это действие, самое главное в нем то, что вода Полюстрова помогает человеческому организму вырабатывать новую кровь. Она способна излечивать так называемое «вторичное малокровие», которое получается от потери крови при ранениях, при недостаточном питании, при

разного рода отравлениях.

Вторичное малокровие опасно не только само по себе: оно рождает и другие явления: головные боли, подверженность гриппу, общую слабость и т. п. Излечивая причину, Полюстровская вода избавляет больного от ее последствий.

Кроме того, она вообще полезна больному и здоровому так же, как известные теперь всем витамины.

Но надо знать, что не всякое малокровие уступает силе нашей воды. Есть особая, мало изученная болезнь — «первичное малокровие», — от него Полюстровская вода не спасает.

Как же ее добывают?

Если от шоссе Революции вы дойдете до Введенской улицы, вы увидите за длинным забором крыши зданий Завода минеральных вод. Под этими крышами и скрывается та лаборатория, в которой целебная вода проходит свой путь от подземного русла до аккуратно запечатанной гофрированной «кронненкоркой» полулитровой бутылки.

На заводе сейчас действуют две скважины. В них (точнее, — из них) под железной крышей и деревянной покрышкой бурлит и фонтанирует подземная вода. Если крышку поднять, — видна вертикальная труба, в которую вода поступает. Отсюда, под потолком помещения, она по длинным стеклянным трубам бежит в разливочный цех. Вы стоите закинув голову и видите, как над вами быстро проносятся пузырьки воздуха, точнее — различных газов. Они бегут, бегут вперед, к тому месту цеха, где их ожидает неминуемая встреча с другим потоком, с непрерывным потоком бутылок.

Бутылки до этого успели пройти целый ряд сложных процедур: мокли в бочках или ящиках; две промывочные машины полоскали их: одна крутила в большом барабане, другая промывала изнутри остренькими фонтанчиками.

Вот они встретились — бутылки и вода. Бутылки наполнились водой. Отсюда они, точно живые, разбегаются по двум разным конвейерам; одни запечатываются хорошо вам знакомой металлической шапочкой — кронненкоркой; в горлышко других машина вдавливает плотно сидящую «полубархатную» пробку. Впрочем, еще до этого в воду, налитую в посуду, нагнетают под давлением углекислоту, которая будет потом шипеть, пузыриться и легонько пощипывать за язык.

Казалось бы, — все кончено, но нет. Важным строем, точь-в-точь пингвины на берегах Антарктики, шествуют бутылки по длинной ленте конвейера. И вдруг они на миг останавливаются, сворачивают в сторону и, словно люди в кабину лифта, заходят по четыре сразу в маленькую светлую камеру. Зашли, выстроились… Раз — два! Коварная камера опрокинулась, четыре спутницы-бутылки повисли вниз головами, яркий луч света пронизал их насквозь, и острый глаз бракеровщицы успел заглянуть каждой из них в душу… Мало ли что может случиться… В бутылке могла остаться щетинка от щетки, клочок бумаги… Это недопустимо. Бутылки покорно висят, а следующая четверка тихо дожидается конца испытания… Нет, все в порядке. Три — четыре! — механизм срабатывает, выдержавшие экзамен бутылки уходят дальше, а их место занимают следующие… Замечательная машина! Далеко позади остались те ковшички из бересты, которыми черпали воду минеральных источников в пушкинские дни. Между прочим, любопытно: для чего воду предварительно газируют?

Если вы пригубите стаканчик Полюстровской воды в ее чистом виде, — вряд ли она вам понравится. У воды особый, не каждому приятный, кисловато-терпкий вкус. Газирование улучшает вкус и помогает желудку всасывать воду в его стенки.

Если вы побываете когда-нибудь с экскурсией на Полюстровском заводе, вас непременно заставят выпить воду в ее диком, невкусном виде; затем угостят газированной, а на сладкое предложат вам целую серию напитков — мандариновый, клубничный, вишневый и клюквенный. Все это — Полюстровская вода, превращенная в лимонад.

Ученые специалисты, продолжающие на новой основе дело, начатое врачами XVIII века, скажут вам, что добавление в железистую воду аскорбиновой кислоты — витамина «С» — удивительно полезно. В воде образуется особая «соль», «аскорбат железа», и целебное действие воды резко повышается.

Послушать врачей, работающих на этом заводе, так выходит, что людям не мешало бы вообще не пить ничего, кроме этой воды.

Но во всяком случае хорошо известно: она очень полезна тем, кому работа или условия жизни причиняют расстройство кроветворения, процесса образования новой крови.

Ее должны пить доноры, жертвующие собственной кровью для спасения тяжело больных.

Она нужна полярникам, работающим в местах, где приходится половину года жить без солнечного света.

Большую пользу приносит она рабочим рудников и шахт,

метростроевцам — всем подземным работникам.

Есть на заводах вредные цехи, где рабочим волей-неволей приходится все время вдыхать воздух с избыточным количеством угарного газа. Он обладает зловещей способностью частично разрушать важнейший элемент крови — ее красные кровяные шарики. Этим людям Полюстровская вода положительно необходима. Администрация наших заводов-гигантов знает это и давно уже начала постоянно снабжать свои горячие цеха этой кровевосстанавливающей Полюстровской водой.

Завод минеральных вод растет и развивается. Скоро он перейдет в новое, еще лучше оборудованное помещение. Воду будут принимать в ослепительно белый бассейн из особой плитки. Сверху он будет покрыт хрустальным куполом, и каждый желающий сможет увидеть, как кипит и клокочет чудесный «сок» ленинградской земли.

О чем говорят имена наших улиц

Я шел по Ленинграду, по Большому проспекту Петроградской стороны. Неожиданно ко мне подошли три девочки-пионерки, так, примерно, класса третьего или четвертого.

— Дяденька! Можно у вас спросить?.. — начала было одна и замолчала. Остальные девочки, отвернувшись, засмеялись.

— Пожалуйста, — сказал я. — Что спросить?

Девочки продолжали посмеиваться и толкать друг друга локтями. Мне это надоело.

— Если вы сами не знаете, что вам надо, так зачем же вы меня останавливали? — не сердито, но не без упрека сказал я.

— Ой, нет! — заговорила тогда главная девочка. — Мы знаем… Только мы боимся, что вы смеяться будете… Нам велели… Мы хотели спросить, где здесь… Бар-ма-ле-е-ва-я улица? Вот!

Я очень удивился.

— Бармалеева? Вот эта! — сказал я, указывая на узенький переулочек, куда не попадало солнце. — Чего же вы боялись? По-моему, смеяться тут не над чем…

— Ну да, — сказали сразу две девочки, — «не над чем»! Очень есть над чем! Мы шли и думали: это, наверное, нас обманули. Это в честь какого же Бармалея назвали улицу?

— А Мухи-Цокотухиной улицы нет? — фыркнула третья.

— Ну да! Или Мойдодыровой…

— А в общем, спасибо, дяденька… — И они убежали.

Распростившись с ними, я пошел по своим делам. Но, чем дальше я шел, тем больше думал о нашем коротком разговоре. А в самом-то деле ведь и верно, — только в сказках Корнея Чуковского впервые появился такой страшный разбойник Бармалей. Но сказки эти написаны лет тридцать — сорок назад, а Бармалеева улица в Петербурге существует уже не меньше ста лет. Кто же и почему так ее назвал? Ведь не может быть, чтобы просто сели люди и начали думать: «Как бы нам эту узенькую уличку почуднее окрестить?» Наверное, были причины более веские!

В самом деле — существуют на свете людские имена, но рядом с ними есть имена и у разных мест на земле: у городов, рек, морей, озер, горных вершин. Реки и горы существуют сами по себе, а имена им дают люди. Иногда имена эти очень понятны: «Река Белая», «Гора Великий Камень». Иногда же голову сломаешь, не поймешь, что могло бы такое имя обозначать и откуда оно взялось.

Есть на свете увлекательная наука — языкознание. Как и всякая наука, она имеет целый ряд отделов; каждый из них интересен и поучителен по-своему. Но, пожалуй, один из наиболее интересных — тот, который занимается изучением географических названий, объясняет смысл и происхождение имен той или другой местности. Отдел этот называется: «топонимика». Это очень нужная наука: иной раз она позволяет найти свидетельства о таких древних событиях, о которых до нас не дошло никакого известия, доказать спорные факты и явления древних времен.

В Ленинграде, как и повсюду, есть немало старых названий; они рассказывают о том, что было на месте нынешнего города еще до его возникновения и в первые годы его существования.

Почти в центре города проходит теперь Загородный проспект. Он получил такое имя потому, что в свое время, и правда, лежал за городом, на его границе с окружающими полями.

В наши дни уже мало кто помнит дореволюционное наименование района, пересеченного Суворовским проспектом и Советскими улицами. Район этот тогда назывался «Пески». Название, очевидно, дано не напрасно: местность здесь лежит на сравнительно возвышенном берегу очень древнего моря, десятки и сотни тысяч лет назад простиравшегося тут; она раскинута на его бывших «пляжах» и песчаных дюнах.

Неподалеку от этих мест проходит улица Болотная. Несомненно, что она возникла на некогда заболоченной почве; на окраинах невысоких песчаных холмов болота располагаются довольно часто.

Нужно думать, что о песчаной почве свидетельствуют и имена двух Песочных улиц. Одна из них теперь называется улицей Попова, она лежит за речкой Карповкой на Аптекарском острове Петроградской стороны. Тут среди города, под мостовой и тротуарами, трудно сегодня воочию убедиться в качестве ее почвы. Зато другая Песочная, на Выборгской стороне, у Лесотехнической Академии и поныне упирается прямо в песчаные дюнные холмы. Здесь связь между местом и его именем ясна до сих пор.

«Боровая» улица, которая тянется от Лиговского проспекта (или, проще, — Лиговки) к Обводному каналу; бывшая Грязная улица на Петроградской стороне (теперь улица Эдисона) — все указывают на географические и топографические детали той местности, на которой расположился наш город.

В районе Боровой, например, некогда в самом деле шумел темный бор, остаток тех самых лесов, из тьмы которых, по словам Пушкина, «вознесся» юный град Петра.

Гораздо больше, однако, в названиях улиц содержится воспоминаний о другой поре, о той поре, когда эти леса уже были вырублены и на их местах раскинулись шумные городские «стогны»[2].

У Ленинграда, как у всякого большого города, много различных обликов. И все они, как в зеркале, отражены в этих названиях.

Со времен Петра Первого наш город был и остается городом флота, старым гнездом моряков. Тут строились корабли Балтики; сюда они возвращались из дальних плаваний, здесь хранили сухим свой боевой порох.

Целый район Васильевского острова до сих пор сохранил название «Гавань» (а ранее — «Галерная гавань»). В наши дни морской порт города переместился юго-западнее, перешел на другой берег Невы; но в XVIII веке сюда и на самом деле причаливали легкие военные гребные суда, те самые петровские «галеры», которые решили у мыса Гангэ-Уда судьбу Гангутского победоносного сражения.

Им же обязана была своим названием и параллельная Неве улица, та, что тянется к устью реки от площади Декабристов. Теперь она носит название «Красной», а до революции тоже называлась «Галерной».

Эти старинные названия говорят о влиянии морского дела на «ленинградскую топонимику». И примеров такого влияния множество.

На самом взморье лежит Канонерский остров. Маленькие островки неподалеку от него именуются «Подзорными»: на них когда-то стояли маячные башни, с высоты которых зоркие глаза караульных следили за приближением к городу со стороны залива дружеских или вражеских «флагов». Вспомните Пушкина: «Сюда, по новым им волнам, все флаги в гости будут к нам…» Жемчужно-серая водяная гладь далеко была видна с подзорных пунктов.

Есть у нас в городе набережная Шкиперского Протока, хотя сам проток уже давно засыпан. Есть Штурманская улица, как раз на одном из этих Подзорных островов, от набережной Подзорного канала до речки Екатерингофки. Все это и по сей день недалеко от морских прибрежий.

Но и в центральных частях города встречаются названия, отдающие морем и делами флота. На Петроградской стороне имеется улица, носящая название «Большая Зеленина». Что значит слово «Зеленина»? Может быть, оно происходит от слова «зеленый»? Нет, историки и языковеды говорят нам: улица эта когда-то называлась не «Зелениной», а «Зелейной»: вдоль нее

тянулись избы, где жили мастера «зелейного», то есть «порохового», дела; ведь порох раньше назывался «зельем».

Неподалеку от бывшей Зелейной на той же Петроградской стороне имеются две Пушкарских: Большая и Малая. Тут в старые времена была расположена Пушкарская слобода, населенная пушкарями, рабочими пушечных заводов. Невдалеке тянется улица Мира, которая до революции носила совсем не мирное название — «Ружейная».

Пороховые, Пушкарские, Ружейная улицы очень ясно определяли лицо этой части города и его тогдашнего населения.

Тесно связаны с флотом, правда уже торговым, и такие наименования, как различные «буяны». Смольный буян (то место, где и сейчас стоит Смольный, бывший Смольный институт), — здесь некогда сгружали идущую из страны речным путем, нужную на осмоление кораблей смолу. Пеньковый буян (у Тучкова моста), — тут были склады флотской пеньки, сырья для заготовки морских канатов. Сельдяной буян…

«Буян, — говорится в энциклопедическом словаре, — торговая площадь. Название это служит также для обозначения речной пристани, места выгрузки товаров, в особенности кож, масла, сала, льна, пеньки…»

Стоит упомянуть при этом еще Таможенную набережную, на приморском Гутуевском острове, и Таможенный переулок, который расположен, наоборот, на самом прекрасном центральном месте города, на Стрелке Васильевского острова, возле Ростральных колонн, Биржи и зданий Академии наук.

То, что Таможенная набережная есть на Гутуевском острове у самого морского порта, никого не удивит. Но откуда взялся Таможенный переулок посреди города? Может быть, он назван «просто так»? Отнюдь нет. Старшее поколение ленинградцев еще очень хорошо помнит чугунную «таможенную» решетку, которая перегораживала Тучкову набережную у самого Биржевого моста, и тяжелые ручные подъемные краны на гранитной стенке за ней. Именно тут когда-то была морская окраина города, сюда причаливали суда, которые шли в Петербург, привозя из-за моря «все, чем для прихоти обильной торгует Лондон щепетильный и по балтическим волнам за лес и сало возит нам; все, что в Париже вкус голодный… изобретает для забав»… Тут, у Стрелки Васильевского острова, товары выгружались, осматривались, оценивались. С них взималась государственная пошлина, по-старорусски «мыт». Недаром и набережная, что тянется в этом месте за Невой по Петроградской стороне, именуется Мытнинской набережной. Многие гуляющие сегодня по ней думают, что это название происходит от слова «мыть», что

«мытня» — это баня или прачечная. На деле же «мытней» несколько веков тому назад называли именно таможню, место, где налагался «мыт» — пошлина.

Часто очень трудно, иногда просто невозможно определить правильно на слух, откуда произошло название, что оно означает. Нужно очень хорошо знать и историю русского языка, и историю нашего народа, и самого города, чтобы правильно судить об этом.

Все ребята Ленинграда знают Моховую улицу: на этой улице находится ТЮЗ. Моховая лежит параллельно Литейному проспекту.

Но если каждому из нас ясно, что «Литейный» происходит от слова «лить» и, значит, от тех металлургических сталелитейных заводов, которые некогда стояли тут, возле Невы, между нынешними улицами Воинова и Чайковского, по нечетной стороне проспекта, то на первый взгляд кажется, что название «Моховая» скорее говорит о топографической особенности места: вероятно, тут было болото, «мшара», «моховая трясина». На деле же оказывается, что это совсем не так. Нынешняя Моховая на старых планах носит название «Хамовая». Слово это звучит странно, даже как-то грубовато. Что может значить такое имя?

Вспомним, что одна из старых улиц Москвы называется «Хамóвники». «Хамовник» — древнерусское слово, означающее «ткач», «человек, который занимается ткацким ремеслом». И в Москве, и в Петербурге в этих районах жили ткачи с ближайших «мануфактур», тогдашних заводов. Значит, наша «Моховая» означает: «улица ткачей, ткацкая».

Ленинград всегда, еще будучи Петербургом, был не только городом моря и моряков, он был и городом рабочих, мастеровых, городом промышленным. Это его лицо отражено и закреплено в именах его улиц.

В нашем городе есть Бумажная, Ватная, Прядильная, Стеклянная, Глазурная улицы. И если мы посмотрим, где они находятся, то увидим, что названия их возникли не случайно. Так, например, и Глазурная и Стеклянная расположены возле старого «Стеклянного завода», где теперь Фарфоровый завод. Рядом с ним есть и Фарфоровая и Фаянсовая улицы.

Дегтярная улица тянется от Невского проспекта в направлении Смольного и бывшего Смольного буяна. Там, на буяне, выгружалась и готовилась для нужд флота смола; весьма естественно, что неподалеку располагались и склады технического дегтя.

Чугунная улица находится в старом заводском районе Выборгской стороны. Старые справочники показывают, что на ней действительно были расположены строения металлургических

заводов. Любопытно, что пересекает ее Лабораторное шоссе.

Пожалуй, самым неожиданным в этом роде является название одной из улиц, расположенных за Обводным каналом: «Альбуминная улица». «Альбумином» в химии именуется белок, сложное химическое вещество. Каким образом оно могло дать имя городскому проезду? Загадка разрешается очень просто: рядом с Альбуминной улицей издавна находились старые городские бойни. Различные вспомогательные предприятия при них, вероятно, выделывали разные химические препараты, в том числе и альбумин.

Есть у нас даже такие улицы, которые уводят в область теоретических наук. Таков Филологический (то есть языковедческий) переулок, упирающийся в Университетскую набережную Васильевского острова. Таков и переулок Зоологический, ведущий от проспекта Добролюбова к Биржевому мосту. Любопытно заметить, что примерно на равных расстояниях от концов этого переулка находятся: к западу — Зоологический музей Академии наук, к востоку — Городской зоологический сад, Зоопарк, а прямо во входные ворота Зоопарка упирается Зверинская улица.

Пройдут годы, и возможно, оба эти учреждения будут переведены на новые места. И наши потомки, только разбираясь в старых документах и планах, смогут установить, почему и когда переулок и улица получили такие необычные для улиц имена.

Точно так же нелегко будет после тех изменений в городском хозяйстве, которые, несомненно, к тому времени произойдут, решить, какие причины заставили другой городской проезд назвать Водопроводным переулком, хотя сейчас для нас это не составляет вопроса: он проходит как раз рядом с учреждениями городского водопровода.

На южной окраине города, возле путей Витебской дороги, имеется улица с летучим именем — «Воздухоплавательная». Рядом расположена и первая железнодорожная остановка Витебской дороги — «Воздухоплавательный парк». В наши дни даже само слово «воздухоплаватель» почти забылось: летающих людей мы теперь называем летчиками, реже — авиаторами. Но тот, кто, едучи в Пушкин на электричке, будет внимательно наблюдать окружающий пейзаж в правые по ходу по́езда окна, тот, миновав Обводный канал, скоро увидит поодаль силуэт странного здания, напоминающего стоящую прямо на земле высокую крышу, снабженную громадными воротами. Это старый эллинг; тут некогда, в самом начале века, стояли на причале первые русские дирижабли — «Лебедь», «Комиссионный» и другие. Рядом была расположена и «Воздухоплавательная школа».

Все это отошло в прошлое, а название улицы и станции осталось и сохранится еще долгие годы, как бы сообщая будущим поколениям ленинградцев о прошлых судьбах этого городского района.

Интересны названия, связанные с той или иной ошибкой населения. Мы уже говорили о Зелениной и Моховой, которые было бы правильнее называть Зелейной и Хамовой. Но ими дело не ограничивается. Рядом с Васильевским островом, к северу, отделенный от него одной из трех Черных речек, протекающих в Ленинграде, лежит остров с суровым дореволюционным названием: «Голодай». Откуда и почему возникло это имя? Связано оно с какой-нибудь катастрофической голодовкой или же в нем отразилась вся нелегкая, полуголодная жизнь населения городской окраины в старое время? Оказывается, эти предположения лишь отчасти совпадают с истиной. На территории острова находились когда-то земли богатого петербургского купца, англичанина, по фамилии Холлидэй. Слово «холлидэй» по-английски значит «праздник». Но русское население окрестных мест по-своему поняло значение этой «веселой» фамилии. Вполне возможно, что рабочие, служившие у Холлидэя, были не слишком довольны его жалованием и продовольствием. Они превратили чужое слово в понятное всем русское «голодай»; казенное обозначение: «Остров Холлидэя» понемногу забылось и заменилось народным: «Остров Голодай». Постепенно это название-ошибка вошло в официальные документы, и потом уже никто не помнил купца Холлидэя. Остров Голодай, на котором погребены казненные Николаем Первым декабристы, только после революции был переименован в остров Декабристов. А среди населения его и сейчас нередко именуют Голодаем.

Другой такой случай произошел на Петроградской стороне. Там вдоль одного из переулочков тянулись в свое время земельные участки, принадлежавшие англо-шотландским выходцам, по фамилии Дункан. Городские власти обозначили небольшой проезд, не имевший особого имени, как переулок Дункана. Но народ затруднялся понять, что значит это «Дункан». Поэтому он превратил непонятное слово в другое, понятное. Переулок стал именоваться Дунькиным; обычно все же до самой революции его писали во всех справочниках, нарушая правила русской орфографии, как Дункин переулок: без мягкого знака.

Жизнь города проходит разные ступени. Кончается одна эпоха, наступает другая. Каждая из этих эпох наслаивает новые пласты на древнейшие городские названия. Порой бывает трудно, а то и невозможно установить, кто, когда и при каких

обстоятельствах и почему дал эти имена тому или другому месту. Иногда уже много позже образуются целые сложные предания и легенды, будто бы объясняющие эти названия. Немало таких сомнительных объяснений связано, например, с именем «Васильевский остров». Ссылаются на некоего перевозчика Василия, работавшего на Неве, приводят другие догадки, но точного объяснения никто не знает, легенды остаются легендами. По сути дела, не имя объясняется этими преданиями, а наоборот, предания появляются потому, что народ хочет хоть как-нибудь истолковать себе непонятное для него имя. Примеров этому много.

Так, скажем, нынешний город Пушкин когда-то назывался Царским селом. Огромное большинство ленинградцев, хоть немного знающих историю наших пригородов, уверено, что так он назывался потому, что издавна был резиденцией русских царей, что там имелся царский дворец, и даже не один. На деле же это название возникло совершенно иным образом. На месте нынешнего Пушкина в начале XVIII века существовала шведская мыза, носившая финское имя «Саари-мойсе» — «Островная мыза». Позже это название было переделано на русский лад — «Саарская мыза» — «Саарское село». И лишь после того, как Екатерина Вторая, воздвигнув в «Саарском селе» дворец, поселилась там, слово «Саарское» превратилось в «Царское». В языкознании такие превращения, замена непонятного чужеязычного слова похожим на него русским называются «народной этимологией».

Бывает и так, что чужое слово оказывается просто неудобным для русского произношения и переделывается на другой лад. Около Пушкина, чуть ближе к Ленинграду, есть маленькая станция со странным именем Шушары. Не подумайте, однако, что это название дано в честь злой крысы Шушары из сказки «Золотой ключик» А. Н. Толстого.[3] Это то же самое финское слово «саари» — «остров», еще раз переделанное на русский лад. В XVII–XVIII веках место это и деревня именовались «Суо-Саари» или «Суй-Саари» — «Болотный остров»; так и сейчас именуется небольшой островок в Финском заливе.

Многие ленинградцы знают дачное место Парголово, но очень мало кто может догадаться, что, возможно, слово это есть измененное финское название «Перкеле-ярви», то есть «Чертово озеро».

Так обстоит дело с большим числом старых имен. Многие из них вполне понятны нам, но нет ни исторических указаний, ни даже легенд об их возникновении. Конечно, немыслимо установить, когда именно и кто первый назвал «Песками» район Суворовского проспекта; назвал его народ. Найти прямого автора

названия здесь также невозможно, как определить, кто именно сочинил народную песню, пословицу или поговорку.

Однако среди городских имен мы встречаем и другую группу, прямо противоположного характера. Это названия, данные уже в более поздние времена и, так сказать, совершенно официально.

Можно подробно проследить историю главной улицы нашего города и довольно точно выяснить, что сначала она была просто длинной просекой среди окружающего дремучего леса и носила название «Главной перспективы». Потом получила такое же официальное название «Невской перспективы». И лишь позднее, в XIX веке, уже окончательно превратилась во всем нам знакомый «Невский проспект» или просто «Невский». Теперь же мы (и на это стоит обратить внимание) так свыклись со словом «Невский», что нужно некоторое усилие, чтобы понять, что слово это — прилагательное, образованное от существительного «Нева».

Про громадное большинство названий наших улиц можно точно сказать, кто, когда и почему их придумал.

Мы издавна привыкли всему окружающему нас, будь то природа или поселения, давать имена в память о великих событиях или людях, заслуживающих общую признательность, славу. Посмотрите на карту мира: какое множество островов, проливов, рек, гор, озер связано с такими воспоминаниями! Мыс Челюскина, мыс Дежнева, остров Баранова, острова Октябрьской Революции, пик Ленина — все это названия-памятники, данные либо в честь путников, открывших тот или иной уголок мира, либо в память о военных событиях и великих людях.

Точно так же и городам, улицам, площадям, даже отдельным домам чаще всего даются имена, связанные с драгоценными воспоминаниями народа. Ленинград с этой точки зрения является огромным музеем, собранием мемориальных памятных досок, в большинстве своем связанных с людьми и событиями, имеющими прямое отношение к самому городу. Однако все множество этих имен необходимо, прежде чем рассмотреть, разбить на две части: данные до Октября 1917 года и после него. Между теми и другими великая разница.

В дореволюционном Петербурге названием улиц и площадей ведало царское правительство. Оно ничуть не было заинтересовано увековечить память событий и действительно великих людей из народа, тех, кто любил свой народ и по-настоящему служил ему.

Едва ли не единственной областью государственной жизни, которая в глазах правительства еще как-то заслуживала прославления, было военное дело. Но, конечно, даже вспоминая славные даты военной истории, тогдашние градоправители мало

думали о русском солдате. Эта история казалась им скорее цепью громких генеральских имен. Только они заслуживали увековечения, да и то имена не тех военачальников, которых знал и любил народ, а главным образом тех «вояк», которые звенели шпорами при дворе, помогали царю держать в повиновении простых русских людей.

Нужны были поистине необыкновенные заслуги, блестящая слава, чтобы полководец удостоился великой чести и какая-нибудь улица оказалась названной его именем.

Суворовский проспект на далеких от центра Песках; маленький Румянцевский сквер на Васильевском острове да Александро-Невская площадь и улица на далеком конце Старо-Невского проспекта — вот, пожалуй, и все, чем царское правительство почтило память трех славных русских воинов. Да и то Александр Невский вспоминался в этом названии не как замечательный полководец, а главным образом как «святой», в честь которого был построен богатый монастырь — лавра.

Значительно большее число улиц названо в память знаменитых сражений прошлого. Бородинская улица на Загородном напоминает «про день Бородина». Забалканский (ныне — Московский) проспект был назван в честь трудных кампаний русской армии, освобождавшей южных славян от турецкого владычества. Были в Петербурге улицы: Березинская, имя которой связано с бесславным концом Наполеоновской армии, Артурская, получившая название после героической, хотя и несчастной обороны Порт-Артура в японскую войну 1904–1905 годов.

В дореволюционном Петербурге было множество объектов, носивших царские имена: два Александровских проспекта и улица, Александровский мост, Александровская колонна… Имелись тут и бесконечные Николаевские: железная дорога и вокзал, улица (ныне — Марата), набережная Невы на Васильевском острове и мост (теперь — Лейтенанта Шмидта), военное училище и прочее, и прочее, и прочее…

Но то хоть были цари; а кто такие, спрашивается, были Плуталов, Шамшев или тот самый, насмешивший девочек, Бармалеев, в честь которых названы маленькие улочки Петроградской стороны и других районов города? Не знаем, не помним.

«Апраксин рынок» на Садовой вовсе не увековечивает память знаменитого флотоводца петровских времен, Федора Матвеевича Апраксина. В справочнике говорится: «Назван по фамилии владельца зданий графа Апраксина, получившего их в наследство от своей бабки, графини Разумовской».

Сохранившийся до нашего времени на левом берегу Невы Палевский проспект стал им только потому, что вдоль него были расположены участки некоего Кондратия Паля, богатого фабриканта и заводчика.

До сих пор в нашем городе есть бесчисленное множество улиц, улочек и переулочков, в названиях которых еще живет последний след людей никому не дорогих, никому не любопытных, ничем не примечательных, а только богатых.

Таковы улицы Крестовского острова — Белосельская, располагавшаяся на землях князей Белосельских-Белозерских, Эсперова. Таковы Горсткина улица у Сенного рынка, пригородные станции Ланская (были графы Ланские), Кушелевка, Левашово, Бернгардовка. Память обо всех этих людях давно уже стерлась, остались только названия, которые даже неинтересно и расшифровывать.

На Охте, уже на окраине города, есть речка, название которой звучит совершенно неожиданно. Это речка Оккервиль. Спросите у десяти своих друзей, в какой стране такая речка может течь, и они наверняка укажут вам на Англию или на Ирландию. «Собака Баскервилей», «Кентервильское привидение», «Оккервиль», — пахнет далеким Западом!

Надо произвести довольно сложные изыскания, чтобы обнаружить, что в XVIII веке возле этой речки имелась мыза, принадлежавшая полковнику шведской армии, господину Оккервилю. Кости его внуков давно уже истлели в земле, а имя «Оккервиль» все еще звучит среди жителей Охты.

В данном случае оно даже не изменилось, не превратилось, как фамилии Холлидэя в Голодай и Дункана в Дунькин переулок.

Улицы, названные именами великих русских художников, поэтов, музыкантов, попадались столетие назад редко, совсем редко. До 1917 года в Петрограде были улица Глинки, улица Гоголя, улица Жуковского, Пушкинская улица (узенькая второразрядная уличка с еле заметным, похожим на куклу, памятником на ней), Лермонтовский проспект; на Выборгской стороне была улица знаменитого врача Боткина (так же, как больница «Боткинские бараки», за Московским вокзалом); набережная, названная в честь прославленного хирурга Пирогова. Но все это редкие исключения. Самая мысль об увековечении истории города и памяти его славных граждан в названиях проездов и площадей мало кого занимала.

Положение резко изменилось после Октябрьской революции.

В 1917 году наш народ стал одним из народов великого и свободного содружества наций — Советской республики, а позднее — Советского Союза. В жизни Ленинграда произошли

грандиозные перемены. Они, естественно, отразились и на топонимике его. Наши улицы теперь громко возглашают народную славу во всех областях жизни советского народа. Их имена служат как бы вехами, напоминающими важнейшие события в жизни города, неизгладимыми памятками, рассказывающими о жизни и деятельности его великих сынов.

Нередко случается так, что имя, данное той или другой местности, улице, заводу, фабрике по самому ничтожному поводу, постепенно приобретает совсем новое, грозное или славное значение: таким его делает история, пролетающая над ним.

У нас есть славные имена «путиловцев», «лесснеровцев», «обуховцев». Так с гордостью именовали себя лет тридцать назад стойкие воины революции, питерские пролетарии, рабочие заводов Путилова, Лесснера, Обухова. В начале Великой Отечественной войны московские рабочие, обращаясь к ленинградцам, назвали их именно этими старыми именами: с каждым из них связались самые незабвенные страницы нашей истории. И сейчас мало кто помнит Павла Обухова, основателя огромного петербургского завода. Нам важно другое: от этой фамилии родилось название, прогремевшее по всему миру.

Даже сегодня, когда Обуховский завод давно уже так не называется, улица, ведущая к нему, носит имя проспекта Обуховской Обороны, в память жестокого боя — первого уличного сражения, данного тут в 1901 году рабочими завода царской полиции и войскам.

Выборгская сторона получила свое имя просто потому, что с нее начиналась дорога, ведущая на Выборг, — Выборгское шоссе. А для нас теперь слова «Выборгская сторона» звучат как могучий призыв к мужеству, стойкости, как напоминание о благородных борцах за революцию.

Рядом с такими названиями мы встречаем во всех районах города улицы, площади, мосты, уже сознательно названные в память о великих людях и замечательных событиях истории и революционной борьбы.

Мост Лейтенанта Шмидта, самый нижний по Неве, самый близкий к морю, напоминает о герое-офицере, нашедшем в себе мужество в дни первой русской революции встать на сторону народа и гордо погибнуть во славу будущего.

Очень большое число городских названий связано с героическими днями 1918–1919 годов, с теми моментами в истории, когда враг приближался к непокорному городу на Неве, но был разбит и уничтожен революционным народом под водительством коммунистической партии, по планам,

выработанным Лениным и его соратниками.

Вот параллельно Невскому проспекту идет улица Ракова. Она говорит нам о подвиге славного сына народа, комиссара красноармейской бригады, товарища Ракова. В ночь с 28 на 29 марта 1919 года товарищ Раков, преданный изменниками, был окружен врагами в деревне Выра у станции Сиверская и, не желая сдаваться живым, в горячем бою приберег последний патрон для себя.

Улица и трамвайный парк Блохина на Петроградской стороне, Дом культуры имени Капранова на Московском проспекте, многие другие проезды, заводы, учреждения Ленинграда носят имена вышедших из народа героев и тружеников этих горячих лет.

Есть имена всем хорошо известные, которые прямо и непосредственно говорят нам о событиях Октября, славят величайших людей советской страны, напоминают нам отдельные эпизоды из их славных жизней, связанные так или иначе с нашим городом. Улица Восстания, начинающаяся от площади Восстания, площадь Революции на Петроградской стороне, рядом с Кировским мостом, десять Советских улиц на бывших Песках, длинный ряд Красноармейских улиц у Варшавского вокзала — все они повествуют о создании советской власти и борьбе за нее.

Проспекты Фридриха Энгельса и Карла Маркса, улица Ленина, Кировский проспект увековечили славнейшие из славных имена учителей и вождей народа. В нашем городе есть улица Ленина; здесь Владимир Ильич жил сразу по приезде в Россию в 1917 году; есть у нас и переулок Ильича, у Загородного — в конце улицы Дзержинского; он назван так потому, что здесь помещалась некогда одна из квартир того, кого суровые рабочие называли теплым и почтительным словом-отчеством — Ильич.

Десятки и сотни наших улиц носят имена прославленных героев гражданской и Великой Отечественной войн.

Вот на Петроградской стороне улица Талалихина напоминает о смелом летчике-комсомольце Викторе Талалихине. Он первый на воздушных подступах к Москве, обрушившись из облаков на фашистский бомбардировщик, таранил его винтом своего самолета, сбил на землю, как бывало соколы во время охоты сбивали одним ударом медленных коршунов. В тот раз он благополучно приземлился на своем аэродроме.

Виктор Талалихин погиб как герой в 1941 году.

А улица Смолячкова на Выборгской? Снайпер Феодосий Смолячков во время Великой Отечественной войны смело сражался на Ленинградском фронте; о его подвигах рассказывали легенды. Улица его имени хранит память о нем в самом городе; а

на Карельском перешейке за Зеленогорском есть поселок, который зовется сейчас — «Смолячково».

А есть и другой ряд городских имен, — тех, что увековечивают память людей науки, культуры, искусства, жизнь которых так или иначе, частью или полностью была прямо связана с нашим городом.

Есть у нас, скажем, улица Гоголя. Спрашивается, — почему именно этот сравнительно небольшой городской проезд заслужил честь именоваться так, в память одного из величайших русских писателей?

Пройдите по правой стороне этой улицы, внимательно оглядывая ее дома. Между улицей Дзержинского и проспектом Майорова вы заметите на одном из небольших старых домов мраморную мемориальную доску. Здесь жил и работал автор «Ревизора», гениальный создатель «Мертвых душ». По этой именно причине бывшая Малая Морская была переименована в улицу Гоголя.

На параллельной ей улице, на бывшей Большой Морской или просто Морской, вы тоже можете отыскать памятную доску. Тут проживал в сороковых годах прошлого века великий публицист, страстный борец за свободу — Александр Иванович Герцен. Удивительно ли, что улица, по которой ходил он так часто, названа теперь в его честь улицей Герцена!

Есть в Ленинграде тихая улочка имени академика Павлова (бывшая Лопухинская); в конце ее вы можете разыскать научное учреждение, во дворе которого находится странный «памятник»: на высоком пьедестале сидит бронзовый пес. Здесь помещался институт экспериментальной медицины. Делая замечательные опыты на собаках, великий физиолог совершил тут открытия, во многом перестроившие науку о нервной деятельности организма, о работе мозга живых существ. По его желанию и была воздвигнута здесь любопытная статуя-монумент неведомому псу, «отдавшему жизнь», так сказать, для торжества науки.

Неподалеку от улицы Павлова проходит параллельная ей улица Попова (бывшая Песочная). Здесь высится здание Электротехнического института имени В. И. Ульянова-Ленина, в котором долго работал А. С. Попов, изобретатель радио. Да как раз сравнительно недалеко находится и одна из крупнейших наших телевизионных станций.

Блуждая по нашему городу и вчитываясь в названия его улиц, начинаешь постепенно все яснее понимать, сколько светлых умов, гениальных художников, поразительных мастеров техники жило в его стенах, трудилось и училось здесь.

Здесь половину своей жизни провел гениальный помор —

Михаил Ломоносов. Здесь, по тем же плитам набережных возле университета, по которым размашисто шагал он в XVIII веке, быстрой походкой проходил сто лет спустя человек в черной разлетайке — русский гений — Дмитрий Иванович Менделеев. Недаром ближняя улица называется теперь: Менделеевская линия.

Пройдите по Лермонтовскому проспекту, поглядите сквозь чугунную решетку на памятник одному из величайших поэтов нашей Родины, стоящий в сквере перед военным училищем, где когда-то учился Михаил Юрьевич Лермонтов. Остановитесь над широким разливом Невы между Ростральными колоннами на новой Пушкинской площади; здесь когда-то и сам Пушкин стоял так же, как вы, смотрел на «Невы державное теченье», на «береговой ее гранит», вспоминая прошлое родной страны, мечтая о ее будущем.

На углу улицы Некрасова и Литейного проспекта — дом, где жил поэт-борец. Вот его окна, а точно напротив них, на другой стороне Литейного проспекта, — огромное казенное здание с роскошным подъездом; во времена Некрасова его занимал один из вельмож тогдашней России. Именно у этого подъезда увидел поэт жестокую сцену холуйской расправы с пришедшими из далекой деревни крестьянами-ходоками; именно в этой квартире, за этими окнами написал Некрасов свое пламенное стихотворение «У парадного подъезда».

В нашем городе жили, творили, страдали, радовались Белинский и Чернышевский, Добролюбов и Писарев, Глинка и Чайковский, Мусоргский и Римский-Корсаков. Великие зодчие сооружали его здания, гениальные художники расписывали его стены.

Талантливый народ наш создал все это. Так разве не справедливо, если теперь наши улицы и площади, проспекты и мосты будут называться именами его героев, вождей, ученых и художников?

Таких имен со времени революции становится все больше и больше. Изучайте их, знайте их, цените их! По ним, как по издалека видным вехам, можно судить об истории нашего города и всей нашей страны.

Фонарики-сударики

Арифметическая задача

В осенних сумерках самолет из Москвы приближался к Ленинграду. Все мы, пассажиры, старались с обоих бортов разглядеть за стеклами очертания нашего города. Но было уже темно. Смутно, как призрачная пятипалая рука, брезжила внизу дельта Невы; на западе еще поблескивал красным залив. Все остальное тонуло в потемках. Где же он, Ленинград?

Вдруг впереди, глубоко под правым крылом машины, произошло то, чего никто в этот миг не ожидал. Словно кто-то сбросил сверху на город длинную, пересекшую его из конца в конец нитку бус, и нитка эта, упав на землю, загорелась сияющими ясными огнями… Вторая линия огненных точек пересекла первую, мгновение спустя, под прямым углом… Сразу целая сеть золотых пунктирных линий прорезалась из мрака где-то там, за Невой… Туда, сюда во все стороны брызнули прерывистые лучи; какие-то световые фигуры, сменяя одна другую, сливались; огненный чертеж этот разрастался, охватывая все большее пространство… И не успели еще замолкнуть удивленные восклицания, как там, под нами, уже сияло, сверкало, переливалось целое море огней.

— Три минуты! — сказал человек рядом со мною. — Вот, по часам… За три минуты осветили весь город…

— Да! — согласился я и замолчал: мне вдруг вспомнилась задача. Одна из школьных арифметических задач моего детства.

«Фонарщик зажигает фонари на городской улице, перебегая зигзагом с одной панели на другую.

Длина улицы — верста триста сажен, ширина — двадцать, расстояние между соседними фонарями сорок сажен, а движется фонарщик со скоростью двадцати сажен в минуту. За сколько времени будет выполнена его работа?»

Я вынул из кармана блокнот и карандаш…

Самолет шел на посадку, а я торопливо решал задачу. Гм! Ширина улицы — двадцать сажен, то есть сорок метров… Между фонарями — восемьдесят метров… Значит, путь от фонаря через улицу равен пятидесяти семи метрам… Двадцати восьми саженям с половиной…

Колеса самолета покатились по бетонной дорожке. Задача была решена: «Фонарщик выполнил свою работу за пятьдесят

пять минут». Понадобился почти час, чтобы загорелись сорок фонарей на одной-единственной улице моего детства…

Я хорошо помню и эти улицы и этих фонарщиков.

С легкими лесенками на плечах, они и на самом деле торопливо перебегали зигзагом от панели к панели, карабкались на каждый столб. Они откидывали дверцу фонаря, снимали с лампочки стекло, чиркали спичку, поджигали фитиль… Утром они же гасили свет, а среди дня надо было «заправлять лампы» — чистить стекла, обрезать фитили, наливать горючее… От них за версту пахло керосином.

Людей с лесенками, занятых этой неустанной работой, в городе было несколько сотен. Людей много, хлопот у них еще больше, а вот света мало, мало, мало! Почему?

Фонарики-сударики

Пели наши девицы лет сто назад такую невеселую песенку:

«Фонарики-сударики,
Скажите-ка вы мне,
Что видели, что слышали
В ночной вы тишине?»

Много печального и темного могли видеть они:

«Вы видели ль, сиротушка,
Прижавшись в уголок,
Как просит у прохожего,
Чтоб бедной ей помог?»

Но…

«Фонарики-сударики
Горят себе, горят —
Что видели, что слышали,
О том не говорят…»

Ну что ж, может быть, фонарики и верно видели что-нибудь, но вот люди при слабом мерцании фонарей не видели почти

ничего. Светили они еще совсем тускло, а приближаться к ним было небезопасно.

«…Далее, ради бога далее от фонаря! — восклицал Гоголь в „Невском проспекте“. — И скорее, сколько можно скорее проходите мимо. Это счастье еще, если отделаетесь тем, что он зальет щегольской сюртук ваш вонючим своим маслом!»

Вот каковы были они, фонари того времени! Между ними и ясными светочами наших ночей — целая бездна. У ленинградских фонарей своя длинная история. В нескольких словах расскажем ее.

* * *

234 года тому назад в Санкт-Питербурге по приказу Петра Первого «учинили изрядное освещение». На деревянных столбах зажглись фонари: в плошках горело в них зеленое конопляное масло. С этим маслом приятно кушать деревенские блины. Горит оно совсем плохо.

Через сто лет после Петра в Питере горели точно такие же «конопляные» фонари, как и при нем; их вонючего масла и боялся Гоголь. Да и они освещали только самые людные улицы, с палатами, дворцами богачей и вельмож.

Окраины по-прежнему заливала древняя черная тьма. Грустно, слепо, жутковато было в Петербурге, по свидетельству того же Гоголя: «Фонарь умирал на одной из дальних линий Васильевского острова. Одни только каменные дома вызначивались… Деревянные сливались с густой массой мрака…»

Бр-р-р! — не слишком приятная картина!

В середине XIX века произошло первое существенное изменение: на смену маслу пришел керосин. Появились те самые фонари, которым была посвящена наша задача о фонарщике. Почти одновременно с ними загорелся на улицах и светильный газ.

Сейчас мы с вами скорее назвали бы этот газ «кухонным». Тогда он ничего нигде не варил и не жарил; зато он освещал мир.

Сначала газовая горелка была совсем простой: язычок огня, похожий на кленовый листик, вырастал над трубкой, подведенной с газового завода. Свет получался не больно ярким: газовые лампы скорее грели, чем освещали. Потом придумали накрывать огонь легким колпачком из сетки, пропитанной асбестом. «Ауэровский» колпачок раскалялся в пламени и

начинал светиться белым сильным блеском. Казалось бы, надо сразу заменить все керосиновые фонари и лампы газовыми.

Но это оказалось невозможным. Замена керосина газом разорила бы нефтяных заводчиков, обогатила бы угольных. Они поделили доходы между собой: главные улицы Петербурга осветились газом, на окраинах и в боковых переулках продолжал мерцать керосин. А потом и хозяева нефти и владельцы угольных копей увидели перед собой нового соперника — электричество.

Электричество! Самая могучая из сил природы, покоренных человеком! Теперь оно вращает валы наших станков, гоняет по рельсам трамваи и электровозы, движет подводные лодки, раскаляет плавильные печи. Тогда оно только начало свой путь; начало с электрического фонаря.

В семидесятых годах прошлого века в мир брызнул первый электрический свет: его дал человечеству Павел Яблочков. Это был свет, рождаемый «дугой Петрова», пылающей между двумя углями, яркий, но не удобный в обращении источник. Почти одновременно с этим Александр Лодыгин создал свою лампочку накаливания. Мы знаем, что освещалось ими в Петербурге: свечи Яблочкова горели в марте 1879 года на новом тогда Литейном мосту. Лампочки Лодыгина публика видела на Песках возле плаца Преображенского полка.

Так в начале нашего столетия три вида освещения существовало в Петербурге: керосин, газ, электричество. На главных улицах сияли мощные фонари с вольтовыми дугами. Светя, они громко жужжали, а мы, тогдашние мальчишки, по утрам с увлечением подбирали возле столбов, огарки их углей, крепких как камень, похожих на толстые черные карандаши: мальчишкам все на свете годится! На Песках, в районе Таврического сада были уже и фонари с лампой накаливания, на высоких решетчатых столбах.

Самое любопытное в их судьбе то, что они достояли там до наших дней: еще после Великой Отечественной войны можно было видеть на Советских улицах этих могикан далекого прошлого.

Но все это было только в парадных, торговых и аристократических кварталах города. Из 14 000 фонарей, светивших тогда в Петербурге, не более одной четверти было электрических. В двух — трех тысячах горел газ, остальные же по-старому брезжили желтым, нестойким керосиновым светом. Перенесите на городскую улицу одну из тех керосиновых ламп со стеклом-пузырем, какие теперь можно еще встретить в далеких лесных колхозах, и вы поймете, что это был за свет. Подъезжая к городу в вагоне поезда, вы долго видели тянущиеся мимо окон

пунктиры фонарей на окраинных улицах, ожерелья тусклых, еле мерцающих в слезливом мраке непогожей ночи волчьих глаз, задуваемых ветром, закопченных фонарей. Их было девятьсот девяносто четыре два с половиной века назад. Их стало за эти два столетия 14 тысяч. Прошло еще 40 лет, и на наших улицах сияет уже почти полсотни тысяч фонарей, — в три раза больше. Но это уже наши, иные фонари, потому что эти четыре десятилетия не равны всем предыдущим векам. Это наше, советское время.

Всяк молодец на свой образец

Что вы ответите, если кто-нибудь, не бывавший в Ленинграде, попросит вас рассказать ему, какие в нашем городе сейчас фонари? Ясно, что они электрические. Но какие именно? Как они выглядят? Я уверен, что, подумав немного, вы смутитесь и растеряетесь: их много, и все они разные. Почему это так?

Мы с вами стоим на одной из дальних улиц города, на каком-нибудь Втором Муринском, в Лесном. Перед нами фонарь. Это высокий деревянный столб, как во времена Петровы, но наверху нет плошки с конопляным маслом. Там на железном кронштейне висит и горит электрическая лампочка ватт в сто пятьдесят, а то и больше.

Все ясно, все понятно. У этого фонаря, как и у его дедов и прадедов, одна цель, одна задача: освещать дорогу у своего подножия, чтобы проезжий и прохожий мог найти ее в ночной тьме.

Приглядитесь: что за жестяной блин укреплен над лампочкой? Человек надевает шляпу с полями, чтобы она не давала надоедливым лучам великого фонаря-солнца доходить до его лица; она отражает их обратно в небо. А фонарь?

А фонарь надевает шляпу-отражатель с противоположной целью: она должна отражать вниз, к земле, его собственные лучи, не позволяя им уходить ввысь, в пустое небесное пространство. Снизу лампочка открыта: пусть весь свет бьет именно сюда. Все очень целесообразно.

Теперь перейдемте в центр города, ну, скажем, на Невский. Странное дело: здесь фонари устроены совсем иначе. Они тоже состоят из столба (на этот раз металлического, более нарядного и изящного) и из того, что инженеры называют «светильником» — лампы (более сильной, чем на окраине), снабженной различными приспособлениями. Удивительное вот в чем: там «светильник»

был направлен вниз, а сверху накрыт «отражателем». Здесь же на каждом столбе-опоре три лампы: две смотрят вниз, третья — вверх. Никаких «отражателей» у них нет, а сами они заключены в большие матовые шары молочного стекла. Зачем? Неужели затем, чтобы уменьшить их яркость? Почему они не снабжены шляпами-отражателями? Или нам безразлично, что часть света уходит вверх? Нет, не безразлично, а наоборот, нужно.

Что должен был освещать фонарь — житель далеких окраинных улиц? Мостовую под шинами автомобиля, тротуар под ногами пешехода — и всё… Никому не нужно, чтобы лучи его уходили в пустое черное небо, озаряли деревянные складские заборы, пестрили бликами крыши пакгаузов или заводских цехов. А здесь, в центре города, мы хотим, чтобы его свет мягко падал на фасады великолепных зданий Ленинграда, чтобы ласкал тут колонны Исаакия, там озарял фронтон старинного Строгановского дворца на углу Невского и Мойки, в третьем месте поднимался как можно выше по стенам Зимнего, вплоть до стоящих на его крыше строгих черных статуй. Нам мало видеть освещенной мостовую. Мы хотим того, о чем и не задумывались наши предки: чтобы ночью на улицах было светло, чтобы мы могли не только находить дорогу, но и любоваться красотой нашего города. А для этого простые фонари пригородов уже не годятся. Здешние почтительно снимают шляпы-отражатели перед красотами городской архитектуры и стоят на улицах «с непокрытыми головами». Неясно только, зачем же они одновременно и светятся вдвое ярче, чем их скромные собратья, и в то же время стыдливо прикрывают молочным стеклом свои сияющие лица.

Светлота — хуже темноты

Машина на загородном шоссе идет с ярко светящимися фарами. Но при встрече оба водителя пригашают свои огни. Слишком яркий свет в глаза — хуже темноты. Бросающий его фонарь из «осветителя» превращается в «ослепителя». Вот почему строителям городских фонарей приходится решать сложную задачу: освещать как можно ярче, ослеплять как можно меньше. Надевая на лампу фонаря полупрозрачную маску-колпак, этого удается достигнуть, — правда, за счет потери части света.

Можно было бы взять пример с солнца: оно находится так высоко, что от его прямых лучей легко отвести глаза. Не делать

ли фонари наши очень яркими и очень высокими?

Поезжайте на трамвае или автобусе по какой-нибудь из самых длинных наших улиц; ну, скажем, по проспекту Энгельса на Выборгской стороне. Смотрите вдоль тротуара в переднее стекло машины. Видите, что получается: даже здешние тоненькие стройные фонари сливаются вдали в сплошной забор, закрывают первый этаж домов, точно стенкой. А если бы они стали вдвое выше (и, следовательно, значительно массивней), они изуродовали бы красивую улицу, а пользы принесли бы не так уж много.

Может быть, стоит пойти еще дальше в подражании солнцу и луне? Они ведь обходятся без всяких «опор». Это фонари, состоящие из одних только «светильников». Делают и так. На многих наших улицах (например, на улице Гоголя) красивые молочные шары «светильники» подвешены на проволочных тросах без всяких столбов. Это же вы можете видеть даже над некоторыми нашими реками, скажем, над Фонтанкой. Но, с одной стороны, не везде можно поступить так; попробуйте перекинуть тросы с берега на берег могучей Невы. А с другой, — над нашими головами и без того позванивает целая паутина проволоки — трамвайные, троллейбусные, всякие провода… Есть ли смысл избегать столбов-фонарей, чтобы изуродовать город накинутой на него сверху черной металлической сеткой?

Фонарь — украшение

Ночью фонарь призван украшать город своим светом. Однако уродовать его улицы он не имеет права даже и днем. Поняли это люди уже давно, но столетие назад красивыми делали только те фонари, которые воздвигались у самых прекрасных зданий, на больших мостах, в парках… О красоте обычных уличных фонарей не думал никто. К концу же XIX века, с заменой масляных и керосиновых светильников электрическими, испортили и многие ранее поставленные художественные фонари; строителям буржуазного города мало дела было до красоты его сооружений, лишь бы они приносили выгоду хозяевам.

Мы теперь шаг за шагом восстанавливаем испорченное, поддерживаем в целости то, что сохранилось. Хотите видеть образцы старых очень красивых фонарей? Поезжайте к мосту Лейтенанта Шмидта у площади Труда: на нем высятся прекрасные старинные колонны с парными светильниками

наверху. Чудесные фонари-тройчатки можно видеть возле памятника Петру, знаменитого «Медного Всадника»: они когда-то были еще керосиновыми и светили на тогдашнем Невском, а позднее перенесены сюда. Их родные братья стоят до сих пор в сквере у театра имени Пушкина. Эффектны по-своему грубовато-роскошные, причудливые тройные фонари Кировского моста, сооруженные в самом конце XIX столетия.

Это все — сохранившиеся фонари. А вот на Народном мосту через Мойку (на Невском), на Поцелуевом (ведущем к Театру оперы и балета), на мостах возле Летнего сада колонки фонарей сейчас восстановлены заново и сделаны точно такими, какими были они во дни Гоголя и Пушкина. Если бы свет никогда не зажигался в их лампах, эти фонари все равно оставались бы прекрасным украшением города.

Сохранять и восстанавливать художественные ценности прошлого необходимо. Но нам приходится решать и более сложные задачи. Мы перестраиваем улицы, прокладываем новые. Их нужно по-новому и освещать. Мало кто представляет себе, какой сложной задачей является сооружение новых фонарей, достойных нашего города.

Каждый фонарь — будущий архитектурный памятник. Он должен соответствовать тому месту, где будет стоять. Сначала делается модель из дерева, из алебастра, ставится на месте, обсуждается, оценивается… Потом, если она подойдет, приступают уже к отливке настоящих фонарей. Жители Васильевского острова гордятся прекрасными новыми, зелеными с золотом фонарями на Большом проспекте, вроде тех, что красуются с недавних пор на площади перед Московским вокзалом. Пройдите по нашим набережным днем. Посмотрите, как новые фонари сочетаются с контурами зданий, с широкой Невой. Они не нарушают строгой картины города, но дополняют ее и своими правильными линиями и сиянием своих огней. В этом — удача наших строителей.

Световое хозяйство

Когда-то вести городское «фонарное хозяйство» было легко: зажигай огни вечером, гаси утром — только и всего. Теперь — иное дело.

Знаете ли вы, что «фонарщики» сегодняшнего дня работают по указаниям астрономов? В Ленинграде — темные зимние дни и

чудесные белые ночи летом. Было бы очень нелепо, если бы «прозрачный сумрак, блеск безлунный» этих ночей прорезали огни никому не нужных фонарей. Было бы еще досаднее бродить вслепую по полутемным улицам в хмурое зимнее утро только на том основании, что сейчас — день и, значит, света не нужно.

Наши ленинградские фонари имеют летом месячный отпуск: с первых чисел июня по июль они не горят совсем. В декабре — январе наоборот, для них страдная пора: гореть приходится очень долго. Переходят же они от отдыха к труду постепенно, по указанию обсерватории: в октябре, например, 1-го числа фонари зажглись в 19 часов, 5-го — на десять минут раньше, а 31-го уже в 17 часов 30 минут, раньше на полтора часа. Это было сделано не «на глазок»: именно в это время, по заключению астрономов, начинались в Ленинграде «гражданские сумерки».

Так наши фонари приспосабливаются к требованиям природы. Но еще сложнее иной раз требования людей, рабочих людей, хозяев нашего города. Глубокой ночью свет на наших улицах несколько ослабляется: на Невском, например, на каждом фонаре из трех ярких светильников среди ночи горит лишь один. Казалось бы, и везде можно соблюдать это правило. Однако нет!

Рядом две улицы: широкий Кировский проспект и узенькая, вся в садах и глухих заборах, улица академика Павлова. Оказывается, на Кировском проспекте ночи светлее, чем здесь. Тут нет ни витрин, ни квартирных окон; темно — хоть глаз коли. И рабочим здешних заводов приходится идти в ночную смену в потемках. Они заявили об этом тресту «Ленсвет», который ведает освещением Ленинграда; и теперь огни на улице Павлова еще горят, когда рядом на Кировском они уже погасли, а зажигаются раньше, чем там.

В три минуты

За три минуты загорелись все фонари Ленинграда, — нам посчастливилось увидеть это с самолета, Потому за три минуты, что в городе незаметно для вас работают триста пунктов питания уличных огней. На каждом пункте стоят приборы управления, работает телефон, соединяющий его с центральным диспетчерским пунктом города. Тут на распределительных щитах имеется множество кнопок, подобных тем выключателям, которые вы привыкли нажимать или поворачивать у себя дома. Но вы зажигаете одну лампочку, а диспетчер одним движением

включает фонари на улицах, площадях, переулках целых районов. Еще не так давно на это уходило не менее получаса; сейчас довольно и трех минут, а ведь каждая минута горения или темноты расценивается нынче не дешево, совсем не дешево. Тот свет, которым вы, почти не обращая на него внимания, пользуетесь на улице, обходится за год городу в четырнадцать миллионов рублей. А попробуйте на полчаса выключить его: убытки окажутся огромными. Начнутся наезды машин и трамвайных вагонов друг на друга, будут происходить всякие недоразумения и уличные происшествия; сразу нарушится нормальная жизнь.

Сегодня и завтра

Жалким было освещение Петербурга во времена Гоголя. Но ведь ему оно казалось очень пышным и ярким. «Он опасен, этот Невский проспект… Огни делают его почти транспарантом… когда сам демон зажигает лампы… чтобы все показать не в настоящем виде…» Что же, может быть, и мы только потому восхищаемся блеском наших фонарей, что не представляем себе ничего лучшего?

Неправда! Мы это лучшее отлично предвидим. Мы теперь уже привыкли к свету. Свет в наши дни пролился в самые недра земли.

Знаете ли вы, сколько лампочек горит на платформах станций, в вестибюлях и туннелях, в наклонных шахтах нашего метро? Здесь освещают ваш путь тысяча двести люстр, бра и торшеров (фонарей на колонках), здесь сияют вдоль трассы тридцать тысяч никогда не потухающих ярких электрических глаз.

Если все эти лампочки поставить в виде фонарей в двадцати метрах один от другого, их цепь протянулась бы от Ленинграда почти до Москвы. Если бы их можно было поднять над Ленинградом в ночное небо, город осветился бы, пожалуй, как ясным днем.

Свет в наши дни начинает проникать туда, где раньше в нем никто и нужды не видел… Знаете ли вы, что в нашем городе уже сейчас есть такие теплицы и оранжереи, где ранние овощи зреют не на солнце, а под лучами электрических ламп? Скоро искусственным сиянием зальются целые поля и огороды пригородных совхозов: на них будут по ночам работать и

овощеводы и сами зеленые труженики — плодовые растения.

Известно ли вам, что в Зоопарке специальными лампами в зимнее время подолгу освещают слона и бегемота, фламинго и обезьян? Этим южанам не хватает нашего северного солнца; мы их кормим дополнительным световым пайком — облучаем.

Нет, мы знаем: в нашем городе через пять, через десять лет будет во много раз больше света. И сам он станет другим.

Мы с вами убедились, как это трудно: наставить много фонарей, — они портят вид улицы. Подвесить лампы на проволочных тяжах, — проволока как бы пачкает наше небо. Зажечь немного, но зато очень ярких фонарей, — они из осветителей станут ослепителями и нам придется жмурясь ходить по улицам. А ведь разрешить эту задачу нужно!

Она и будет разрешена. Как? Кто знает как? Может быть, мы начнем поднимать высоко-высоко над городом на привязных аэростатах или геликоптерах десять, двадцать, сто искусственных лун, и они зальют его сверху никому не мешающим ровным сиянием. Может быть, придумаем еще что-нибудь… А всего вероятнее, что в недалеком будущем по городу, по фасадам наших зданий, по столбам фонарей протянутся уже знакомые нам трубки ламп дневного света; мы уже привыкаем к ним в наших магазинах. Эти лампы не образуют нигде слишком ослепительных точек огня. Они сияют тихо и равномерно. Они осветят нам наши городские районы, побегут по Московскому проспекту к Пулкову, по проспекту Энгельса к Выборгу, озарят новые площади, клубы, станции метро, стадионы…

А в старом центре города мы сохраним наши прекрасные фонари прошлого… Пусть они озаряют здесь строгий гранит Исаакия, белые колонны Главного штаба, легкую и стройную Адмиралтейскую иглу.

И всюду и везде наш Ленинград будет городом света.

Лошадиная сила

Вам нужно во что бы то ни стало попасть от Нарвских ворот к стадиону имени С. М. Кирова: там футбольный матч. Расстояние не маленькое — километров пятнадцать. Как добраться? Да как хотите: вы ведь живете в громадном городе. Выходите на улицу — глаза разбегутся от возможностей. Здесь забирает публику троллейбус, подальше — трамвай. Остановка автобуса — вон у того сквера. Если вы опаздываете, — к вашим услугам метро: за 12 минут оно преодолеет половину пути, и вы выиграете немного времени. Наконец у Дома культуры — шесть новеньких «Побед» с шашками на кузове — стоянка такси. При желании и надобности можно прибегнуть и к их помощи. Так или иначе, — минут за сорок вы доедете до места.

А вот как от тех же Нарвских ворот стали бы вы путешествовать на Стрелку Крестовского острова пятьдесят лет назад? В 1907 году — ни трамваев, ни троллейбусов, ни автобусов… Вам предстояло бы одно из двух: либо, подобно пилигриму, отправиться туда пешечком, либо же «сесть на извозца» и трястись два часа с лишком. «На извозца?» А что это такое?

Давайте же поговорим здесь о них, о добрых, старых, давно забытых «ваньках», о питерских извозчиках.

Да, конечно, больше всего в Петербурге было именно извозчиков; по подсчетам знатоков, тут тарахтело по булыжной мостовой не менее ста тысяч различных упряжек. Извозчики были «легковые» и «ломовые». Разница между ними такая же, как между легковыми такси и грузотакси. Обычный легковой извозчик, или попросту говоря ванька, выезжал на промысел в ободранной пролетке, на литых резиновых, а то и на железных шинах. Тощая лошаденка в оглоблях еле трусила по булыжной мостовой. На козлах восседал, закутавшись в старый армяк, подпоясанный красным поясом, ее «автомедон» — водитель. Очень редко он был собственником своего выезда; гораздо чаще работал «от хозяина»: и лошадь и экипаж были чужими. В дождь и в пургу, в сорокаградусный мороз и в летнюю жару трясся ванька по улицам с рассвета и далеко за полночь, мерз и промокал до нитки, поджидая седока. Его гоняли от барских подъездов хриплоголосые городовые и сердитые дворники. Задорные мальчишки дразнили его, крича: «Эй, извозчик! Вокруг тумбы без поворота сколько возьмешь?» И в кои-то веки попадался седок, который прежде всего начинал с ним яростно торговаться.

— Извозчик, — кричал насквозь промокший наниматель где-

нибудь на Литейном, — на Петроградскую сторону… угол Большого и Введенской!

— Четвертак положите? — осведомлялся ванька. Четвертак означало четверть рубля, двадцать пять копеек.

— С ума сошел, болван! — слышал он в ответ. — Пятиалтынный (то есть пятнадцать копеек) — красная цена!

— Помилуйте, барин… Где это видано, — пятиалтынный! За двугривенный пожалте-с!

Барин давал семнадцать копеек, извозчик спускал до девятнадцати. Наконец они приходили к согласию. Нелегка была извозчичья жизнь. Лучше всего, пожалуй, она описана у Чехова.

> «Крупный мокрый снег лениво кружится около только что зажженных фонарей и тонким мягким пластом ложится на крыши, лошадиные спины, плечи, шапки. Извозчик Иона Потапов весь бел, как привидение. Он согнулся, насколько можно согнуться живому телу, сидит на козлах и не шевельнется… Его лошаденка тоже бела и неподвижна… Выехали они со двора еще до обеда, а почина все нет и нет… Но вот на город спускается вечерняя мгла…
>
> — Извозчик, на Выборгскую! — слышит Иона. — Извозчик!»

У извозчика Ионы Потапова огромное горе: только что умер его сын, единственная надежда старика. Кому рассказать об этой беде? Он заговаривает с седоками… «Поезжай, поезжай, — говорит один, — эдак мы и до завтра не доедем». — «Все помрем, — вздыхает другой. — Ну, погоняй, погоняй…» И вот ночью, в конюшне рассказывает Иона о своем несчастье единственному другу — кляче, которая таскает за собой его санки.

«Пьет, как извозчик», «Груб, как извозчик» — любили говорить в те дни люди из другого мира. «Ты что, извозчиком хочешь стать?» — пугали родители ленивых детей.

Рядом с ваньками, с гортанным криком: «Па-ди, берегись!» — летели по центральным улицам «лихачи» на великолепных рысаках. Там, где ванька запрашивал четвертак и не получал его, лихач без всякого спора зарабатывал синенькую (пять рублей). У него была отличная коляска или легкие саночки с медвежьей полостью; на оглоблях горели электрические фары. У самых роскошных сзади, на поясе, для удобства пассажира были даже подвешены небольшие часы. Отличный конь под плетеной сеткой дышал паром сквозь резиновые кружки удил. Лихач картинно сидел на козлах, широко разведя локти, натянув синие или

красные, тоже плетеные, возжи. У него была круглая шапка «под бобра», хороший синий тулуп, окладистая борода, самодовольное лицо. Это был кулак среди извозчиков. Ваньки завидовали ему и ненавидели его.

Досадовали они также и на «веек».

Когда наступала масляная неделя, в Петербург из окрестностей со всех сторон приезжали «вейки» — пригородные крестьяне-финны на лохматых маленьких лошаденках, запряженных в самые разнокалиберные сани, дровни, розвальни…

Слово «вейка» по-фински означает нечто вроде «земляк, товарищ». Вейка, молчаливый и спокойный, как все финны, важно сидел на козлах в меховом треухе, с трубкой в зубах и, куда вы его ни нанимали, называл всегда одну цену — «рицат копеек». Но зато дуга его лошаденки, ее грива, а порою и хвост были украшены цветными ленточками и бумажными розанами; под дугой и на оглоблях висели медные бубенчики и колокольцы… Вейка ехал по Васильевскому острову, а на Петербургской стороне уже был слышен веселый звон. И понятно, что на масленице все ребята тех дней клянчили неотступно: «Мам, поедем на вейке! Па-ап! не бери извозчика! Хочу на вейке!»

Легковые извозчики возили «седоков», а груз транспортировали ломовые. Огромные дроги — «качки» — на полутораметровых колесах, окованных тяжелыми, с палец толщиной, железными шинами, тащили могучие мохноногие «ломовые» лошади-битюги. У них были пудовые расписные дуги, ременные сбруи, украшенные множеством медных блях и кожаных кистей. Извозчики подпоясывались длиннейшими разноцветными кушаками.

Бесконечными обозами, голова в голову, следовали они по всем окраинным улицам города. На Николаевском, на Литейном мосту «ломовые качки» шли непрерывным потоком. Грохот от колес стоял такой, что оглушал только что прибывшего в город человека. Пара хороших битюгов могла без труда увезти на качке столько же груза, что и нынешняя грузовая машина.

Вот что заменяло в дореволюционном Петербурге наши современные такси и грузотакси. А как обстояло дело с трамваями, автобусами, троллейбусами? Очень просто: их вовсе не было. Их место занимала конка.

Что такое конка? Это большой, метров восемь в длину, металлический вагон, выкрашенный в темно-синий цвет. Он катится по рельсам, как наш обыкновенный трамвай. Внутри вагона тоже, как в трамвае: две продольные скамьи. Кондуктор с рулончиком билетов на груди получает плату. Вечером тускло

мерцают маленькие керосиновые фонарики; один из них прикреплен на лацкане кондукторской шинели, чтобы тот мог рассмотреть хоть что-нибудь. Похоже на трамвай, только темный, медленный, древний.

Но выйдите на площадку — ой нет, совсем не похоже! С задней площадки на крышу ведет винтовая лесенка. Там тоже две длинные скамьи спинками друг к другу. Заплатив вдвое дешевле, вы можете ехать здесь, на «империале» конки, посиживая на чистом воздухе и поглядывая на улицы сверху. Это довольно приятно в ясную летнюю погоду, а вот в дождь или мороз… И все же империалы всегда полны: билет-то стоит дешевле.

Трамвайный вагон нашего времени влечется мотором мощностью в десятки лошадиных сил. Конку тащили обычно две тощие «лошадиные силы» — гнедые, вороные или другой масти. Управлял ими вожатый — кучер — при помощи самых обыкновенных возжей и кнута. Но тут же на незастекленной, открытой площадке был укреплен перед ним и настоящий тормоз — изогнутая рукоятка, наверху которой висел еще сигнальный колокол.

Вращая рукоятку, можно было остановить вагон, не прибегая к обычному кучерскому «тпррр!» А нужен ли был такой тормоз? Подумайте сами…

Вы едете с Выборгской стороны на Литейный. Пока конка катится по ровному месту, все идет хорошо. Но приближается мост, а каждый мост подобен горке, пусть и не слишком высокой. Опытом установлено: четвероногие двигатели не могут вдвоем втащить на ее вершину тяжелый и высокий вагон. Как же быть? Все предусмотрено. Из особой загородочки, расположенной поодаль, специальный человек выводит к остановившейся конке дополнительную «лошадиную силу», особенно унылого вида, с особо резко выступающими на боках ребрами. На ней уже надет хомут с постромками, прикрепленными к специальному вальку с крюком. Эта дополнительная сила быстро впрягается в вагон «на пристяжку»; кучер взмахивает кнутом, и трамвай начала XX века, поскрипывая, ползет на пологую гору моста.

Верхняя точка достигнута. И тут — новая беда: громадная повозка начинает катиться вниз, грозя раздавить собственные «моторы». Вот и пригодился тормоз. Кучер звонит в колокол, крутит рукоятку… Вагон неторопливо спускается вниз — его колеса сильно прихвачены колодками. Внизу еще одна остановка. Пристяжную лошадь отводят за такую же загородку. На морду ей надевают торбу с овсом, в ожидании встречной конки, а переваливший через мост вагон, расцвеченный женскими платьями и пестрыми зонтиками на крыше, звеня и гремя,

продолжает свой путь.

Неспешен и нетороплив был этот удивительный вид транспорта: но, представьте себе, газеты того времени были полны заметок об опасности уличного движения:

«НАШИ АВТОМЕДОНЫ ПРЕВРАЩАЮТСЯ В УГРОЗУ ДЛЯ ЖИЗНИ!»

«ЕЩЕ ОДНА СУПРУЖЕСКАЯ ПАРА ПОД КОЛЕСАМИ КОНКИ.
ПОРА УНЯТЬ ЛИХАЧЕСКИЕ ПОДВИГИ КОНОЧНЫХ КУЧЕРОВ!»

Современный ленинградец ума не приложил бы, как можно попасть под еле движущуюся по рельсам синюю черепаху. У каждого свои представления о быстроте движения.

Рельсовый путь конных железных дорог был в основном одноколейным. Местами устраивались разъезды со стрелками, и пассажиры терпеливо ждали, сидя внутри вагона или на империале, пока в конце улицы не покажется встречный «поезд».

Такими были обычные конки. Летом на пути выпускались и другие: открытые вагоны с развевающимися на ветру полосатыми занавесками. В таких конках скамейки стояли не вдоль, а поперек, а подножки устраивались вдоль всего вагона. Встав со своего места, вы могли тут же сойти на мостовую.

Вот какой была конка XX века, потешная предшественница теперешних трамваев, автобусов, троллейбусов.

Предшественница трамвая? Это не совсем точно. В Петербурге лет шестьдесят назад имелся один маршрут электрического трамвая, но вы знаете, где он был проложен? Один конечный пункт его лежал на набережной возле Адмиралтейства, другой — на Петербургской стороне за Невой. Вы не удивляетесь? Видимо, трамвай ходил по двум мостам — Дворцовому, через Большую Неву, и Биржевому, через Малую. Очень хорошо, но дело в том, что в те дни никакого Дворцового моста в этом месте города еще не было. Вот в этом-то все и дело.

Трамвай ходил прямо по самой Неве. Маршрут был сезонным: ежегодно, когда могучая река покрывалась толстым зимним льдом, а зимы в начале века были суровыми, по метровой ледяной коре настилались шпалы, прокладывались рельсы, и два маленьких вагончика начинали весело бегать по широкому гладкому полю между Крепостью, Дворцом и Биржей. Они не походили на наши большие трамваи: над крышами у них возвышались не дугообразные бугеля, а шесты, похожие на те, что теперь установлены на троллейбусах.

Пассажиры смотрели в окна на огромные проруби — майны, из которых хмурые бородачи выволакивали на мокрых дровнях голубовато-зеленые призмы невского льда: нынешних хладокомбинатов еще не было, замораживать продукты твердой углекислотой не умели, холодильники были совершенной редкостью, и бесчисленные ледники города заблаговременно снабжались только естественным льдом с самой Невы.

Раз уж мы начали говорить о разных видах транспорта старого Петербурга, придется упомянуть, что наряду с обыкновенной конкой работала тогда и другая конка — паровая. Странное это сочетание слов — «паровая конка», «паровая конная железная дорога»! А впрочем, говорим же мы — «зеленые чернила», и никого это не удивляет.

Паровую конку тащил по улицам, заняв место кляч, забавный, кубической формы, паровозичек. Он очень мало походил по виду на обычные железнодорожные паровозы: вагончик с котлом в середине, с топкой в задней части и с открытой площадочкой впереди, на которой, обдуваемый всеми ветрами, стоял вожатый-машинист. Наверху из крыши торчала коротенькая труба, валил густой угольный дым, все — честь честью. Но вот привычного гудка или свистка у этого локомотива не было, а если и был, то в ход его обычно не пускали. Под рукой у машиниста имелась точно такая же тормозная рукоять, как у кучера конки, и на ней хитроумно устроенный колокол, язычок которого бился вправо и влево, когда вожатый двигал вверх и вниз коротенькую медную муфточку — ручку.

В городе действовали две линии таких паровых конок; одна начиналась на Сампсониевском проспекте (теперь проспект Карла Маркса) и тянулась в Лесной до Круглого пруда, сейчас уже не существующего. Другая соединяла площадь у Николаевского (Московского) вокзала с далекой деревней Мурзинкой, за Обуховским заводом, на восточной окраине города.

Шипя, окутываясь клубами пара, роняя на мостовую горячий шлак из топок, тащили эти паровички по хмурым окраинным улицам между бесконечными корпусами заводов, пустырями и «огородными местами», трактирами и полицейскими участками поезда из трех или четырех обыкновенных коночных вагонов, зимой закрытых, летом открытых, но только выкрашенных не в синий, коночный, а в темно-зеленый цвет. В них ехала далеко не аристократическая публика; ехали рабочие на далекие заводы то в дневную, то в ночную смену; ехали мелкие чиновники, живущие в глухих переулках Выборгской или бог знает где, в селе Смоленском… И когда, навстречу поезду или догоняя его, по мостовой проносился на жарко дышащем жеребце-лихаче или в

собственном выезде какой-нибудь гвардейский офицер, делец в шелковом цилиндре и тысячной шубе или юный лицеист в шинели и расшитой треуголке, — странно смотрели тогда друг на друга эти люди из двух разных миров: то ли с глубоко спрятанной ненавистью, то ли с презрением, то ли со страхом… Два города жили тогда в одном, два Петербурга рядом. И с каждым днем приближалось время, когда они должны были столкнуться в решительном смертельном бою.

В бронзе и мраморе

Люди и статуи

Много на свете легенд, сказок, преданий, в которых оживают, бродят среди людей и даже вмешиваются в их дела каменные, чугунные, бронзовые статуи. Вот в «Каменном госте» Пушкина дерзкий повеса Дон Гуан пригласил статую усопшего командора на ужин — и куда? Ко вдове самого покойного. Наступил назначенный час…

«Входит статуя командора. Донна Анна падает.
Статуя:
Я на зов явился.
Дон Гуан:
О боже! Донна Анна!
Статуя:
Брось ее.
Все кончено. Дрожишь ты, Дон Гуан?»

Стиснув каменной рукой руку несчастного, статуя проваливается вместе с ним.

Это сказка о далекой Испании. А вот в Петербурге, в ночь после наводнения 1824 года, по озаренной луной улице бежит обезумевший от страха человек.

«Бежит и слышит за собой
Как будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.
И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине.
За ним несется Всадник медный
На звонко-скачущем коне».

У шведской писательницы Лагерлёф все изваяния города Карлскруны сходят в полночь со своих мест, гуляют по улицам, вспоминая давно прошедшие дни и любуясь родным городом.

Может быть, только в старину сочинялись такие легенды?

Нет, и в наши дни советский поэт обращается к памятнику Пушкина в Москве:

«Александр Сергеевич,
разрешите представиться.
Маяковский».

И целую ночь потом оба поэта, живой и бронзовый, бродят по улицам Москвы, и Маяковский поверяет Пушкину самые свои глубокие думы и чувства.

Мы с вами хорошо знаем, что все это фантазия: статуи не оживают. А в то же время они действительно живут, но живут особой, своей жизнью — жизнью произведений искусства.

Изваяния нашего города

Великолепные статуи есть везде. Особенно много их в Ленинграде. Одни украшают улицы, площади, сады города; другие рассказывают о славных событиях, напоминают о великих и дорогих нам людях. И каждая такая статуя, каждый памятник сто́ит того, чтобы перед ним остановиться, — у него всегда есть что́ сказать нам.

Вот у Финляндского вокзала памятник Владимиру Ильичу Ленину. В апреле 1917 года, едва прибыв из-за границы, Ленин на этой самой площади, говоря с башни броневика с восставшим народом, закончил свою речь призывом: «Да здравствует Социалистическая Революция!» Скульптор изобразил в бронзе именно этот момент.

Перед Исаакиевским собором взлетел на гранитную скалу «Медный всадник» — памятник преобразователю России — Петру Первому, гениальный монумент, в котором все продумано, все живет, от гордо вскинутой головы правителя до гигантской скалы, которой скульптор придал форму стремящейся вперед волны.

Вот статуя у Кировского моста. Вам скажут, — это памятник Суворову. Но посмотрите: не герой Рымника и Измаила, не любимец солдат — Александр Суворов стоит перед нами с обнаженной саблей. Это римский бог войны Марс щитом и мечом прикрывает лежащие на алтаре короны и среди них тиару римского папы. Зачем здесь короны и тиара? Спросите у историков, они расскажут вам, что́ это означает.

Скульптор Козловский создал памятник не самому Суворову, а славе русского оружия, победоносного в суворовских руках.

Орловский изваял две статуи русских полководцев — Кутузова и Барклая де Толли. Он создал точные, похожие портреты этих людей и вложил в свою работу много труда. Не меньшее искусство затратил на их установку знаменитый архитектор Стасов. Надо было поместить статуи так, чтобы они не нарушили строгой красоты портиков Казанского собора — великого творения архитектора Воронихина. Много раз Стасов примерял на месте деревянные модели памятника, увеличивал, уменьшал высоту пьедестала.

Теперь всем кажется, что памятники и собор были воздвигнуты в одно время по единому замыслу, а ведь Воронихин работал за четверть века до Стасова и Орловского: собор закончен в 1811-м, а памятники открыты в 1837 году.

Большой художник Петр Клодт прекрасно изображал животных. Он создал четырех могучих коней на Аничковом мосту, и создал так хорошо, что одну пару таких же коней установили в Берлине перед Старым дворцом, а другую — в Неаполе на улице Сан-Карло.

Кто не знает дедушку Крылова в Летнем саду? Это тоже создание Петра Клодта. Целый зверинец окружает старого баснописца в его удобном кресле. Это памятник не только ему, а и его басням. Ребята, вечно толпящиеся у подножия памятника, весело отыскивают здесь Проказницу Мартышку, Осла, Козла, Косолапого Мишку и многих, многих других. Интересно, что неподалеку от этого места в дни Петра Первого в одной садовой аллее стояли смешные изображения зверюшек из басен другого великого баснописца — грека Эзопа. Вероятно, Клодт знал об этом, когда задумывал памятник Крылову.

Самые новые монументы в Ленинграде — памятник А. С. Пушкину на площади Искусств и Д. И. Менделееву около Университета — открыты в юбилейном году. Одна из самых грандиозных статуй — Сергея Мироновича Кирова, работы советского скульптора Томского — высится на площади за Нарвскими воротами. Это памятники лучшим людям нашей страны. Мы гордимся этими людьми, мы помним и чтим их.

Но есть и другие изваяния. Вот конная статуя Николая Первого на Исаакиевской площади перед гостиницей «Астория». Скульптор разрешил здесь труднейшую задачу: в стремительном, необычайно смелом движении — всего на двух точках опоры — на задних ногах — застыл на пышном цоколе огромный бронзовый конь.

Клодту удалось достичь того, что не удавалось другим, —

закрепить в бронзе навек равновесие, которое живая лошадь может сохранять лишь несколько секунд.

Это замечательная скульптура и, оберегая ее, народ чтит не память царя-деспота, а высокое мастерство художника.

Наряду с медным строем монументов-памятников повсюду в Ленинграде — в садах и парках, на кровлях и порталах зданий — видны статуи. Они ни о чем не напоминают, не увековечивают ничьей славы. Они украшают город. Прекрасны всеми любимые скифские юноши, укрощающие коней на Аничковом мосту. Изумляет красота мускулистых колоссов, поддерживающих портал Эрмитажа.

Великое множество мраморных богов и богинь, нимф и ангелов населяет наши музеи, встречает и провожает нас в аллеях Летнего сада и грустит над могилами меж тихих дорожек Некрополя Александро-Невской лавры.

Их паспорта

Известно ли вам, что у каждого монумента есть свой паспорт? Все эти паспорта хранятся в Музее городской скульптуры, в самом конце Невского проспекта.

Паспорт «Медного всадника», например, — это целая толстая книга. В ней записаны:

1. Общие сведения. 2. История сооружения. 3. Изменения в окружающей обстановке (то есть «история жизни»). 4. Влияние памятника на литературу, искусство и жизнь. 5. Суждения о нем современников и потомков.

О рождении «Медного всадника» в паспорте сказано: «Однажды скульптор Фальконэ спросил у великого французского философа Дени Дидро, каким, по его мнению, должен быть памятник царю Петру. Дидро высказал много пожеланий. Он предложил, чтобы монумент изображал Петра, который гонит „варварство“ — полуголых людей в звериных шкурах. Чтобы, кроме этого, были „люди, с благодарностью простирающие руки к царю“, и сама Россия, изображенная в виде отдыхающей женщины. Тут же должен быть бассейн с водопадом.

Фальконэ выслушал все это и сказал: „Памятник будет выполнен просто. Варварства, благодарности и символа нации не будет. Петр сам по себе сюжет и атрибут. Остается только его показать“».

Так он и сделал. Его «Медный всадник» считается лучшим

монументом в мире.

Такой же паспорт может рассказать нам и о замечательном памятнике «Стерегущему» на Кировском проспекте. Перед нами героический эпизод русско-японской войны. Два матроса открыли кингстоны, чтобы потопить миноносец и погибнуть вместе с ним, но не сдаться врагу. Они помнят, как помнили прадеды их в дни Игоря-князя, что «лучше убиту быти, чем полонену быти».

Паспорта бронзовых юношей с Аничкова моста на Невском могли бы объяснить нам странную подробность: из четырех коней два подкованы, а у двух других подков нет. Приглядевшись внимательно, вы, возможно, догадались бы и сами: подкованы те кони, которых человек уже укротил.

Паспорта новым бронзовым изваяниям только изготовляются. Это большая и сложная работа.

На площади Искусств, где сейчас стоит новый памятник А. С. Пушкину, работы скульптора Аникушина, еще два года назад был сооружен большой, в натуральную величину фанерный макет его: прежде чем ставить статую окончательно, надо было примерить, посмотреть, как будет выглядеть она по соседству со зданием Русского музея — прекрасным творением Росси.

Все это со временем будет занесено в паспорт нового памятника.

Их тайны и секреты

У каждой статуи есть своя история. У многих — свои тайны и секреты. В Русском музее стоит скульптура — молодой крестьянин, высоко подняв топор, собирается отрубить себе левую руку. Надпись гласит: «„Русский Сцевола“, работа художника Демут-Малиновского». «Сцевола» — так звали легендарного героя Рима. Он добровольно сжег свою руку на огне и этим так устрашил этрусского царя Порсенну, что тот снял осаду с города. Что же, как и когда свершил русский Сцевола?

Долгое время это оставалось тайной. Гадали по-разному, полагая, что скорей всего автор дал волю своей фантазии. Но вот однажды на левой руке героя обнаружили высеченную букву N. Что могла значить французская буква? Это удалось выяснить. В 1812 году французы иной раз ставили клейма на руках пленных крестьян — выжигали на коже человека первую букву имени своего императора. N — значит «Наполеон». Но в памяти народа остались случаи, когда русский патриот, не желая жить с

позорным клеймом, к ужасу врагов, отрубал себе клейменую руку. Вот такой подвиг и изобразил в своей скульптуре Демут-Малиновский.

На улице Александра Попова, тихой улочке Петроградской стороны, у дома 37 стоит памятник Константину Гроту. На постаменте — бронзовый бюст пожилого человека, а внизу — девочка, водя пальчиком, старается прочесть что-то в раскрытой книге, лежащей у нее на коленях.

Тот, кто, приблизясь к памятнику, заглянет в эту бронзовую книгу, увидит на правой ее странице текст, напечатанный обыкновенными русскими буквами, а на левой — обратное изображение, будто на куске промокашки: «Готс йишорох ьтатемс».

Видный государственный деятель XIX века К. Я. Грот отдал много сил и времени заботе о слепых.

Девочка, изображенная здесь, слепая. Она учится читать по особенной книге для слепых. Печать в этой книге выпуклая, и текст можно читать только на одной стороне, на другой же получается его вдавленный обратный оттиск. Вот что написано на этих листках:

> «Сметать хороший стог тоже дело не легкое… Пахать надо умеючи: кроме того, нужно знать, когда и что делать, как сладить соху и борону, как из конопли, например, сделать пеньку, из пеньки нитку, а из нитки соткать холст… О! много, очень много знает и умеет делать крестьянин, и его нельзя назвать невеждою».

Для чего написаны здесь эти неожиданные слова? Разве они имеют отношение к слепым? Нет, просто автор памятника, скульптор Антокольский, дав в руки девочке книгу, решил записать на бронзовых листах дорогие для него мысли.

Они болеют

Статуи живут дольше людей, но болеют, как и мы. Больше двух веков стоят в Летнем саду мраморные изваяния, вывезенные из Италии. Видимо, наш климат не очень полезен «южанам», — статуи «хворают», — поверхность мрамора трескается, становится шероховатой. Еще точно не выяснено, в чем причина недуга: то ли во влажных ветрах с холодной Невы, то ли им вредит солнце после зимних холодов. Над болезнями статуй размышляют их

«доктора» — химики, скульпторы, минералоги. На зиму их помещают в маленькие деревянные домики, чтобы мраморные боги Рима и Эллады не зябли. Но в этом заболевании нет ничего особо страшного, оно не смертельно. Гораздо хуже другая болезнь, настоящая моровая язва, которой подвержены мраморные изваяния в парках, садах, на кладбищах городских окраин. Ленинград — город заводов; их высокие трубы дымят, выбрасывая в воздух вместе с дымом много всяких химических веществ. Влага атмосферы насыщается серной кислотой, а она заражает наши статуи страшной болезнью: наружные слои мрамора превращаются в гипс и быстро разрушаются. Ученые ломают голову над вопросом, как помочь беде. Уличную статую не убережешь от воздуха, не спрячешь от дождя. Пробуют разные средства, пропитывают мрамор особой мазью… Может быть, нужны специальные ванны… души…

А известно ли вам, что у бронзовых памятников — и не у больных, у совершенно здоровых — и на самом деле бывают «банные дни»? Да, да, мы не шутим: один раз в году огромные монументы принимают душ. Ежегодно накануне Первого мая, ранним весенним утром из депо выкатываются на улицу ярко-красные пожарные машины. Но мчатся они не на пожар. И едут в них, кроме мастеров огнетушительного дела, специалисты по уходу за памятниками.

Вот машина затормозила возле памятника Николаю Первому. Привинчены шланги, заработали моторы… Экая уйма грязи смывается с царских эполет — пыль, копоть!..

Обыкновенно процедура эта совершается в полном порядке, быстро и деловито. Но иногда происходят вещи чрезвычайные.

Как-то, в одно время с другими памятниками, принимала предпраздничный душ и императрица Екатерина Вторая, та, что стоит среди шумного сквера перед театром имени Пушкина. Брызнули мощные струи, закипела, запенилась вода. Внезапно из пыльных складок одежды «екатерининских орлов», из бронзовых кружев графини Дашковой полетели во все стороны… резиновые мячики! Пятьдесят шесть маленьких резиновых мячиков подняли с песка изумленные донельзя пожарные.

* * *

В дни войны некоторые статуи получили ранения. Пройдите по набережной Васильевского острова к памятнику адмирала

Ивана Федоровича Крузенштерна, первого нашего плавателя вокруг света. На морском мундире смелого путешественника чернеет что-то, похожее на шрам от ранения. Так оно и есть: в 1942 году фашистский осколок ранил бронзового адмирала.

Осколки впивались в скульптурные украшения Исаакиевского собора, поражали латников и богинь на кровле Зимнего дворца. Снарядом оторвана мраморная челюсть одного из «сторожевых львов», воспетых Пушкиным.

Страна заботливо оберегала свои художественные сокровища. В глубокое подземное убежище, вырытое в саду Дворца пионеров, опустили юношей Аничкова моста с их могучими конями. Зарыли в землю и монумент Петра Первого у Инженерного замка и все статуи Летнего сада. «Медный всадник» был укрыт в высоком дзоте из бревен и земли.

Война кончилась. Искусные «хирурги» залечили почетные раны, снова вышли на свет мраморные боги, скифские юноши, бронзовые герои. Они по-прежнему радуют наш глаз, украшают строгий город на Неве, город большой, бережно хранимой нами культуры.

На охоту за львами

Львы нашего города

Огромное, на целый квартал, треугольное здание возле Исаакия. И перед ним сто сорок семь лет «с подъятой лапой, как живые, стоят два льва сторожевые». На одном из них, если верить поэтической фантазии Пушкина, 133 года назад в страшную ночь наводнения, «без шляпы, руки сжав крестом, сидел недвижный, страшно бледный Евгений» — герой «Медного всадника».

Когда-то эти львы торжественно встречали у подъезда сиятельного хозяина, князя Лобанова-Ростовского. Потом мимо них пробегали в здание Военного Министерства царской России озабоченные офицеры штаба. Теперь в этом доме — школа. Здесь учатся ленинградские дети.

И вот интересно: думают ли когда-нибудь ребята об этих львах? Не хочется ли им иногда остановиться и спросить: «Милые львы! Расскажите нам, кто вы, кто изваял вас из камня, кто и когда привез сюда и зачем поставил?» И это был бы не пустой вопрос, хотя гривастые звери на него бы и не ответили.

Много в Ленинграде разной скульптуры, много изображений животных, зверей. Прежде всего, конечно, кони. Знаменитые конные статуи Ленинграда у всех на виду; понятны их художественные достоинства, известны их создатели, их история. Но не они нас сейчас интересуют. Кони эти не самостоятельны: они сопровождают, несут на себе властелина, воина, героя, во всяком случае — человека.

До конца понятны и зверюшки, окружающие баснописца Крылова в Летнем саду. Знаем мы и почему поставлен памятник павловской собаке на улице имени великого русского физиолога.

А вот львы. Что знаем мы о них? Пушкин прославил двух «сторожевых львов», о которых мы только что говорили. А остальные? Ведь их в нашем городе много. Попробуем подсчитать только самых заметных. На набережной у Адмиралтейства два бронзовых льва украшают гранитный спуск к Неве. Возле Русского музея — очень похожая на них львиная пара. Огромные красные звери Львиного мостика на канале Грибоедова. Золотокрылые львы-грифоны с Банковского моста за Казанским собором..

Тот, кто живет за Невской заставой, знает прекрасных львов на проспекте Обуховской Обороны, возле одного из тамошних

заводов. Обитатели Васильевского острова помнят искалеченных маленьких зверюшек Тучковой набережной. Так наберется до десятка львиных пар.

А сколько их на самом деле? Не спрашивайте об этом у меня. Я уже много лет охочусь на львов по нашим улицам. Я открываю их с каждым днем все больше и больше, и конца этому львиному нашествию не предвидится.

В моем альбоме хранятся фотографии нескольких десятков их разновидностей, да такое же количество я нашел в пригородах Ленинграда. Думаю, что львиных статуй у нас побольше сотни.

Известно ли вам такое место, где львы собрались целой стаей? Правда, это столь добродушные львы, что похожи они скорее на больших псов. В самом конце Полюстровской набережной против Смольного, на Охте, сидят они и держат в зубах тяжелую цепь решетки бывшей барской усадьбы. Когда-то здесь была дача питерского богача Кушелева-Безбородко. Сейчас тут помещается одно из наших лечебных заведений. Съездите туда, взгляните на это редкое зрелище: два с лишним десятка львов на пространстве в полсотни метров. Может быть, кто-либо из вас заинтересуется вопросом, — откуда они взялись тут, кто изваял их и при каких обстоятельствах? Пока это для меня загадка. Но, может быть, в Музее города или в Музее городской скульптуры есть о них какие-нибудь интересные данные.

В Публичной библиотеке хранятся различные книги по истории строительства Ленинграда; возможно, что в них есть ответы и на такие загадки.

Вы идете по улице Халтурина, по бывшей Миллионной. Загляните в первую из двух парадных дома 11. Здесь в полумраке лежат, притаившись, два прекрасных мраморных спящих льва, каждый со своим особым лицом и позой. Они точно спрятались сюда от людских взоров. И, кажется, никто не знает, откуда они сюда прибыли, какой скульптор высекал их из камня. А надо бы узнать, — они очень хороши.

На набережной Петроградской стороны, у самого домика Петра Первого, восседают над широкой Невой два совсем уже странные зверя. Не легко поверить в принадлежность их к львиной породе. Но на гранитных цоколях написано «Ши-цза из города Гирина в Манчжурии». Слово «ши-цза» по-китайски означает — «лев». Значит, это львы, хотя они и похожи на лягушек.

В мифологии и в легендах, в народных представлениях Китая фантастические львы играют огромную роль. На сцене льва изображают два человека, облаченные в один «львиный костюм». Изваяния львов высятся около храмов, пагод, могильников. Ши-

цза нашей Петроградской стороны и являются у нас представителями этого обширного племени китайских львов.

На их цоколях написано, что вывезены они во дни русско-японской войны генералом Гродековым. Но, как ни странно, доныне никто не потрудился узнать: при каких обстоятельствах бравый генерал приобрел эти статуи, как он их вез, почему они поставлены именно тут. И стоят над Невой безвестные ши-цза и смотрят раскосыми глазами, храня свою тайну. А ведь ее можно и должно узнать.

Забавно, что каменные и металлические львы нашего города не всегда стоят там, где их поставили когда-то. Некоторые из них перебегают с места на место. Так некогда два льва были установлены у входа на завод Сан-Галли у дома 64 по Лиговскому проспекту. Теперь там их нет: остались только цоколи. Но зато некоторое время назад, у старой церкви Иоанна Предтечи возле Ново-Каменного моста, через Обводный канал, внезапно появился металлический лев неясного происхождения. Потом он исчез. Теперь вы можете увидеть обоих братьев львов над прудами Московского Парка Победы.

Ленинград поистине город львов. Среди них есть и знаменитые и безвестные, красивые и уродливые, похожие на настоящих львов и напоминающие кого угодно, только не царя зверей.

Два льва-меланхолика лежат на набережной Красного Флота рядом со зданием Сената у старинного дома графини Лаваль, одной из блестящих современниц Пушкина. Львы-философы размышляют о бренности и переменчивости жизни, покоясь в городе Павловске недалеко от дворца, забытые среди кустарника и бурьяна над глухим загородным болотом, в то время как восемь таких же точно львов, их родных братьев, украшают изящные колоннады в Петродворце по обе стороны от главного фонтанного канала.

На Сиверской, за рекой Оредежью, два каменных льва разлеглись вдали от всяких построек среди соснового леса. Неподалеку от Мартышкина не так давно можно было видеть одинокого, полуразбитого мраморного львенка, печально валяющегося в траве, среди воронок от мин и снарядов.

Было бы очень хорошо взять на учет всех львов нашего города. Кто, как не вы, может подробно и тщательно обследовать ту часть города, где вы сами живете, осмотреть все двери, все парадные лестницы и отметить те точки, где живут изваянные из камня или отлитые из бронзы звери? Стоит поторопиться с этой работой: многие львы моего детства — десятых годов нашего века — сейчас бесследно исчезли. Нет чугунной львиной пары в

Ломанском переулке (ныне улица Смирнова) Выборгской стороны. На месте маленького домика, который они украшали, высится сейчас громадное здание Дома культуры. А львы пропали. Исчезли они и на Опочининой улице, в Гавани Васильевского острова, и так как никто в свое время не описал, не сфотографировал их, то и установить нельзя, — не они ли лежат теперь во дворе больницы имени Ленина, под навесом подвального крыльца; львы небольшие, но пребывающие в чрезвычайной ярости. Двойники таких яростных львов имеются только в Павловске на львиной лестнице дворца.

Загадка сфинксов

Заговорив о наших львах, никак нельзя обойти молчанием и сфинксов Ленинграда.

Сфинксом в древнем Египте называли мифическое чудовище, у которого человеческая голова покоится на львином туловище.

Наш город богат сфинксами почти в такой же степени, как и львами. Правда, большинство ленинградцев знает только двух, самых великолепных из них. Вырубленные из розового камня, добытого где-то возле знаменитых Ассуанских порогов Нила, огромные изваяния стоят теперь спокойно над Невой, придавая совсем особый колорит Ленинградской набережной на Васильевском острове. С них мы и начнем разговор о сфинксах Ленинграда.

Три тысячи лет тому назад Египтом правил фараон из восемнадцатой династии; имя его было Аменхотеп Третий, или, в греческом произношении, Аменофис Третий. Царствование Аменхотепа нельзя назвать ни особенно счастливым, ни слишком славным. Могучий Египет ослабел к его дням. Азиатские народы начали брать над ним верх. В Сирию вторглись могущественные хетты; Палестину опустошило племя хаббири. Воевать с азиатами стало не под силу, и Аменхотеп был рад, что ему удавалось путем дипломатических хитростей и драгоценных даров улещать и уговаривать свирепых владык Востока.

Не имея успехов на поле брани, Аменхотеп занялся строительством дворцов и храмов в своей столице — Фивах — и достиг больших успехов в этом деле.

В 1419 году до нашей эры фараон скончался. Пышная гробница и два охранявших ее сфинкса были сооружены еще при жизни фараона, — так делалось обычно в Египте. Задача

сфинксов (по-египетски — «сошеп», что значит — «блистающие», или «неб» — «владыка») была охранять покой царской гробницы. Три тысячелетия они честно выполняли свой долг: и не их вина, если кочевники все же разграбили могильники древних царей. Их занесло песком, и они были утеряны для глаза людского, пока с Наполеоном Первым в Египет не явились европейцы и не начались раскопки египетских древностей. Тогда и два прекрасных сфинкса Аменхотепа явились снова на свет.

В начале XIX века при раскопках в Фивах их увидел знаменитый французский ученый, основатель науки о Египте — Шамполион.

Шамполион восторженно отозвался об этих статуях. Спустя некоторое время русский вельможа Андрей Муравьев проездом в Палестину посетил Александрию — город в дельте Нила — и наткнулся там на двух Аменхотепов: предприимчивые европейцы, оказалось, вывезли их в портовый город, чтобы там продать с молотка.

Так нарушился покой древних сфинксов.

Муравьеву пришло на ум купить их для украшения Петербурга. Он написал об этом Николаю Первому, прося разрешения и денег. За сфинксов просили 100 000 франков, — около 50 000 рублей. Ответ задержался, и сфинксов перехватили французы, собираясь отвезти в Париж. Но в это время во Франции произошла революция 1830 года. Было не до древностей, и их продали русским за 64 000 ассигнациями, то есть бумажными деньгами. Считая на серебро, это было недорого, всего 17 тысяч рублей.

Дорогóй и хлопотливой оказалась перевозка. Судовладелец англичанин содрал за свой корабль половину стоимости статуй, да еще в пути корабельным канатом попортили царскую корону на голове одного из Аменофисов. Пришлось, тщательно собрав осколки, реставрировать головной убор в Петербурге.

Наконец африканцы прибыли на место. Но и тут им долго не давали покоя. Два года им пришлось стоять в ожидании своей участи на круглом дворе Академии художеств. Хозяева города сначала замыслили устроить пристань перед Академией «в лучшем греческом вкусе», потом придумали воздвигнуть там статую египетского бога Озириса. Оба проекта оказались слишком дорогими, и, наконец, в 1834 году «сфинксы из древних Фив в Египте» легли на громадные гранитные подножия над водами Невы.

Сделать все это было нелегко: сфинксы велики и тяжелы. Их размеры: пять метров сорок сантиметров в длину, почти полтора метра в ширину и более трех с половиной метров в высоту.

Сфинксам полагается иметь свои загадки. Есть она и у наших сфинксов из древних Фив.

Каждый из вас легко прочтет надпись на гранитных цоколях: «Сфинксы из древних Фив в Египте. Привезены в град святого Петра в 1834 году». Она сделана русскими буквами.

Но на груди сфинкса и вдоль всего подножия видны многочисленные причудливые фигурки — письменные знаки египтян — иероглифы. Надписи, сделанные 3300 лет назад, отлично сохранились, поврежден лишь небольшой кусок у хвоста одного из сфинксов. Мы с вами прочитать их, конечно, не можем, но наши ученые-египтологи сумели разобраться в этих фигурках; они прочли и перевели надписи.

Вот что означают эти письмена.

> «ДА ЖИВЕТ БОГ ГОР, МОГУЧИЙ БЫК КОРОНОВАННЫЙ МААТ ГОСПОДИН ДИАДЕМ УКРЕПИТЕЛЬ ЗАКОНОВ УСТРОИТЕЛЬ ОБЕИХ ЗЕМЕЛЬ ЗОЛОТОЙ ГОР ЦАРСТВЕННЫЙ ТЕЛЕЦ ПОКОРИТЕЛЬ ДЕВЯТИ ЛУКОВ ЦАРЬ ВЕРХНЕГО И НИЖНЕГО ЕГИПТА ВЛАДЫКА ОБЕИХ ЗЕМЕЛЬ…»

Это так называемая «титулатура», перечисление званий царя.

Далее следует перечень царских добродетелей и подвигов.

> «ЦАРЬ ВЕЛИКИЙ ПАМЯТНИКАМИ ВЛАДЫКА ЧУДЕС НИКОГДА НЕ БЫЛО СОВЕРШЕНО ТАКОГО КРОМЕ КАК ОТЦОМ ЕГО БОГОМ АММОНОМ ВЛАДЫКА КАРНАКА ИСКРЕННИЙ СЕРДЦЕМ ТОГУ».

Между львиными лапами чудовища начертано и само имя фараона.

> «СЫН РА АМЕНОФИС ПРАВИТЕЛЬ ФИВ ЛЮБИМЕЦ АММОНАТРА».

Вот вам и «загадка сфинкса». Каким образом мог самый мирный из всех фараонов оказаться «могучим тельцом, покорителем девяти луков», то есть девяти стран? Как мог он совершать военные подвиги, когда просто-напросто никогда не воевал?

Дело в том, что надпись сочиняли и выбивали на камне еще при жизни фараона, — может, сам он и сочинил ее.

Таким образом, это просто похвальба. Но надо отдать справедливость древнему владыке: он сумел похвастаться, если его каменное хвастовства спустя тысячелетия еще отражается на

другом конце мира, в водах реки, о которой он даже не слышал.

Эти подлинно египетские сфинксы, конечно, самые интересные из всех. Но одно время в XIX веке существовала мода на древности и на причудливый восточный стиль. Вот эта мода наводнила наш город многочисленными подражаниями настоящим сфинксам. Некоторые из них мы видим довольно часто, другие же притаились в городских закоулках, их не всегда и найдешь.

Наиболее, пожалуй, известны отлитые из металла сфинксы Египетского моста на Фонтанке. Они довольно красивы, хотя и не очень похожи на египетские образцы.

Если вы зайдете в районе технологического института во двор дома 3–5 по Можайской улице, то у входа в маленький садик вы увидите в отличной сохранности двух точно таких же, как и на Египетском мосту, больших чугунных сфинксов. Неясно, по какой причине лежат они здесь в полном забвении; надо думать, что некогда на месте современного дома-громадины был небольшой особняк и статуи являлись как бы привратниками у входа.

Таких неожиданных «дворовых» сфинксов в Ленинграде больше, чем можно было бы предполагать. Во дворе известного дворца Строгановых — дом 17 по Невскому проспекту, на углу Мойки — можно сфотографировать или зарисовать двух небольших сфинксов довольно хорошего качества. Мне совершенно неизвестна их история. Поостерегусь даже рассуждать о том, являются ли они подделками или подлинными египетскими изваяниями. А ведь было бы очень интересно исследовать этот вопрос. Думаю, что и тут, как в делах с городскими львами, распутыванием загадок наших сфинксов могли бы заняться ребята, пионеры и школьники, интересующиеся историей Ленинграда. Стоило бы сфотографировать малоизвестные изваяния, потом порыться в литературе, порасспросить городские музеи и институты, — может быть, удастся напасть на что-нибудь удивительное.

Кстати сказать, время и тут не ждет. Перед войной в Ленинграде были четыре сфинкса на одном из балконов третьего этажа в большом доме по Измайловскому проспекту, между 7-й Красноармейской и Обводным каналом. Два из них погибли при взрыве фашистской бомбы, а два оставшиеся исчезли во время капитального ремонта здания. Надо сказать, что эти маленькие сфинксята не представляли собой никакой художественной ценности, но все же это были сфинксы, и я рад, что мне удалось в свое время сфотографировать их.

Обитатели района за Володарским мостом знают двух жалких, сильно поврежденных сфинксиков, покоящихся на

проспекте Обуховской Обороны. Много лет они охраняли вход в аптеку № 65. Потом целое лето простояли дыбом у стены этого дома, а сейчас снова улеглись возле дверей одного из соседних зданий.

Некоторые из наших сфинксов примечательны по особым причинам. Я могу назвать вам четверку красивых статуй этого рода, лежащих в полутора десятках километров от городского центра. Они покоятся по четырем углам превосходного гранитного фонтана работы знаменитого Воронихина, среди чистого поля на обочине Киевского шоссе, у подножия Пулковского холма. Чтобы взглянуть на них, лучше всего отправиться в Пулково на велосипеде; тогда, метрах в четырехстах от этих сфинксов, у другого фонтана, построенного в виде дорического портика-грота, вырытого в самом холме (и тоже у шоссе), вы обнаружите и пару наиболее уродливых, тощих — все ребра видны, — как бы изъеденных страшной проказой львов, высеченных из какого-то странного белесоватого камня, — вероятно, известняка.

Самый маленький сфинкс нашего города поместился так высоко, что редко кто даже замечает его на такой вышке. Он важно возлежит на шлеме богини Афины-Паллады, покровительницы науки и знания, сидящей на крыше здания Публичной библиотеки.

Мосты повисли над водами

Нельзя сказать, что ночь сгустилась; просто стало чуть серебристее вокруг. Люди, подходившие к мосту, вдруг заторопились… Но голос уже сказал в рупор: «Движение закрыть! Движение закрыть!» Кое-кто успел перебежать. Сторожа мостовой охраны перегородили полотно моста рогатками. На них зажглись строгие красные фонарики. Кончено, опоздали.

Трамваи остановились на подступах к мосту. Машины — одни разворачивались и с ходу уносились к соседнему мосту, другие огорченно приглушали моторы и замирали в ожидании.

На сгрудившихся посреди Невы судах началась перекличка, оживленное движение.

Послышалось глухое низкое жужжание, и почти в то же мгновение раздался звонкий лязг. Средний пролет моста раскололся надвое. Обе его половины — громадные площади асфальтовой мостовой — целиком со столбами трамвайной сети, с проводами, с рельсами — начали медленно становиться дыбом, раскидываться в разные стороны. И вот уже они стоят вертикально с торчащими вбок трамвайными столбами на высоте шестиэтажного дома, а между ними глубокая бездна ночной Невы…

Где-то, над самой водой, вспыхнул луч прожектора; и, освещенный им, медленно, осторожно увлекаемый буксиром, начал втягиваться в образовавшееся пространство между каменными быками голубовато-серый корпус первого, поднимающегося вверх по течению, корабля. Мост разведен.

Мы стояли завороженные этим торжеством мощной силы человеческого разума, величием нашей техники.

Ждать, пока движение откроется, надо было не меньше часа. Жителей Петербурга нередко называли людьми суховатыми, чопорными. Может быть, это так и было; ленинградцы, наоборот, народ общительный и живой. В мягком сиянии белой ночи зажглись огоньки папирос, послышался молодой смех, начались негромкие разговоры.

— Пора на юг, в отпуск, — сказал кто-то.

Спокойный голос ответил.

— Ну что ж, кто хочет, пусть едет на юг. Что касается меня, то мой отпуск я провожу здесь.

— Никуда не уезжаете? — удивился собеседник.

— Наоборот, я приезжаю сюда, в Ленинград. Туристов тянут к себе дальние дороги, альпинистов — горы… Я — мостовик. Строю мосты и люблю их. А где вы найдете столько мостов, как

тут, в вашем городе? Замечательная коллекция мостовой техники, история мостов, да и просто само зрелище их уже доставляет наслаждение.

Он заговорил с таким жаром, с такой любовью к своему делу, что люди придвинулись, стали слушать.

Когда человек говорит о том, что он хорошо знает и любит, это всегда интересно. После этой белой ночи многие, наверно, стали внимательнее приглядываться к мостам нашего города, а кое-кто, возможно, заинтересовался ими всерьез.

Первые мосты

Было время, когда мостов на Неве не было совсем: переправлялись на лодках. Но и двести лет спустя, когда их стало уже очень много, в дни нашей юности, житель тогдашнего Петербурга пользовался наряду с мостами разными их «заменителями». Летом от берега к берегу шныряли разукрашенные пестрыми ковриками ялики-перевозчики. Зимой по невскому льду прокладывались длинные и узкие ледяные дороги-катки. Рослые молодцы на коньках, энергично работая ногами, везли в саночках-креслах барыню с огромной муфтой в руках или пятипудового купца с красным от лютого мороза носом… Ой, пади, пади, берегись!..

Первый мост был сооружен на Петроградской стороне; он соединял Петропавловскую крепость с городом. Именовался этот мост Петровским, по имени своего строителя — Петра Первого.

Через двенадцать лет после основания Петербурга был построен деревянный прадед нашего Аничкова моста. Известно, что в 1726 году его сделали подъемным, — так удобнее было взимать пошлину прибывающих в город и уезжающих из него и проверять их документы. В те времена Фонтанка, огибавшая тогдашний Петербург с юга, была как бы естественным рвом на его южной границе.

Во второй половине XVIII века мост перестроили — его сделали каменным, но он по-прежнему оставался подъемным. В то время на нем высились четыре башни, а средняя часть держалась на толстых цепях.

Таких мостов на Фонтанке было сооружено семь. Если вам захочется узнать, как они выглядели когда-то, вам придется пройти к последним сохранившимся из этих семерых мостов-братьев, к Чернышову и Старо-Калинкину. Башни и тяжелые цепи

и по сей день придают им вид суровый и старинный. Только давно уже цепи не гремят по ночам, и на башни не поднимается бдительный дозорный. Мосты перестали быть подъемными; цепи и башни служат им теперь украшением.

Первым каменным мостом был небольшой мост через речку Кривушу, в том месте, где у церкви Вознесенья ее пересекала «Вознесенская перспектива». Мост этот, так и названный «Каменным», был построен в самой середине XVIII века. Все изменилось с тех пор в этих местах: вместо речки Кривуши появился извилистый Екатерининский канал (канал Грибоедова). Вознесенская перспектива стала сначала Вознесенским проспектом, а потом проспектом Майорова, а прочно построенный мост, древнейший в городе, стоит там и поныне.

Через Неву первый мост перебросили лишь четверть века спустя после основания Петербурга, в 1727 году. Его построили в самом оживленном центральном районе города, против нынешнего Исаакиевского собора. В те времена на этом месте стояла церковь святого Исаакия. Этим же именем назывался и мост.

Странные правила существовали тогда. Бесплатно катились по мосту только царские кареты да пожарные дроги, спешащие к месту бедствия. За проход с каждого пешего брали копейку, с каждой лошади — три деньги. А денежка — полкопейки — это было не так уж мало: за три денежки юный Ломоносов, учась в Заиконоспасской школе, ухитрялся прожить целый день.

Исаакиевский мост был плавучим и держался на двадцати шести понтонах. Даже самое мелкое суденышко не могло пройти под его настилом, а поминутно разводить мост не было никакой возможности… Вот почему еще в семидесятых годах XVIII столетия великий русский механик-самоучка Кулибин предложил проект необычайного деревянного моста: этот мост должен был опираться как бы на две ноги, расставленные по обоим берегам Невы. Его круто выгнутый горб, по проекту, возносился на 12 сажен (25 метров) над уровнем невских вод. Конструктор предлагал перекрыть этим мостом Большую Неву примерно там, где мы сейчас переходим через нее по Дворцовому мосту.

Была построена и испытана замечательная модель, всего в десять раз меньше подлинника. Она блестяще выдержала экзамен, была одобрена Академией наук, и — что же? Никто этого моста не построил. Правители екатерининской России не захотели осуществить замечательный замысел, хотя и убедились, что мост мог нести на своем упрямом хребте немалую тяжесть в 900 тонн.

Труды, творческие планы изобретателя пропали даром.

Первый разводной мост появился в Петербурге в царствование Николая Первого. Этот «Николаевский» мост был железным. Теперь на этом месте при советской власти построен совершенно новый мост имени лейтенанта Шмидта. От старого, Николаевского, остались на нем гранит быков, пышные старинные фонари да причудливый узор чугунных литых перил. И столбы фонарей, и морские кони перил были отлиты на сто лет раньше, чем сооружены стальные фермы и колоссальная разводная часть современного моста.

Интересно, что разводная часть Николаевского моста была устроена не посредине, как теперь у нас, а у самого берега Васильевского острова. Это имело свои основания: суда против течения тогда поднимали бечевой, и шедшим по берегу бурлакам было бы невозможно тащить барку, идущую посреди реки.

Самые большие

В последующие десятилетия появилось несколько смело и красиво построенных мостов через Неву.

Пожалуй, особенно интересен из них Троицкий мост. Теперь он зовется: Кировский. Он пересекает Неву в одном из самых широких мест ее течения, возле Петропавловской крепости. Длина его больше полукилометра. Архитектура этого моста очень нарядна. Обратите внимание на роскошные тройные канделябры его фонарей. В темные августовские ночи блестящее ожерелье этих огней видно за тридцать километров с побережья Финского залива у Стрельны. Мост этот строила французская компания. Но русские инженеры усовершенствовали его, соединив стальной корпус с северным берегом гранитной перемычкой из нескольких арок.

Литейный мост соединяет центральные районы с Выборгской стороной. Имя его связано с первым в Петербурге крупным военным заводом «Литейный двор», — основанным еще во дни Петра его знаменитым соратником — инженером Брюсом. Построен этот мост в 1875 году. Он на сорок лет старше Дворцового, сооруженного царским правительством только за год до революции, и даже не достроенного им окончательно. Изо всех невских мостов Дворцовый самый короткий: Нева в этом месте, чуть ниже разделения на Большую и Малую, — у́же всего.

Около Смольного, у того места, где до Петра стояла древняя шведская крепость Ниеншанц, Неву пересекает Охтенский мост,

построенный совсем недавно, меньше полувека. Это очень эффектный по своему внешнему виду мост. Он огромен и очень высок. Высота нужна ему, чтобы под ним могли без труда проходить большие баржи и пароходы с Ладожского и Онежского озер. Но зачем же ему могучие, красиво облицованные гранитом башни? Не на цепях же, как когда-то у кордонных мостов Фонтанки, поднимается его средняя часть, если мост разводят?

Нет, эти башни сооружены главным образом для красоты: благодаря им наш мост выглядит немного похожим на знаменитый Тоуэр-Бридж в Лондоне. Если вы попадете на Охту, поднимитесь на мост и остановитесь у одной из его башен. Тут, на гранитных стенах, установлены бронзовые доски, на которых можно прочитать немало интересного о постройке этого моста.

В течение долгих лет Охтенский мост был последним вверх по течению Невы. За ним лежали предместья, районы, населенные рабочим людом. Жителям левого берега было очень трудно перебраться на правый, если они, скажем, работали на громадной Торнтоновской фабрике в нескольких километрах выше моста. И так же трудно добираться до Обуховского завода жителям правого берега. Но кто же тогда с этим считался? Ведь это рабочие! Пусть встанут пораньше и потолкаются на перевозных пристанях, если не могут селиться у завода.

Теперь каждый из вас может, добравшись до этих мест трамваем или четвертым номером автобуса, полюбоваться на новый мост — мост Володарского. Он не деревянный и не металлический, он построен из нового материала — железобетона. При строительстве этого моста, как и при сооружении моста Лейтенанта Шмидта, были применены многие удивительные нововведения и усовершенствования. Достаточно сказать, что колоссальные фермы его привозились в готовом виде, и медленно, с точностью до одного сантиметра, опускались специальными механизмами сверху на мостовые опоры-быки.

Теперь широкая лента Большой Невы в пределах города перехвачена, как стальными пряжками, семью великолепными сооружениями: кроме перечисленных нами, между Охтенским и Володарским мостами пересекает реку еще один — железнодорожный.

Это на самой Неве. Но у нее есть и многочисленные притоки: Малая Нева, Большая, Средняя и Малая Невки, Фонтанка, Мойка, каналы… И все они пересекаются громадным количеством мостов и мостиков.

А знаете ли вы, сколько всего мостов в Ленинграде? Двадцать — тридцать? Больше. Их около четырехсот, различных мостов; старых и новых, огромных и малых, разных конструкций и разных

систем.

Ленинград — великолепная коллекция замечательных произведений мостовой техники.

Диковинные мосты и мостики

Дойди вы два года назад по проспекту Майорова до Фонтанки, вы увидели бы чуть правее престранный мост: с берега до берега лежала решетчатая прозрачная ферма. Ее не поддерживало ничто Было удивительно, что внутри ее катятся трамваи: как она не прогнется?

Такие мосты очень прочны, но некрасивы. Этот мост, Измайловский, разобрали. Но у нас остался еще один, великолепный образец его собратьев: он перекинут через Неву выше Охтенского моста. Это — мощное сооружение из нескольких ажурных ферм, свободно лежащих между каменными опорами.

Главная особенность этого моста — его высота. С севера к нему подходит высокая насыпь, а с юга ее место занимает длинная шеренга стройных арок-опор виадука, которые становятся все ниже и ниже. Внутри этого моста-клетки неторопливо ползет с одного берега на другой бесконечно длинный «тяжелогрузный» состав; ползет и преспокойно спускается с него по длинной эстакаде.

Таких мостов в стране немало. Но видели ли вы когда-нибудь мост, под которым нет никакого пролета, который просто лежит на земле?

Пройдите по Фонтанке к Летнему саду, туда, где высится, говоря словами Пушкина, «печальный памятник тирана, забвенью преданный дворец». Это Инженерный замок, построенный для императора Павла Первого.

Вы направляетесь вдоль набережной по тенистой аллее возле Инженерного замка; переходите по мостику… через что? Да — через ничто. Мост как мост, и арка и перила; но, перешагнув через них, вы никуда не упадете: мост лежит на сухой земле. Если вы пойдете еще дальше, пересечете Садовую, войдете в Михайловский сад, то на пути к пруду вы увидите, как в одном месте обыкновенная парковая аллея вдруг горбится, справа и слева поднимаются чугунные перильца. Как видите, — опять такой же мост. В чем дело?

Павел, не без основания опасавшийся заговорщиков, соорудил себе дворец на отрезанном от города искусственном

островке. Со всех сторон его окружали глубокие рвы с подъемными мостами. Каждую ночь мосты поднимали. Но это не спасло Павла: он был убит своими же стражами. Дворец опустел. Потом рвы были засыпаны. А мосты сохранились до сих пор.

Впрочем, в Ленинграде немало мостов такого типа, потому что здесь много рек, заключенных в каменные трубы. Эти реки текут глубоко под землей, не выходя на поверхность. Старый канал проходит под бульваром Профсоюзов; его устье в виде огромного отверстия можно видеть на стенке гранитной набережной под мостом Лейтенанта Шмидта. Весь длинный Лиговский проспект тоже представляет собой такую давно засыпанную реку: ее воды текли когда-то по поверхности и наполняли пруды Таврического сада.

Речка Лиговка, начинаясь на холмах у Красного Села, за Станцией Лигово (теперь Урицкое) за пределами города, и сейчас течет по прежнему руслу, на поверхности. Вступая в городскую черту, она ныряет в глубь земли и дальнейшую часть пути проходит под мостовыми Лиговского проспекта.

В том месте, где эту улицу пересекает Обводный канал, построен Новокаменный мост. По нему катятся трамваи, бегут автобусы, проходят граждане, а под верхними покровами моста устроен накрепко соединенный с ним прочный «лоток». Там, в тесноте и темноте, бежит поперек своего искусственного собрата-канала Лиговка, одна из немногих рек мира, приученная ходить по мостам.

Новокаменный мост с его своеобразным «реководом» — акведуком напоминает много других небольших мостов города, под которыми устроены такие акведуки меньших размеров уже не для рек, а для той горячей воды, которая по широким подземным трубам подается из котельных отделений теплоцентралей в отопительные устройства многих наших домов. Приглядитесь внимательно, и вы сами обнаружите такие мосты и на Фонтанке, и на канале Грибоедова, и на Мойке, и на том же Обводном канале.

Переходя через любой городской мост, не мешает вспомнить о тех невидимых спутниках, которые подобно вам перебираются по нему с одного берега на другой. Над вашими головами бежит через реку электрический ток трамвайных и троллейбусных линий; не будь моста, провода пришлось бы с большими трудностями перекидывать над рекой или пропускать в изолированном кабеле по дну. Под ногами у вас тоже целое сложное хозяйство путей и дорог: там течет по трубам газ, змеятся телеграфные провода. Правда, на самой Неве и на ее крупных ответвлениях кабеля нередко прокладываются по дну. А

вот на меньших водных артериях для этого используются мосты.

Так из простой большой доски или бревна, перекинутого для перехода с берега на берег, мосты давно уже превратились в очень сложные сооружения, требующие внимательного ухода, частых ремонтов, бдительной охраны.

Что с ними порой случается

Есть на Фонтанке Египетский мост. Он украшен четырьмя чугунными сфинксами. Сфинксам этим больше ста лет, а мост выстроен совсем недавно, это видно сразу. Для чего же были поставлены сфинксы?

Они были поставлены для украшения старого висячего Египетского моста, с которым произошло вот что.

К началу нашего века он изрядно обветшал и ремонтировался плохо. И все же по нему ходили и ездили. Он держался и продержался бы, наверное, еще много лет. Но вот однажды (случилось это в 1905 году) молодой офицер вел через мост эскадрон конницы. Взойдя на мост, он забыл приказать, как то положено при проходе мостов, пустить коней не в ногу. Эскадрон поднялся на мост, дошел до середины и вдруг… мост рухнул. Не часть его, не какие-нибудь прогнившие доски, он рассыпался весь, сразу. Люди стали тонуть… произошла большая беда. Неопытный командир пренебрег важным законом физики, законом резонанса. На ритмичный топот ног отозвались балки моста. Они задрожали, как дрожит струна, отзываясь на звук другой струны. Мост лопнул, как бывает, лопается хрустальный стакан, если рядом кто-то громко крикнул, издал именно ту ноту, которая одна могла заставить бокал вздрогнуть и разбиться. Если бы кони шли вразброд, мост выдержал бы втрое большее их число.

Теперь этот случай припоминают всем офицерам, когда учат их водить строем солдат.

Не таким удивительным, но, пожалуй, еще более страшным был конец последнего понтонного плашкоутного моста города.

Катастрофа разыгралась летом 1916 года. Деревянный мост этот держался на нескольких больших баржах на Большой Неве между нынешней площадью Декабристов и Университетом. Как все деревянные плавающие сооружения, он был основательно пропитан смолой и дегтем, предохраняющими дерево от гниения. На нем всегда стоял крепкий морской запах смоленого сухого дерева. И вот однажды мост запылал, как факел. Трудно сказать,

что вызвало катастрофу, — может быть, искра, залетевшая из трубы парохода… А может быть, и окурок, брошенный на мосту преступно-небрежным прохожим. Были созваны пожарные команды со всего города, но справиться с гигантским плавучим костром было невозможно.

Перегорев посредине, мост разорвался. Его не стали восстанавливать, — в это время неподалеку уже заканчивалось строительство нового моста — Дворцового.

Речные перекрестки

Теперь мы с вами отправимся на южную, удаленную от Невы, границу прекрасной площади — Марсова поля. С юга поле окаймляет Мойка, с востока — Лебяжья канавка и Канал Грибоедова. Поэтому именно здесь, на этих речных перекрестках, вы можете увидеть удивительную компанию мостов: четыре небольших мостика против юго-западного угла площади, четыре возле Летнего сада и Инженерного замка на юго-восточной стороне ее.

Полюбуйтесь этим полным очарования уголком нашего города с тихой водой четырех переплетающихся рек, с зеленым простором Марсова поля и задумчивой тенью двух садов, Михайловского и Летнего, с прелестным павильоном славного зодчего Росси, отразившимся в речной воде, и с путаницей многочисленных маленьких мостов, упрямо поднимающих над каналами свои выпуклые горбики.

Пойдем отсюда к тому месту Мойки, где ее соединяет с Невой коротенькая Зимняя канавка. Станем на набережной Мойки, неподалеку от последней квартиры Пушкина и, посмотрим в сторону Невы вдоль канавки. Здесь сразу несколько мостов расположены друг за другом и даже в два этажа, потому что крытая галерейка, соединяющая Эрмитаж с соседним зданием, тоже висит над водой, как мостик.

Полюбуйтесь, как удивительно сочетаются их изящные дуги с опрокинутыми в воде отражениями, образуя картину, какую вряд ли увидишь где-либо в другом месте.

Стоит также выйти на набережную Невы и по ней от Зимней канавки пройти назад до Фонтанки, или еще лучше, проехать вдоль этой набережной в лодочке. По дороге вы увидите три моста — Эрмитажный, Лебяжий и Прачечный. Все они построены одновременно с гранитной облицовкой невского берега. Но

приглядитесь к ним: трудно представить себе, что строитель сооружал их из грубого неподатливого камня. Кажется, — он лепил эти плавные изгибы из пластичной мягкой глины. Кажется, — он был не архитектором, а скульптором, так совершенны очертания мостов. Имя этого замечательного зодчего сохранилось: его звали Тимофеем Ивановым, и он был прославленным в свое время «каменным мастером».

Множество легких мостиков построено специально для украшения в замечательных парках Ленинграда и его пригородов — на Елагином острове, в Пушкине, в Павловске… там есть и «китайские», и «средневековые», и всякие другие причудливые мосты.

Сегодня и завтра

Есть в Ленинграде и неудобные и некрасивые мосты, но их с каждым годом становится все меньше.

За несколько последних лет на прекрасном Кировском проспекте получили смену три дряхлых деревянных моста — совсем маленький через Карповку, два больших через Большую и Малую Невки. И как похорошела широкая улица, когда возникли на ней три таких же широких, могучих каменных моста-красавца с высокими пилонами-обелисками по углам!

Перестроили, придав совсем иной, куда более значительный и строгий вид, Обуховский мост через Фонтанку на Московском проспекте.

И сейчас инженеры работают над проектами переустройства очень многих наших мостов.

Старый некрасивый мост Строителей (бывший Биржевой) сильно портит знаменитую панораму Невы с Кировским и Дворцовым мостами, с крепостью и великолепной Биржей, с могучим зеркалом реки между ними. Мост этот деревянный; это одно уже не годится в центре города. К тому же он построен несимметрично и делает всю картину кособокой. Этот мост решено перестроить. Он не только станет металлическим, но и передвинется на другое место, будет вести не к Зоологическому переулку, как сейчас, а прямо к проспекту Добролюбова.

А старый Сампсониевский мост, который так долго портил вид на восточную стрелку Петроградского района, где высится здание Нахимовского училища и стоит на приколе корабль-памятник крейсер «Аврора», — его уже разобрали. Новый мост

соединит напрямик две улицы — Куйбышева на Петроградской стороне и Финляндский проспект на Выборгской.

Это не только украсит всю картину: трамваям не придется тогда вилять взад и вперед по обеим набережным: они пойдут прямо. Город прекрасных мостов станет тогда еще прекраснее.

Дерзновению подобно

Чудеса и причуды

Вы читали «Ночь перед Рождеством», пленительную сказку Гоголя? Читали, конечно. Добрый украинский хлопец, кузнец Вакула, в поисках черевичек для своей капризной невесты, черевичек, какие носит сама царица, попадает в царский дворец. Это удивительная история. Вакула поймал в свой мешок черта, а черти, как известно, могут все. Спрятавшись в карман кузнецовых шаровар, он превратился как бы в пропуск, по которому смельчак прошел в царские палаты, к самой царице Екатерине.

Много чудес увидели там изумленные глаза Вакулы. Но он был кузнец и живописец, поэтому особенно поразили его две вещи: медная ручка на двери и картина на стене. Вот как рассказывается об этом.

> «— Что за лестница! — шептал про себя кузнец, — жаль ногами топтать. Экие украшения! Вот, говорят: лгут сказки! кой чорт лгут! Боже ты мой, что за перила! какая работа! Тут одного железа рублей на пятьдесят пошло!. Что за картина! Что за чудная живопись! — рассуждал он, — вот кажется, говорит! кажется живая! А дитя святое! и ручки прижало! и усмехается, бедное! А краски! боже ты мой, какие краски! тут вохры, я думаю, и на копейку не пошло, все ярь да бакан; а голубая так и горит! Важная работа! должно быть, грунт наведен был блейвасом. Сколько, однако, не удивительны сии малевания, но эта медная ручка, — продолжал он, подходя к двери и щупая замок, — еще большего достойна удивления. Эх, чистая выделка!»

Вы вспомнили эту сказку. Вы знаете, что было потом и чем все кончилось. Но знаете ли вы, что дворец, которым так восхищался Вакула, не выдуман Гоголем? Дворец был на самом деле и был именно таким, каким увидел его Вакула. Но увидел он далеко не все. Мог ли кузнец пройти по всем тысяча пятидесяти покоям, подняться по ста восемнадцати лестницам, распахнуть тысячу восемьсот восемьдесят шесть дверей или хотя бы заглянуть во все тысяча девятьсот сорок пять окон? Не мог, конечно. А мы с вами сейчас можем не только подняться по

беломраморной красавице-лестнице, но и пройти по великолепным залам, любуясь позолотой и скульптурой, дивной росписью стен и потолков, мрамором и малахитом колонн и той самой бронзовой ручкой, которая показалась Вакуле удивительнее всего. Можем, потому что знаменитый Зимний дворец, пышное творение Варфоломея Растрелли, стоит на берегу Невы и сейчас.

Страшный пожар уничтожил его в 1837 году, но уже через пятнадцать месяцев дворец был отстроен заново архитекторами Брюлловым и Стасовым. И восстановление его было не меньшим чудом, чем само создание.

В тридцатиградусные морозы шесть тысяч рабочих трудились над отделкой залов, натопленных до тридцати градусов выше нуля. Попробуйте выйти из этой бани на жгучий мороз: шестьдесят градусов разницы! Чтобы не терять сознания на работе от жары, мастера надевали шапки со льдом.

Замечательные мастера, умельцы! Это они нехитрыми инструментами создавали тончайшие орнаменты, узоры, украсившие наличники окон, разные для каждого этажа. Это они выложили паркет тронного Георгиевского зала драгоценным деревом шестнадцати пород, мозаикой расцветили полы павильонного и других залов.

С изумительным совершенством воплощали русские мастера замыслы зодчих, трудясь вместе с ними «для славы всероссийской».

* * *

Если вам скажут, — Ленинград рожден трудом, вы удивитесь: а какой же город не рожден им? Да, это так, но в применении к Ленинграду слова эти имеют особый смысл. И это не трудно понять. Рим — великая столица, но, чтобы создать его, человечество потратило три тысячи лет. Немного менее потребовалось, чтоб деревушка кельтского племени паризиев превратилась в современный Париж. Десять веков растет и развивается Киев. А Ленинграду только двести пятьдесят лет; в Советском Союзе немало стариков лишь в половину моложе его. Каким же напряженным, каким яростным должен быть труд, чтобы город-отрок мог догнать или перерасти своих древних собратьев!

Подумайте сами: на пространстве в шестьдесят или семьдесят

квадратных километров нет ни одного кубического дециметра земли, который за два эти столетия не был бы сотни раз поднят на воздух лопатой землекопа, переброшен с места на место, убран здесь и уложен там.

В одной книге, написанной вскоре после страшного наводнения 1824 года, автор-моряк приводит любопытный подсчет: с основания города и до дней, когда книга была напечатана, в Петербург прибыло шестьдесят тысяч различных кораблей. Все они — из Англии и Франции, из Бразилии и Ост-Индии — шли сюда с балластом — песком. Становясь под погрузку, они выбрасывали этот песок на невские берега. За сто лет они привезли сюда не меньше четверти миллиона кубометров песка из стран Европы, Азии, Африки и Америки. И всю эту уйму песку пришлось куда-то деть, уложить, разровнять. В конце концов он смешался с северной болотной землей, и низкое побережье поднялось над уровнем Невы настолько, что даже наводнения стали ему не так страшны, как когда-то. Может быть, автор немного преувеличивает последствия, к которым это привело, но все же представьте себе масштабы и размах этого постепенного, почти незаметного труда, если он мог все подножие города приподнять хотя бы на несколько футов.

Таким же незаметным, длительным трудом создан и весь Ленинград. Из десятка тысяч его домов каждый построен руками человека. Замощены сотни и сотни километров улиц. Под землей проложена бесконечная паутина водопровода, канализации, телефонной и электрической сети. Каждый их метр ежегодно, ежечасно поддерживается, ремонтируется, удлиняется, расширяется. Зимой с городских улиц убирают миллионы тонн снега. Летом со всех концов страны везут сюда камень, кирпич, гравий и бетон, известь, железо и цемент. Но все это делается повсюду. А мы хотим показать вам образцы того труда, который успевает за короткое время создавать колоссальные сооружения, того, перед результатами которого хочется снять шапку, — так удивительно могуч и так виден он.

Долгое время труд этот был тяжкой повинностью, каторгой, а не геройским подвигом. Тем не менее это он создал наш город.

Уже в XVIII веке была закована в гранит Нева. В 1762–1763 годах были начаты работы. В июле 1762 года опытный строитель С. Волков получил приказ измерить «расстояние от Зимнего каменного дома до Литейного двора». Уже три дня спустя он доложил: расстояние равно 2862 тогдашним саженям, примерно шести километрам.

Бешеный темп работы был задан с самого начала. И два года спустя первый участок могучей гранитной стенки, такой прочной,

что она стоит и сейчас, был уже готов.

За Зимним дворцом на первом из прекрасных гранитных спусков к реке врезана в камень дата «1764».

Гранитная набережная не только укрепила берег. На всем своем протяжении она отвоевала у реки полосу, где в пять — шесть, где в десять — пятнадцать, а у Летнего сада даже и до сорока метров шириной. Сама ограда знаменитого сада стоит на месте, где раньше плескались воды реки.

Строительство набережной задумала власть, выполнял народ. Работа была непомерно тяжкой. Теперь людям на стройках Куйбышевской ГЭС или Каракумского канала помогают паровые копры и краны, электронасосы, землечерпалки, грузовики. Тогда все делалось топором да лопатой. Но дело это было нужное, всенародное. А рядом с ним, по прихоти богатых самодуров, возводились такие нелепые постройки, рассказы о которых могут довести каждого из нас просто до бешенства. Слыхали ли вы, например, про сооруженный в Петербурге в студеном 1740 году Ледяной дом?

Его выстроили в феврале того года из глыб невского льда, облитых на морозе водой. Голубой и прозрачный, он, по словам очевидцев, «казался сделан был будто бы из одного куска и для ледяной прозрачности и синего цвету на гораздо дражайший камень нежели мрамор походил». И что за чудо был этот сказочный дом!

У его ворот стояли ледяные пушки, стрелявшие настоящими ядрами. Были тут ледяные дельфины, которые с «помощью насосов огонь от зажженной нефти из челюсти выбрасывали, что ночью приятную потеху представляло». Возвышался ледяной слон «в надлежащей его величине»; из его хобота днем била вода, ночью — горящая нефть. «Сверх того мог он, как живой слон кричать, который голос потаенный в нем мужик трубою производил». Росли деревья с ледяными ветками и листьями; на них сидели ледяные птицы. И все внутри дома было ледяное: мебель, утварь, вплоть до часов, внутри которых видны были все колеса ледяного механизма.

Чудо удивительного искусного труда. А кто построил этот дом? Мы знаем имя Татищева — вельможи, который придумал для императрицы Анны такую редкую забаву; знаем, что руководил делом «кабинет-министр» Волынский. Предполагают, что дом построен по проекту архитектора П. М. Еропкина. Остались памятны имена царских шутов, свадьбу которых справляли в этом доме. О талантливых же мастерах, своими руками создавших сказку, не слышал никто.

Печальна была и судьба необыкновенного дома. В марте

месяце стало пригревать солнце. «Дом начал к падению клониться и помаленьку, особливо с южной стороны, валиться», и скоро его остатки «сволокли на царский ледник, дабы хоть какую пользу от того иметь».

Набережные города и Ледяной дом — две стороны медали, образцы труда осмысленного и труда бесцельного, труда нужного народу и того, что тратится на причуды богачей.

Осмысленный труд создавал памятники, которым суждено было прожить века. Мы и сейчас удивляемся им и тем усилиям, которые были затрачены при их создании.

Когда из-под пригорода Лахты за 15 километров была доставлена в цельном виде и без единого повреждения чудовищная глыба «гром-камня» — прославленный валун, легший потом под копыта Медного всадника, это казалось беспримерным подвигом. Камень весил более ста пятидесяти тонн. Его надо было поднять с места, дотащить по болотам до морского берега, погрузить на специальную баржу, по воде доставить в Неву, выгрузить на берег и уложить на место. Все это было выполнено, и не удивительно, если на выбитой по этому случаю медали мы читаем гордую надпись «*Дерзновению подобно*».

Но и это бледнеет по сравнению с историей сооружения, столетие спустя, пресловутого «Александрийского столпа», величайшего в мире пятидесятиметрового обелиска, высеченного из цельного куска гранита. Этот каменный цилиндр весил еще больше Гром-камня — двести двадцать четыре тонны. Его привезли не из ближайшего пригорода, а за сотню верст из каменоломни под Выборгом. Там его откалывали от скалы в течение двух лет. Делалось это так: триста — четыреста рабочих стояли попарно вдоль горы; один держал лом, другой бил кувалдой. И так тяжел был этот труд, что больше двух — трех месяцев рабочие не выдерживали, — их сменяли другие.

Когда колонна была готова, ее установили в центре Дворцовой площади, поставили вертикально на высоком постаменте. Когда страшная тяжесть налегла на свое подножие, в соседних домах почувствовалось что-то вроде подземного толчка, короткое землетрясение. Громада и сегодня высится на своем месте, а ведь удерживает ее одна только сила тяжести, без всяких подпорок и поддержек.

А строительство Исаакиевского собора? Его окружает целый лес таких же монолитных колонн. Правда, каждая из них вшестеро меньше, чем Александрийская, но зато их здесь 48 штук. Громадная каменная подушка в сто шестьдесят пять тысяч кубометров гранита зарыта в земле под Исаакием. Она в свою очередь опирается на десять тысяч шестьсот семьдесят две

шестиметровые сваи, до отказа забитые во влажную приневскую землю. Это ли не памятники бесчисленному множеству строителей — от выдающихся архитекторов до последнего землекопа?

«Краса и диво»

Приезжающие в Ленинград часто говорят, что наш город подобен огромному музею, по которому можно бродить месяцами, всегда открывая в нем новые и новые красоты.

Существует известная легенда. Один богатый англичанин — говорят, что это был знаменитый романист Стивенсон, — наняв быстроходный корабль, прибыл в середине прошлого века в Петербург, остановился на Неве против Летнего сада и, поднявшись на палубу, долго не отрываясь смотрел на его ограду. А насмотревшись, приказал отдать концы, чтобы плыть обратно в Англию. «Послушайте, дорогой сэр, — сказали ему, — неужели кроме *этого*, ничто не интересует вас в нашем городе? — *Этого* вполне достаточно для человека на всю его жизнь», — ответил ценитель искусства.

Может быть, рассказ этот вымышлен и ничего подобного не было, но вымышлен он хорошо. Трудно представить себе что-либо более прекрасное, чем строгая решетка Летнего сада.

Но при всей своей красоте чтó такое эта решетка? Отдельный, пусть великолепный памятник зодчества. А Ленинград, кроме огромного числа таких памятников, славится и другим — выразительными архитектурными *ансамблями*. Что это такое?

По-французски слово «ансамбль» означает либо «вместе», «одновременно», либо же «единство», «нечто целое». Тот, кто занимается ленинградским зодчеством, слышит слова «архитектурный ансамбль» ничуть не реже, чем «дворец», «здание», «памятник архитектуры».

Если вам посчастливится когда-нибудь забраться на самую верхушку Исаакиевского собора, на его кольцеобразный балкончик, огибающий барабан верхнего купола, посмотрите вниз, в сторону Невы. Первое, что бросится вам в глаза, — грандиозное незастроенное пространство, которое тянется вдоль реки у подножия знаменитого собора.

Приглядитесь к нему внимательно; это продолговатый прямоугольник — девятьсот метров в длину, триста в ширину, — отделенный от берега полукилометровой громадой

Адмиралтейства и почти столь же могучим зданием Зимнего дворца. Там вдали прямоугольник упирается в красивый дом штаба гвардейского корпуса; он ограничивает огромное пространство с одного конца. По южной стороне, как бы обнимая Дворцовую площадь, размахнул свои крылья Главный штаб со знаменитой аркой; когда смотришь сверху, видно: его величественная дуга как бы описана гигантским циркулем из вершины Александровской колонны. От Штаба к Исаакию тянется ряд невысоких домов; он завершается большим треугольным строением со львами, тем самым, о котором в «Медном всаднике» сказано:

«Где дом в углу вознесся новый,
Где над возвышенным крыльцом,
С подъятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые…»

Под самым Исаакиевским собором четвертую, западную, сторону прямоугольника образуют небольшой, но важный по виду манеж, когда-то принадлежавший конногвардейскому полку, и доходящие до Невы здания Синода и Сената.

Смотришь и видишь, как будто какой-то фантастический художник задумал расположить в самом центре города по единому замыслу и в один прием созданную площадь, величайшую в мире. Вот она лежит прямо перед вами, окаймленная десятком зданий, одно другого замечательнее, украшенная в одном конце Александровской колонной, в другом — Фальконетовым «Медным всадником». Поражает и небывалый размах этого свободного пространства, и то стройное единство, в которое слились обрамляющие его постройки. А ведь все они построены в разные времена и разными зодчими: Адмиралтейство воздвигнуто гениальным Захаровым в начале XIX века; Зимний дворец сооружен великим Растрелли на пятьдесят лет раньше, а шедевры Росси и Монферрана — Главный штаб и Исаакиевский собор — на несколько десятков лет позже. И, пожалуй, лишним, противоречащим общему замыслу, кажется только тенистый Александровский сад (теперь сад имени Горького): он очень хорош, он мил и памятен большинству ленинградцев, но посмотрите, как он закрывает великолепие Адмиралтейства, как скрадывает очертание и размах могучей площади, разбивая ее на отдельные участки.

Ленинград — город поразительно гармоничных ансамблей, созданных и отдельными великими зодчими и целыми группами отличных художников. Такова улица Росси, вся состоящая из двух

колоссальных и великолепных домов-близнецов; таков район Публичной библиотеки и Театра имени Пушкина; таков, может быть самый грандиозный в мире, ансамбль Невы, с великолепной Биржей на Стрелке Васильевского острова, с Зимним дворцом на южном берегу, с Петропавловской крепостью напротив, с чудесными набережными… Их создавали прославленные зодчие, великие командиры армии искусства — Карло Росси и Варфоломей Растрелли, Андрей Воронихин и Андреян Захаров, Василий Баженов и Тома де Томон. А сколько трудилось над ними безвестных мастеров, о которых сейчас уже никто или почти никто не помнит! И Тимофей Иванов, каменный мастер, и другой удивительный каменотес — Самсон Ксенофонтович Суханов. Вы о нем и не слыхали? А без него не было бы ни удивительной красоты каменных стен Биржевой Стрелки, не поднялись бы Ростральные колонны над ней, да неизвестно, удалось ли бы без помощи и таланта этого вологодского крестьянина добыть чудовищный монолит, из которого вырублена пятидесятиметровая Александровская колонна.

Простой рабочий, литейный мастер Хайлов отлил Фальконетово чудо, мировой шедевр — «Медного всадника».

Крестьянином-лодочником был Слепушкин, удивительный человек — поэт, автор многочисленных стихотворений, поэм и басен, а в то же время — кирпичный заводчик, из великолепного «железного обжига» кирпича которого сооружены многие создания Росси — и театр имени Пушкина и Главный штаб.

Красой и дивом назвал Петербург Пушкин. Эту красу создал десяток гениальных творцов, но воплотили в жизнь сотни и тысячи бесконечно талантливых и безмерно порой несчастных крепостных землекопов, плотников, каменотесов, столяров… Их руками создан весь блеск и вся роскошь Северной Пальмиры. Будем же вечно признательны им.

Золотой век петербургской архитектуры прошел, когда в конце прошлого столетия хозяином города стал купец, торгаш, капиталист.

Ему дела не было до подлинной красоты; его заботило одно — барыш, прибыль. Не до архитектурных ансамблей стало и отступавшему перед капиталом дворянству. Именно в это время кое-что, сотворенное мастерами прошлого, было искажено, разрушено, попорчено.

Вот не на месте разбитый сквер уничтожил грандиозную площадь; вот на набережной, между прекрасными флигелями — крыльями Адмиралтейства — вырос безобразный ряд аляповатых, разнокалиберных домов… Какое уж тут единство! Тут о нем и не думали, не думали настолько, что именно в эти дни произошел

на исковерканной площади забавный и досадный анекдот.

Суровый Кваренги, завершая ансамбль с запада, поставил перед фасадом своего манежа две отличные конные группы работы скульптора Трискорни. А некоторое время спустя они исчезли. Говорят, будто самодур-командир конногвардейского полка, ни с кем не советуясь, темной ночью умыкнул лошадей и укрощающих их братьев Диоскуров, увез к своей казарме и водрузил их там над воротами. Не знаем, так ли это было, но чуть ли не столетие превосходные фигуры стояли там, никому не видные, в глухом боковом переулке. А теперь они снова вернулись на свои законные места. Их возвратили сюда мы. Мы бережем замыслы зодчих прошлого, и это потому, что наши архитекторы следуют их примеру; они работают над проектами ансамблей еще более грандиозных, достойных и нашего города и нашей эпохи.

Со времени Октября в Ленинграде сделано уже очень много; особенно, если принять в расчет, что Петербург просуществовал 214 лет, а Ленинграду вместе со всем Советским Союзом исполняется только сорок.

Зодчие Северной Пальмиры строили и украшали только самый центр города. Трехсотметровый Зимний дворец, который сейчас отдан величайшему музею искусств — Ленинградскому Эрмитажу, — был частным домом одной-единственной семьи. Великолепной Биржей, созданной Тома де Томоном, пользовались несколько сотен спекулянтов. В Исаакиевский собор, способный вместить 12 тысяч человек, в праздничные дни пускали по билетам и только избранных. Наши же архитекторы строят дворцы для миллионов людей и в самых отдаленных районах города, строят так, чтобы само слово «окраина» было забыто.

Сядем в трамвайный вагон в тех самых местах, где лет сорок назад была эта «окраина», кончался город. Это на Московском проспекте. Остановка, с которой начинается наш путь, недаром до сих пор называется Заставской. Здесь проходила южная граница Петербурга; за ней ничего не было, тянулись пригородные огороды, мусорные свалки, железнодорожные карьеры, глухие пустыри. А теперь? Куда мы едем? К окраине или к центру?

Впереди на километры уходит вдаль все та же чудесная асфальтовая мостовая, рисуется в смутной дымке бесконечный ансамбль многоэтажных домов, образующих широкую благоустроенную улицу с нарядными фасадами, со сверкающими витринами магазинов и яркими фонарями над ровной лентой тротуаров.

Надо проехать два километра, то есть две трети Невского

проспекта, чтобы добраться до зеленых аллей парка Победы, выращенного тут уже после Великой Отечественной войны. Парк тенист и обширен; любимец Петра Первого — Летний сад — затерялся бы в его просторах, среди дорожек со статуями, цветистых розариумов и живописных прудов. А дальше за ним? А за ним еще целых три километра не прерываясь бежит та же величественная перспектива. Звенят трамваи; их обгоняют автобусы, работают поливальные машины, у остановки дежурят такси.

И вот — конец города, бывшая Чесменская богадельня у бывшей Средней Рогатки; в сотне метров отсюда расходятся два шоссе: одно — на Москву, другое — на Киев. Вы выходите, и прямо перед вами одно из самых громадных и величественных зданий города, построенное здесь — еще перед войной. Его гранитно-серая восьмиэтажная махина поражает воображение. Надо поставить рядом, нагромоздить друг на друга несколько Зимних дворцов, чтобы сравняться с ней… И это далекая окраина? Так какая же разница между ней и центром? Да ровно никакой. А ведь по ту сторону городского массива Ленинграда уходит к северу такой же прямой, застроенный такими же прекрасными домами проспект Энгельса (бывшее Выборгское шоссе).

Помимо сотен новых жилых кварталов, помимо множества огромных заводов, оснащенных современной техникой, помимо тянущихся на далекое расстояние путей городского транспорта, два удивительных сооружения поражают нас в Ленинграде — Кировский стадион и Ленинградское метро.

На Крестовском острове, у самого моря, высится зеленый холм, целая гора, похожая с самолета на вулкан с широко разверстым кратером; это и есть Стадион имени С. М. Кирова.

Дело не в том, что кратерообразный огромный цирк вмещает в себя и сейчас уже около 80 тысяч человек, — на 30 тысяч больше, чем прославленный Колизей древнего Рима, а в дальнейшем будет принимать до 100 тысяч зрителей. Дело не в том, что с моря он больше походит на естественную возвышенность, чем на человеческую постройку; даже не то замечательно, что в будущем по его верхнему краю протянется красивая галерея, а над входом вознесется 65-метровая башня; дело в том, как он построен, этот стадион-великан. Его не насыпали на островном берегу лопатами землекопов, не привезли сюда на тысячах грузовых машин или баржей… Всю эту массу грунта высосали со дна залива могучие землесосные механизмы Они же и намыли грандиозный холм. Вот этот-то неслыханный способ строительства и сделал Кировский стадион образцом

нового зодчества, такого зодчества, где разум заменяет физическую силу, а машина — человеческие мускулы.

А теперь — Ленинградское метро. Оно пока еще меньше Московского. И все же это восемь подземных дворцов из мрамора и гранита, украшенных бронзой и сталью, с залитыми светом переходами, с подвижными лестницами, опускающими вас на десятки метров в глубь земли и снова выносящими на поверхность. Это одиннадцать километров двойных подземных туннелей, по которым уже мчатся поезда. Такое не могло даже присниться ни одному из строителей Петербурга.

На знаменитый Исаакиевский собор можно посмотреть со стороны, окинув его одним взглядом от фундамента до купола. Ну что ж, приходится сознаться, — могучую громаду соорудили наши деды. Но метро нельзя вынуть из-под земли и, поставив его перед собой, разглядеть со всех сторон. Когда вы едете по нему, вы видите каждый миг только одну маленькую частицу, — всего сооружения никак не обоймешь взором.

Так давайте посмотрим не на него, а на те цифры, которые о нем рассказывают. Цифры эти могут поразить кого угодно. И начинает счет сама здешняя природа, сама ленинградская земля.

Одна — две минуты нужны, чтобы опуститься из наземного вестибюля на станционную платформу глубокого залегания. За это время вы прошли только несколько десятков метров, но удалились от сегодняшнего дня на 500 000 000 лет!

Когда строился метрополитен, машины, механизмы и другое оборудование везли сюда со всех концов советской страны. Триста заводов выполняли заказы. Понадобилось сто пятьдесят тысяч железнодорожных вагонов, чтобы доставить груз на место; если бы их сцепить в один поезд, то, когда паровоз загудел бы у ленинградских семафоров, последний вагон катился бы еще где-нибудь у Красноярска в Сибири.

Чтобы построить любое здание, предварительно чертят его план и разрез на бумаге. Даже дошкольник поймет, — чем сложнее постройка, тем больше чертежей; одно дело — деревянная дачка, другое — высотный дом; тут приходится делать планы для каждого этажа, для всех лестниц, дворов, чердаков, подвалов… Так ка́к вы думаете, сколько чертежей потребовалось для нашего метро? Их было сделано примерно 28 тысяч. Сами строители подземки посмеиваясь говорят: «Разложи эти тысячи и тысячи листов бумаги и голубоватой кальки по рельсам готовых туннелей, так они закроют всю трассу, от станции Автово, на крайнем юге, до площади Восстания в центре города». Представьте себе на миг эту бесконечную бумажную ленту; и ведь это не просто бумага: каждый дециметр покрыт

рисунками, цифрами; над всем этим думали, трудились люди; любое обозначенное на чертеже число — звено бесконечной цепи сложнейших задач. Люди терпеливо решали их, чтобы можно было спокойно сесть на мягкий диван и мчаться, куда хочешь.

Это большие цифры, и к ним можно было бы прибавить немало еще бóльших. Но интереснее, пожалуй, не великанские цифры, а наоборот, лилипутские.

Представьте себе, что вы и ваши товарищи где-нибудь в лагере решили провести через луг длинную канаву метров в двадцать. Вы разделились на две группы и копаете сразу с двух концов. Как вам кажется, трудно ли добиться, чтобы обе канавы под конец встретились? Ничуть не трудно: вы видите ваших товарищей и можете держать курс прямо на них. Не запрещено предварительно протянуть по лугу веревку и рыть канаву по ней. Да, наконец, если канава выйдет и кривовата, — не велика беда: воде-то все равно как течь. Хуже было бы дело, если бы требовалось провести канаву глухой ночью в полной тьме и притом ровно, как по линейке. А ведь это пустяки в сравнении с тем, чтó приходится делать строителям метро.

Между двумя соседними станциями обычно около километра пространства. В обоих концах перегона люди опускаются глубоко под землю и начинают пробивать навстречу друг другу две норы, две длинные пещеры. Когда пещеры встретятся и сольются в один туннель, дело будет кончено. Но ведь работающие на обеих сторонах не видят друг друга, между ними километровая толща земли. А встретиться обе партии должны с совершенной точностью. Стоит им разойтись в стороны, туннеля не получится. Стоит ошибиться даже ненамного, подземный ход искривится, «сломается» там, под землей. А это недопустимо. Придется все переделывать, и переделка будет стоить сотни тысяч рублей.

Ну и как же? — спросите вы. А так, что это не случается никогда. Отклонения не должно быть, и его не бывает.

Как добиваются строители этой удивительной точности? За нее отвечают подземные землемеры-маркшейдеры. Эти люди знают назубок математику и прекрасно владеют очень сложными приборами. Глубоко под землей они ведут по этим приборам вперед громадную тяжелую машину — проходческий щит — так же умело и уверенно, как летчик в тумане или капитан в пустынном море ведут свой самолет и корабль.

Точно так же, сказал я? Нет, в тысячу раз точнее. С кораблем не случится большой беды, если он приблизится к порту назначения, отклонившись от курса на километр-другой: шкипер положит руля направо или налево и подойдет к пристани. А маркшейдер, работающий в галереях Метростроя, не имеет права

отклониться от своего пути даже на четверть метра. Два — три сантиметра, — говорит он, — еще куда ни шло, а больше ни-ни.

Так обстоит дело при постройке. А теперь? Когда метро работает? И теперь от него и от людей, которые им управляют, требуется неменьшая точность.

Если ты опоздаешь на урок на одну минуту и учитель сделает тебе выговор, ты еще обижаешься, — подумаешь, одна минута!

Машинист метро должен проделать весь путь от Автова до площади Восстания за шестнадцать минут с половиной. Если он опоздает на одну, только на одну минуту, тревога начнется по всей линии, зазвонят звонки телефонов, и незадачливый или оплошный механик получит серьезный нагоняй. Но этого здесь почти никогда не случается.

Вы видите, какая удивительная вещь — это метро: распоряжается великанскими цифрами, но ни на минуту не забывает о лилипутских.

Ах, если бы каждый из нас привык в своей жизни поступать так же!

* * *

Вы мчитесь в ярко освещенном вагоне по чистым и сухим туннелям, и вам в голову не приходит, что где-то неподалеку от вас, в той же толще древней синей глины упорно продолжается неуклонное продвижение человека по глубинам земли. Там тоже тянутся туннели и шахты, но какие? Там еще течет, просачивается вода, там еще темновато и сыро. Не по спокойно гудящим лестницам эскалатора, — в стремительных рудничных бадейках и клетях спускаются вниз маркшейдеры, проходчики, монтажники, сварщики, поднимаются ввысь тысячи тонн свежевырубленной земной породы. И новые ходы все дальше и дальше пронизывают подножие Ленинграда.

С каждым днем человек все увереннее обживает глубины приневской земли. Каждый день приносит и новые открытия, и новые, впервые возникающие перед строителями, задачи.

Советское метро давно уже превратилось в огромную школу знания и труда, в целый подземный институт, в своеобразную академию земных недр. Тут учатся строя и строят, непрерывно обучаясь.

Вы едете по знакомой трассе — от Балтийского вокзала на Невский. Казалось бы, — что в этом особенного? Но, если у вас

есть хоть капля воображения, вы не можете не разволноваться.

Все, как всегда: ваш поезд бежит, студент на мягком диванчике болтает с товарищем, какой-то человек читает газету… А над ними и над вами — чудовищные слои земли, и где-то там, высоко над вашей головой, живет город — ходят машины, звенят трамваи, стоят многочисленные дома…

Пройдет совсем немного времени, и вы поедете по новой трассе. На этот раз наверху над вами будут уже не улицы и площади, — широкая река. Вы будете так же спокойно сидеть на своем месте, а наверху побегут, разгоняя волну, веселые речные трамвайчики, поплывут, медленно разворачиваясь, буксиры с тяжелыми баржами, рыбаки будут забрасывать в волны удочки, стаи рыб резвиться в воде.

Метростроевцы уже поднырнули под Неву трубами двух туннелей этой новой трассы; они вывели их на правый берег, к Финляндскому вокзалу. Здесь, ниже дна могучей реки, приходилось работать в особо трудных условиях. Чтобы в туннель не прорвались речные воды, место работ наглухо отделяют от всего мира, создают герметически закупоренные камеры, куда под большим давлением нагнетен воздух. Из такой камеры нельзя просто выйти наружу: это грозит тяжелой болезнью. Подобно водолазам, которых осторожно и постепенно поднимают из морских глубин, рабочие и инженеры метро переходят тут из одной камеры в другую, от сильного давления к более слабому, прежде чем выглянуть на поверхность земли. И тем не менее работа шла, туннели уверенно ползли под Невою.

Ленинградское метро — поразительный памятник великого труда и великого уменья. Оно будет еще великолепнее, когда его трассы пересекут город из конца в конец, когда подземные пути свяжут его центр и с морскими воротами Ленинграда в Галерной Гавани, и с Кировским стадионом на Крестовском острове.

Тогда наш город станет еще совершеннее, чем сегодня. И это его совершенство будет беспредельно расти, и никто из нас не может даже примерно представить себе, о каких его небывалых чудесах будут рассказывать нашим внукам и правнукам книги, которым суждено увидеть свет пять десятилетий спустя, во дни трехсотлетия Ленинграда.

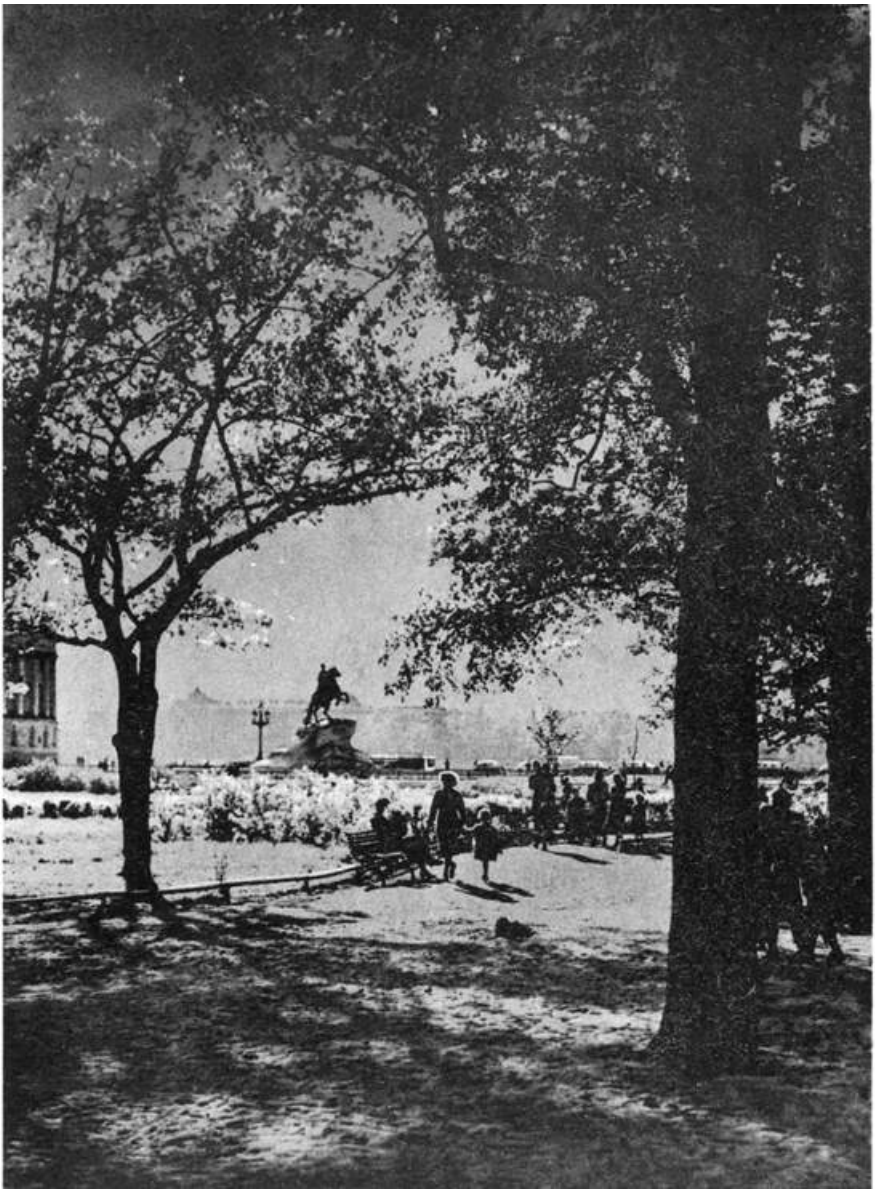
Иллюстрации

Памятник В. И. Ленину у Финляндского вокзала.

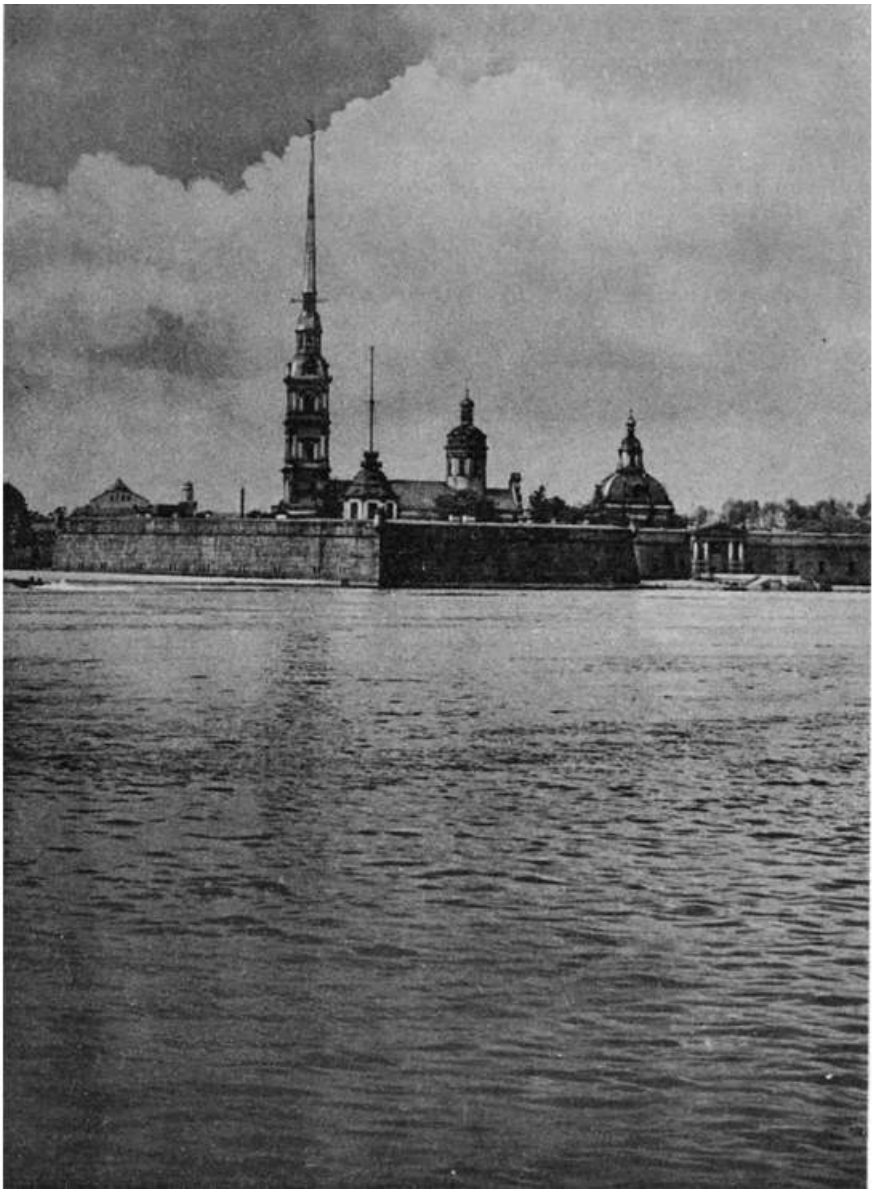
Порт.

Заводы Невской стороны.

Нарвские ворота.



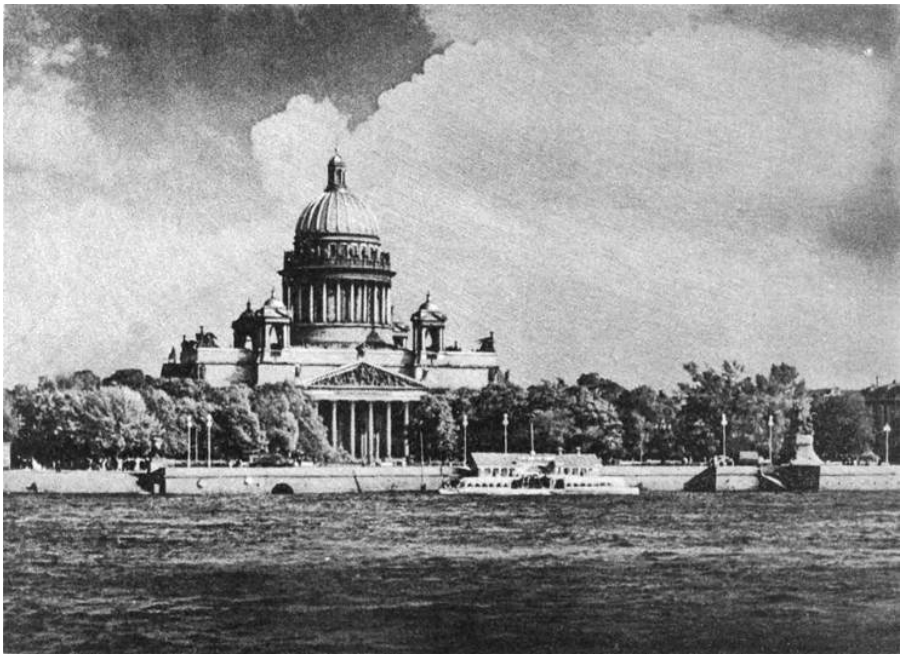
Вечернее солнце на Сенатской площади.



Петропавловская крепость.

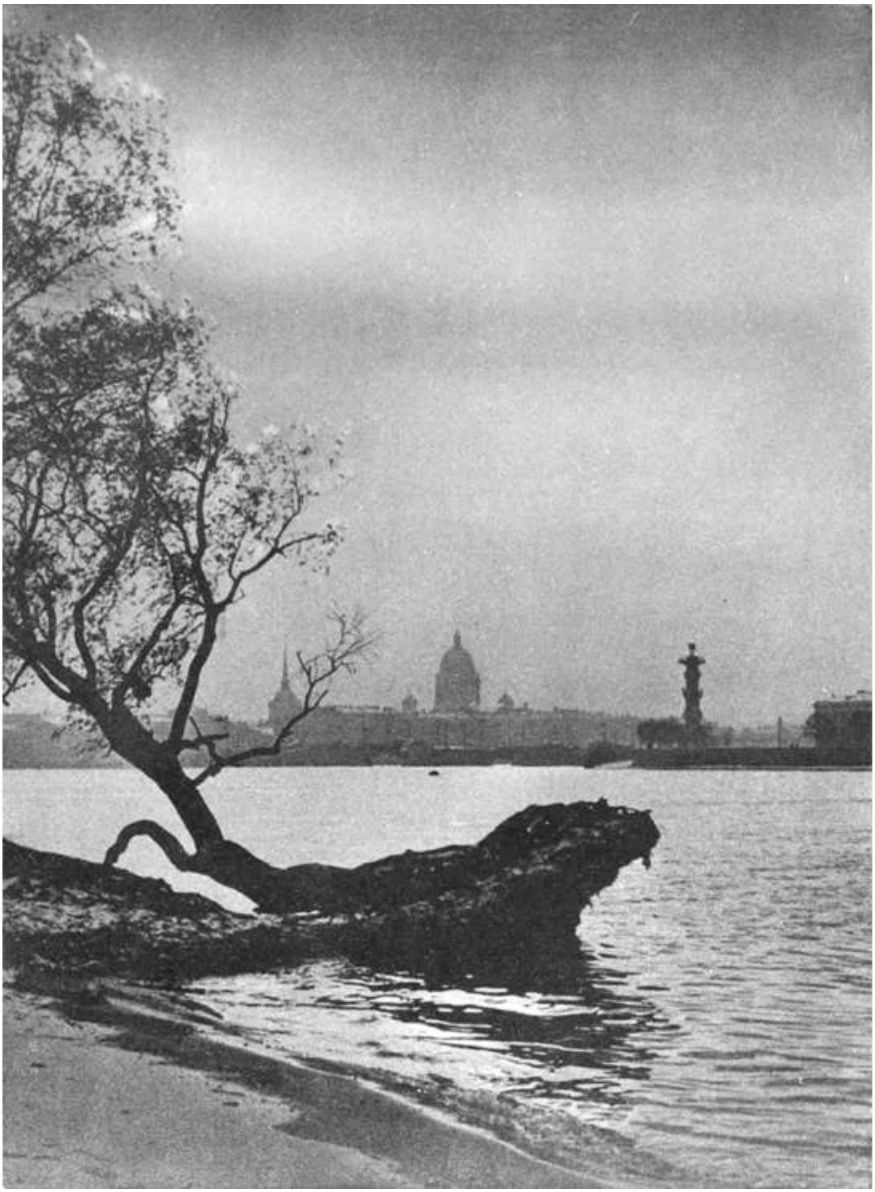
Гранитная набережная у Университета.

Воскресенье на Кировских островах.



Исаакиевский собор.

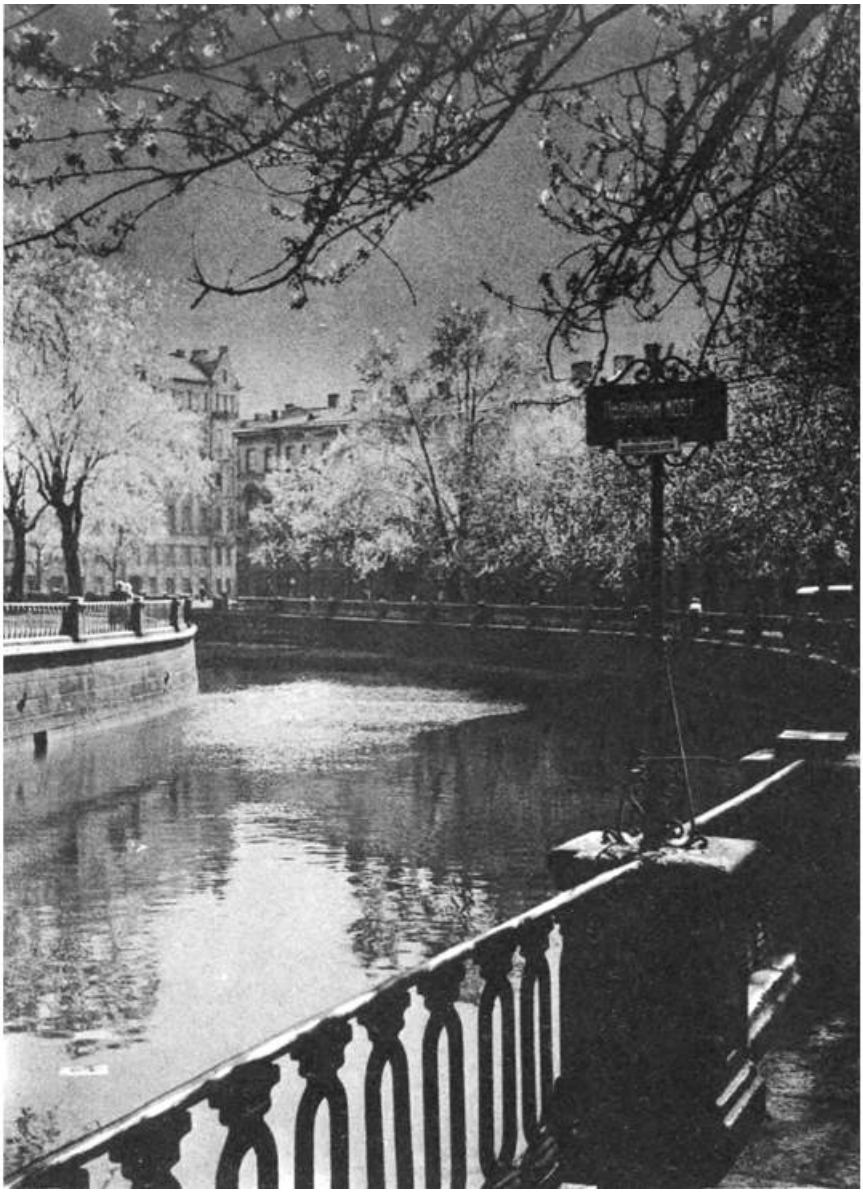
Александровская колонна.



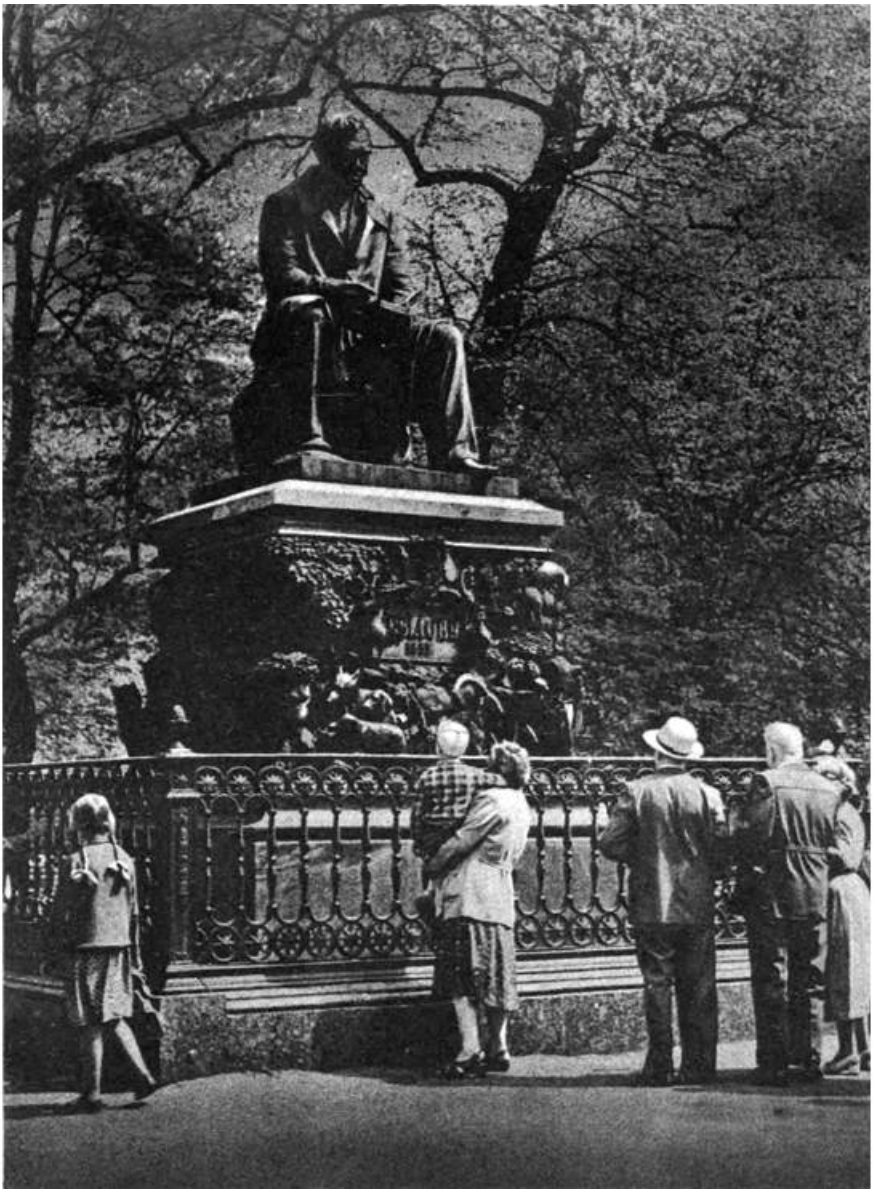
Осенний день на Неве.

Стадион имени С. М. Кирова. Главный вход.

Невский проспект.



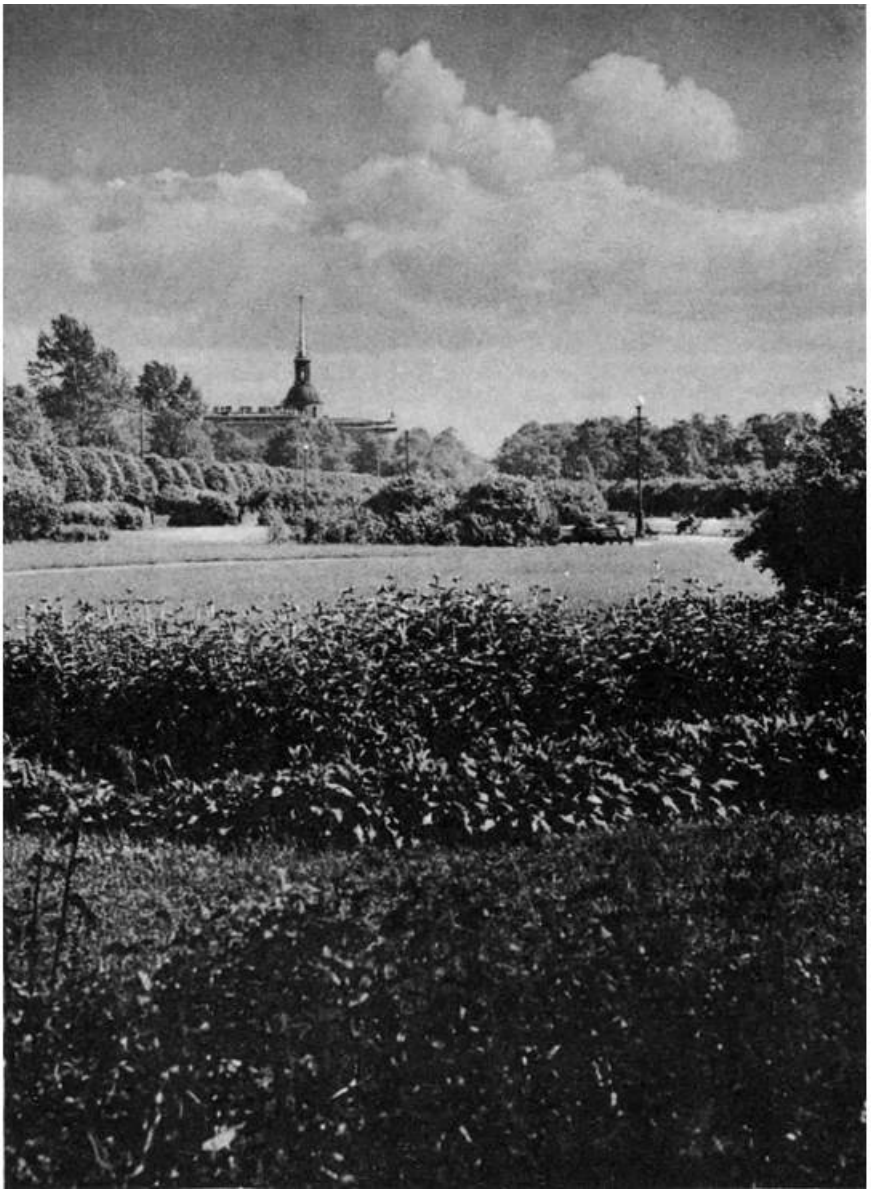
Река Мойка.



В Летнем саду.

Памятник Суворову на Марсовом поле.

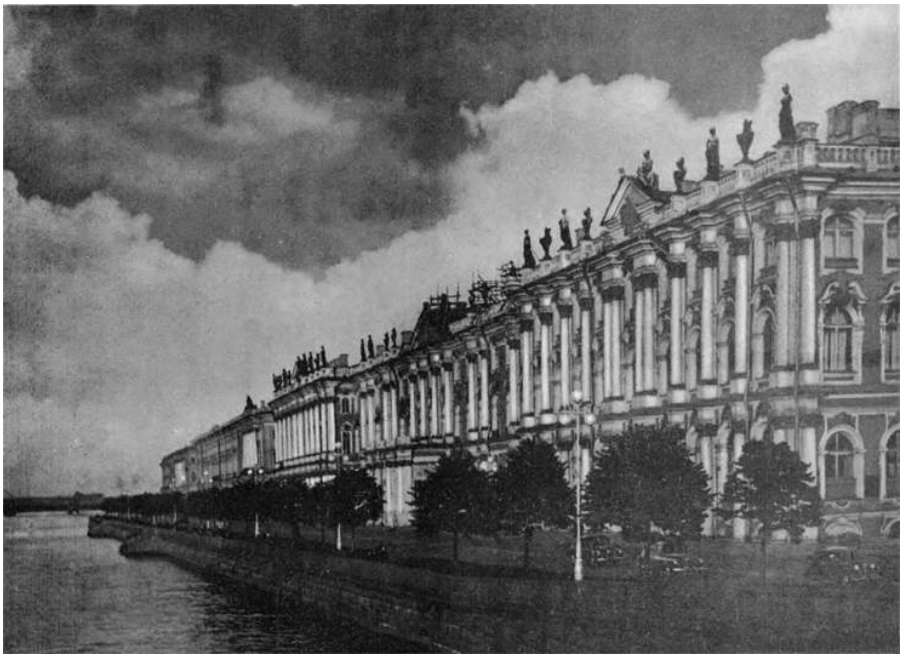
Спуск к Неве у Адмиралтейства.



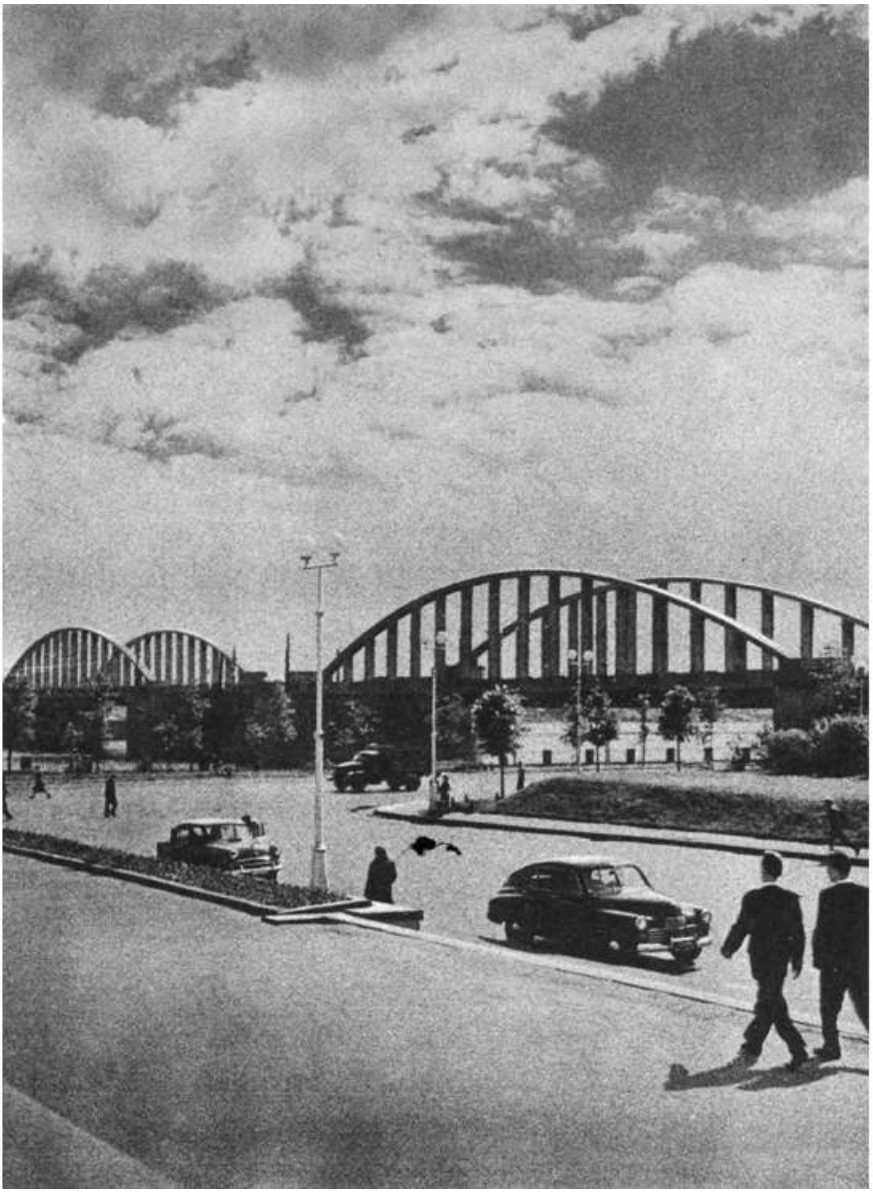
Марсово поле.

Сфинкс из древних Фив в Египте.

Чернышев мост.



Зимний дворец.



Володарский мост.

Подземный вестибюль станции «Площадь Восстания».

Дом Советов.

Содержание

Читателям … 3
Невская виктория … 7
На чем стоит Ленинград … 10
Камни нашего города … 15
Живая вода … 25
О чем говорят имена наших улиц … 31
Фонарики-сударики … 44
Лошадиная сила … 54
В бронзе и мраморе … 60
На охоту за львами … 67
Мосты повисли над водами … 74
Дерзновению подобно … 83

notes

Примечания

1

Эльф — река (шведск.)

2

«*Стогны*» — по-древнерусски — означало «площади».

3

Очень возможно, что, наоборот, писатель А. Толстой, живший долго в городе Пушкине, нашел название Шушары подходящим для крысиного, шуршащего имени и ввел его а свою чудесную сказку.